

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. Н. РУДЕНКО

**АРАБСКИЕ СТРАНЫ
В УСЛОВИЯХ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
РЕАЛЬНОСТИ
(2010-е годы)**

Москва
ИВ РАН
2019

Ответственный редактор
кандидат экономических наук А. О. Филоник

Рецензенты
доктор экономических наук, профессор В. А. Исаев
кандидат экономических наук З. А. Соловьева
кандидат экономических наук Г. Л. Гукасян

Руденко Л. Н.

Р 83 Арабские страны в условиях новой экономической реальности (2010-е годы) / Отв. ред. А. О. Филоник; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 232 с.

ISBN 978-5-89282-920-5

Монография посвящена исследованию различных аспектов социально-экономического развития арабских стран в 2010-е годы, которые характеризуются формированием новой экономической реальности как в глобальном масштабе, так и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Важное место в книге отведено изучению влияния ухудшения конъюнктуры глобального энергетического рынка на макроэкономическое и финансовое положение арабских государств-экспортёров углеводородов, анализу сдвигов в мировом производстве, потреблении и международной торговле энергоносителями и их воздействию на экономику арабских производителей нефти и газа. В то же время автор исследует проблемы экономической диверсификации в странах Ближнего Востока и Северной Африки в новых условиях. В работе рассматриваются некоторые итоги, специфика, проблемы и сложности, а также перспективы цифровизации в экономике арабских стран.

Издание адресовано студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений, научным сотрудникам, журналистам, дипломатам и всем, кто интересуется экономическими и социальными проблемами арабских стран.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I.	
Влияние снижения глобальных нефтяных цен на экономику арабских стран-экспортёров углеводородов.....	8
1. Страны-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.....	9
2. Трансформация мировых рынков углеводородов и её воздействие на нефтегазовый сектор арабских стран.....	19
Глава II.	
Проблемы экономической диверсификации в арабских странах в новых условиях.....	38
1. Арабские страны-экспортёры нефти и газа.....	38
2. Арабские страны-импортёры углеводородов.....	99
Глава III.	
Экономическая ситуация в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене в 2010-е годы.....	161
Глава IV.	
Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран.....	179
Заключение.....	199
Библиография.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Монография посвящена исследованию различных аспектов социально-экономического развития арабских стран в 2010-е годы, которые характеризуются формированием новой экономической реальности как в глобальном масштабе, так и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Важно отметить, что арабские страны за прошедшие более чем три десятилетия заметно продвинулись по пути создания и развития национального рыночного пространства. Об этом, в частности, наглядно свидетельствует появление значительного числа новых отраслей и хозяйствующих субъектов в экономике и обрабатывающей промышленности, в том числе и в частном секторе, повышение роли местного производства в удовлетворении внутренних потребностей в ряде товаров производственного и потребительского назначения. Важно подчеркнуть, что развитие экспортных производств, деловых, торговых и туристических связей Ближнего Востока и Северной Африки с внешним миром способствовало всё более активному втягиванию этого региона в мировой рынок, что, в свою очередь, находилось в русле набирающих силу тенденций глобализации мирового хозяйства.

В результате арабский мир добился определённых сдвигов в материально-технической базе производства и в улучшении макроэкономических показателей. Так, вплоть до начала глобального финансово-экономического кризиса в 2008 г. экономика рассматриваемого региона росла достаточно динамично: среднегодовой прирост совокупного ВВП арабских стран в 2000–2007 гг. составлял более 5%¹.

¹ Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М., 3.12.2009.

Поскольку ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке во многом определяется состоянием мировой экономики, расположенные здесь страны, естественно, в период глобального кризиса также не смогли избежать экономического спада. Однако, уже во второй половине 2009 г. положение в регионе начало улучшаться, и, по оценке экспертов ООН, экономический рост в большинстве арабских государств в 2010 г. в среднем колебался в промежутке от 3,5% до 4,0%².

В 1990–2010-е годы трансграничные потоки финансовых ресурсов, товаров, информации, людей привели к беспрецедентному взаимодействию экономик, государств и народов, способствовали формированию новой экономической реальности, которая открывает огромные возможности для роста и развития, но также несёт в себе серьёзные экономические риски для стран и регионов мира.

На протяжении 2010-х годов в мировом пространстве происходило ухудшение глобальных финансовых условий, эскалация торговой напряжённости (прежде всего, между США и Китаем), более значительное, чем предполагалось замедление прироста ВВП в Китае – всё это вместе взятое, наряду с волатильностью нефтяных цен и некоторыми другими факторами, оказывало негативное влияние на глобальный экономический рост, который в 2018 г. составил, согласно данным Международного валютного фонда, 3,7%, а на 2019 г. прогнозировался на уровне 3,5%³. При этом прогноз на 2019 г. был частично связан с отрицательным эффектом от решения, принятого США и Китаем в начале указанного года, повысить таможенные ставки на ряд товаров во взаимной торговле. Кроме того, уменьшению доверия международных финансовых рынков способствовали рост процентных ставок в США и завышенный курс американского доллара, а также снижение экономической активности в ряде стран Европы (в частности, в Великобритании, Германии и Италии).

² World Economic Situation and Prospects. U.N. N.Y., 2009, 2010.

³ World Economic Outlook UpDate. International Monetary Fund. Washington, January 2019 (<https://www.imf.org/-/media/.../outlookupdate>).

Резкое падение мировых нефтяных цен в 2014–2015 гг. оказало крайне негативное влияние на региональную экономическую ситуацию в рассматриваемый период. Поэтому важное место в работе отведено изучению влияния ухудшения конъюнктуры глобального энергетического рынка на макроэкономическое и финансовое положение арабских государств-экспортёров углеводородов, а также мер, принимавшихся их правительствами с целью смягчения отрицательных последствий. Кроме того, большое внимание уделено анализу сдвигов на мировом рынке энергоносителей, которые уже произошли и могут иметь место в обозримом будущем. При этом основной акцент делается на их прогнозируемое воздействие на арабских производителей нефти и газа.

Поскольку в долгосрочной перспективе, по всей вероятности, сохранится существенная зависимость большого числа арабских стран от нефтегазового сектора, в первой части работы значительное внимание также уделено исследованию сдвигов на мировом рынке углеводородов, которые уже произошли и могут иметь место в предстоящий период в области добычи, спроса и позиций основных участников глобального рынка. При этом, основной акцент делается на арабские страны-производители нефти и газа. Необходимо отметить, что выводы и оценки, которые делает автор данной монографии основываются на прогнозе развития мировой энергетики, подготовленного экспертами Международного энергетического агентства (МЭА) до 2040 г.

Вторая глава книги посвящена проблемам экономической диверсификации в арабских странах в новых условиях. Следует подчеркнуть, что автор провёл исследование особенностей, путей и методов осуществления правительствами отдельных частей региона социально-экономических преобразований и основных аспектов их деятельности по формированию полноценных рынков, отвечающих современным реалиям, разделив арабские страны на две группы: 1) нефтеэкспортёры – Алжир, Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман,

Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия; 2) нефтеимпортёры – Египет, Иордания, Ливан, Марокко, Тунис. Включение Египта в число арабских нефтеимпортёров обусловлено тем, что из-за снижения добычи нефти в этой стране, которое отмечалось со второй половины 1990-х годов, внутреннее потребление «чёрного золота» постепенно стало превышать его производство. Растущий спрос на сырую нефть частично покрывался импортом этого углеводорода.

Как известно, начало 2010-х годов ознаменовалось для арабского мира крупными политическими потрясениями, которые безусловно, оказали и продолжают оказывать негативное влияние как на экономику Арабского Востока в целом, так и ряда государств, наиболее серьёзно затронутых событиями, получившими название «арабская весна». Поэтому в третьей главе данного исследования анализируется экономическая ситуация в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене, в которых в 2010-е годы сохранялись военная напряжённость и внутривнутриполитическая нестабильность.

В течение последних десятилетий трансграничный поток информации, связывающей страны Ближнего Востока и Северной Африки с остальным миром, согласно оценке международных экспертов в области высоких технологий, увеличился более чем в 150 раз. Это свидетельствует о том, что регион активно включился в глобальный процесс цифровой трансформации. Некоторые итоги, специфика, проблемы и сложности, а также перспективы арабской цифровизации в экономике рассматриваются в четвёртой главе работы.

Важно отметить, что исследование комплекса проблем, связанных с темой монографии, базируется на изучении широкого круга как российских, так и зарубежных источников, а также достаточно большого объёма статистического материала, учитывая, что в книге анализируются современные тренды в экономике и социальной сфере значительного числа арабских государств в условиях новой глобальной реальности.

Глава I

ВЛИЯНИЕ СНИЖЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ НЕФТЯНЫХ ЦЕН НА ЭКОНОМИКУ АРАБСКИХ СТРАН-ЭКСПОРТЁРОВ УГЛЕВОДОРОДОВ

Экономическая ситуация в регионе Ближнего Востока и Северной Африки кардинально изменилась после начала падения мировых нефтяных цен во второй половине 2014 г. Так, цена на международную эталонную нефтяную марку Brent Crude снизилась со 115 долларов¹ за баррель в июне 2014 г. до примерно 36 долларов в середине декабря 2015 г., что явилось крупнейшим падением этого показателя за семь предшествующих лет². Естественно, снижение цен оказало негативное воздействие на экономику арабских стран-экспортёров углеводородов, нефтяные доходы которых, по данным Международного валютного фонда (МВФ), уменьшились на 360 млрд долл. в 2015 г.³

В ноябре 2016 г. между Организацией стран-экспортёров нефти и рядом государств, не входящих в ОПЕК, было заключено соглашение, которое предусматривало сокращение совокупной добычи нефти в течение шести месяцев, начиная с 1 января 2017 г.⁴ Позднее нефтяная сделка была

¹ Здесь и далее имеются ввиду доллары США.

² World Economic Outlook. International Monetary Fund. Washington, 2016.

³ Ibid.

⁴ Soldatkin V., Gamal R., Lawler A. OPEC, non-OPEC agree first global oil pact since 2001 (<https://www.reuters.com>).

продлена до конца декабря 2018 г., а с 1 января 2019 г. – ещё на шесть месяцев. В результате достигнутых договорённостей с середины 2017 г. начался постепенный рост мировых нефтяных цен. Так, средняя цена на Brent Crude в течение 2017–2018 гг., согласно оценке, находилась на уровне 72 долл. за баррель⁵.

Однако, несмотря на повышательный ценовой тренд, в арабских странах-экспортёрах нефти в указанные два года происходило замедление экономического роста (до 1,8% и 2,0% соответственно), что было обусловлено, с одной стороны, сокращением добычи нефти и продолжающимся геополитическим напряжением в регионе, с другой. Кроме того, прирост ВВП сдерживали достаточно жёсткие фискальные меры, проводившиеся правительствами рассматриваемой группы государств.

1. Страны-члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)⁶

Несмотря на бесспорные достижения в структурной перестройке национальных хозяйств и их диверсификации за последние три десятилетия, социально-экономическое развитие арабских государств Персидского залива продолжает в значительной степени зависеть от добычи и экспорта углеводородов. Так, доля нефтяного сектора в ВВП аравийских монархий колеблется в пределах от 30% до 65%. Поступления стран ССАГПЗ от продажи нефти на внешних рынках составляют основу доходной части их государственных бюджетов (75–95%), а также подавляющую долю всей валют-

⁵ Economic update: OPEC meeting raises output and questions. November 2018 (<https://www.pwc.com/m1/en/publications/middle-east-economy-watch/economic-update:meeting-raises-output-and-questions>).

⁶ В эту региональную организацию входят шесть арабских стран: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединённые Арабские Эмираты, Оман и Саудовская Аравия.

ной выручки (70% и более)⁷. Поэтому вполне закономерно, что, согласно оценке МВФ, прирост совокупного ВВП стран ССАГПЗ в 2015 г. замедлился до 3,2% по сравнению с 3,4% в 2014 г. в результате падения глобальных нефтяных цен. В 2016 г. произошло дальнейшее снижение темпа экономического роста в рассматриваемом субрегионе, который составил 2,7%⁸, а в последующие два года он колебался вокруг отметки в 2,0%⁹.

Правительства стран ССАГПЗ с целью минимизации последствий экономического спада прибегли к использованию своих резервов иностранной валюты и распродаже зарубежных активов для финансирования дефицитов государственных бюджетов. В этой связи важно отметить, что суммарный бюджетный дефицит «шестерки» в 2015 г. оценивался в 700 млрд долл., то есть составлял 13,2% их кумулятивного ВВП¹⁰.

Низкие нефтяные цены оказывали негативное влияние на состояние фондовых рынков аравийских монархий. Так, за первые три квартала 2015 г. капитализация этих рынков упала почти на 6% до 944 млрд долл., и ее снижение продолжалось в 2016 г.¹¹ Индексы уменьшились довольно заметно, при этом значительнонее всего на Dubai Financial Market (DFM) – на 14,8% и на саудовской Tadawul – на 13,5%.

Ликвидность рынков капитала рассматриваемых стран также существенно снизилась. Например, объем торговых операций в стоимостном выражении на Kuwait Securities Exchange упал в третьем квартале 2015 г. на 25% против соответствующего периода 2014 г., а на Tadawul – на 20,1% за первые девять месяцев 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г.

⁷ Руденко Л.Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Казань. 2017, с.60.

⁸ Middle East Economic Digest. Yearbook 2016. London, p. 11.

⁹ World Economic Outlook. International Monetary Fund. Washington, 2018-2019.

¹⁰ Middle East Economic Digest. Yearbook 2016. London, p. 12.

¹¹ Ibid, p. 24-26.

В ожидании продолжения понижительных трендов компании стран Персидского залива теряли интерес к первичному публичному размещению акций (initial public offering – IPO). Фирмы, которые вели подготовку к IPO, не торопились в надежде на улучшение условий или предпочитали западные рынки, понимая, что могут достичь там более благоприятных результатов.

Банки государств ССАГПЗ, которые представляют важный сегмент листинга фондовых бирж, пострадали от снижения депозитов, ухудшения качества активов и снижения возможностей кредитования. В период высоких нефтяных цен депозиты росли достаточно быстро благодаря вкладам правительств и развивавшихся региональных бизнесов, а также домохозяйств. Это давало банкам источник сравнительно дешевого финансирования, предоставляя им тем самым возможность конкурировать за счет кредитования по невысоким ставкам. В результате падения притока депозитов в ряде стран ССАГПЗ снизилась банковская ликвидность. Государственное заимствование в форме корпоративных займов и выпуска ценных бумаг также способствовало уменьшению ликвидности, что угрожало ограничением кредитования частного сектора.

Замедление экономического роста приводило к увеличению проблемных займов. Так, согласно данным UAE Banking Federation, в ОАЭ просроченная задолженность по кредитам малых и средних предприятий составляла в рассматриваемые годы 1,4–1,9 млрд долл., при этом многие владельцы частных компаний скрывались, чтобы избежать последствий, предусмотренных законом о банкротстве.

Ситуация в банковской системе стран ССАГПЗ во второй половине 2010-х годов ухудшилась во многом из-за снижения государственных депозитов. В Саудовской Аравии депозиты государства уменьшились к середине 2015 г. до 19,8% общего объема банковских вкладов против 22,5% в декабре 2014 г., согласно Moody's Investors Service. Особенно тревожная тенденция наблюдалась в Катаре, где прирост займов оставался на уровне 10,7% при стагнации при-

тока депозитов. Темпы прироста депозитов частного сектора также начали замедляться в рассматриваемый период. Так, в Кувейте к третьему кварталу 2015 г. они замедлились до 5,4% в годовом исчислении, а в ОАЭ – до 6,6%¹².

Арабские и западные специалисты по экономике стран ССАГПЗ сходились в том, что отмеченные тренды способствовали ужесточению ситуации в сфере кредитования и замедлению темпов прироста займов, тем более, что некоторые центральные банки государств региона установили лимиты на соотношение «займы-к-депозитам» (loan-to-deposit ratio). Все это, вместе взятое, привело к повышению стоимости кредитования в аравийских монархиях. В этих условиях, как отмечали финансовые аналитики, банки стремились увеличить кредитование путем выпуска ценных бумаг, который заметно возрос, в том числе за счет эмиссии следующих банков: National Bank of Abu-Dhabi (750 млн долл.), International Bank of Qatar (500 млн долл.), Commercial Bank of Dubai (400 млн долл.), National Bank of Oman (300 млн долл.). Тем не менее, сохранялась озабоченность, связанная с ликвидностью фондовых рынков стран Персидского залива и их способностью абсорбировать возросший объем выпусков ценных бумаг банковским сектором.

Несмотря на то, что страны-производители нефти Персидского залива накопили внушительные иностранные резервы и активы в предшествующий период, их правительства были вынуждены в условиях низких нефтяных цен пересматривать свою финансовую политику, сокращать расходы, наряду с введением новых налогов и принятием других мер для увеличения и диверсификации источников государственных доходов. Экономические последствия начали заметно проявляться уже со второй половины 2015 г. Это нашло отражение, в частности, в замедлении подписания контрактов на осуществление крупных проектов, а также в появлении сообщений в СМИ о переносе сроков реализации

¹² Moody's Investor Service. Washington. 2014–2016.

довольно значительного числа проектов, предусмотренных уже заключёнными соглашениями.

В странах ССАГПЗ при сокращении расходов государственных бюджетов основной упор был сделан на уменьшение капитальных расходов. Так, объем регионального рынка проектов сжался в 2015 г. на 3,2% по сравнению с предшествующим годом ¹³. При этом львиная доля падения была связана со спадом в саудовском сегменте этого рынка, который сузился на 15,6% в 2015 г., или до 1 трлн долл. Необходимо подчеркнуть, что на королевство в указанном году приходилось 38% общей стоимости заключённых контрактов в государствах ССАГПЗ. Поэтому, безусловно, отмеченное снижение оказывало негативное воздействие на ситуацию на данном рынке в целом.

В условиях снижения доходной части государственных бюджетов аравийские монархии пытались увеличить финансирование за счет внутренних и внешних заимствований. Саудовская Аравия, например, выпустила в 2015 г. облигации, деноминированные в местной валюте, на сумму около 9 млрд долл., что стало первым выпуском ценных бумаг за последние восемь лет. В то же время в рассматриваемый период заметно активизировались налоговые дебаты. В этой связи важно отметить, что в аравийских монархиях ситуация исторически сложилась таким образом, что налоговые режимы не были значимыми в качестве механизмов, генерирующих государственные доходы, учитывая, что существенная, а иногда и подавляющая их часть, формировалась за счет нефтегазового сектора. Страны ССАГПЗ позиционировали себя как экономическое пространство с низкими налогами, при этом они использовали отсутствие подоходного налога с физических лиц и незначительные корпоративные ставки обложения как средство привлечения инвестиций и международной экспертизы в данный регион.

В период глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., когда произошло падение нефтяных цен, повсе-

¹³ Middle East Economic Digest. Yearbook 2016, London, p. 12.

местно в государствах Залива большинство правительств начали разработку законов о налоге на добавленную стоимость (value-added tax – VAT). Однако планы введения этого закона были отложены во время «арабской весны» 2011 г., поскольку власти решили не проводить непопулярные реформы, которые могли бы привести к повышению стоимости жизни и ведения бизнеса в странах ССАГПЗ.

Необходимость стимулирования доходов в современных условиях заставила вернуться к вопросу введения новых налогов и других видов обложений. Яркий пример подобного развития событий представляет Дубай. В государственном бюджете эмирата на 2015 г. было заложено увеличение налоговых поступлений на 12% по сравнению с 2014 г.¹⁴

Важную роль в доходной части бюджета Дубая уже играли таможенные пошлины, налоги на нефтяные компании и иностранные банки. Этот эмират был лучше защищен, чем, например, Абу-Даби, от влияния снижения нефтяных цен, так как на поступления от добычи и экспорта «черного золота» приходилось менее 5% государственных доходов. Однако, ухудшение конъюнктуры мирового рынка нефти все же привело к уменьшению возможностей Дубая по финансированию крупных инфраструктурных проектов.

С целью стимулирования доходов эмират встал на путь повышения ставок сборов на государственные услуги. В частности, Roads & Transport Authority (RTA) в конце 2014 г. увеличило минимальные расценки на услуги такси, оно также расширило число платных стоянок. Другие виды косвенного налогообложения, уже применявшиеся в Дубае, включали дорожные сборы, коммунальные платежи за электричество и воду, а также муниципальные сборы, которыми облагались счета в ресторанах и отелях.

В отличие от Дубая, экономика Абу-Даби, являющегося одним из крупнейших мировых производителей нефти, была более существенно затронута снижением мировых цен. В условиях отсутствия персональных и корпоративных нало-

¹⁴ Middle East Economic Digest. London. 14-20.01.2015.

гов этот эмират сделал шаг к увеличению государственных доходов путем реформирования своих тарифов на воду и электричество, впервые подняв их с 1 января 2015 г. для экспатриантов и граждан.

Бахрейн и Оман – страны Залива, экономика которых наиболее уязвима в условиях сохранения низких нефтяных цен, и, следовательно, перед ними особенно остро стояла проблема увеличения доходов. Так называемая нефтяная цена равновесия (цена, при которой достигается баланс между доходами и расходами государственного бюджета) для Бахрейна в 2015 г. находилась на отметке 94 долл. за баррель. Поэтому правительство страны ввело подоходный налог в размере 46% на нефтегазовые компании. В бюджете Омана на 2015 г. налоговые поступления были запланированы на 25% выше уровня соответствующих доходов, полученных в 2014 г.

Что касается других стран ССАГПЗ, то они находились в относительно более благоприятном положении, чтобы приспособиться к новой экономической реальности. Так, Саудовская Аравия покрыла бюджетный дефицит в 2015 г. за счет своих огромных резервов иностранной валюты, которые оценивались в 736 млрд долл.¹⁵ Аналогичную реакцию на снижение нефтяных цен продемонстрировал Катар, значительная доля государственных доходов которого приходится на продажу сжиженного природного газа, экспортируемого главным образом по долгосрочным соглашениям.

«Нефтяная цена равновесия» для Кувейта являлась самой низкой в регионе (в 2015 г. она составляла 47 долл. за баррель), что, наряду со значительными запасами углеводородов, делало его экономику одной из наиболее устойчивых к неблагоприятным колебаниям мировой конъюнктуры. Поэтому правительство страны не планировало повысить или ввести новые налоги. Тем не менее, оно предприняло шаги по поддержанию бюджета путем сокращения некото-

¹⁵ Middle East Economic Digest. London. 14-20.01.2015.

рых расходов, в частности, ассигнований на топливные субсидии.

В рамках этих мер кувейтское правительство 1 января 2015 г. подняло цену на дизельное топливо с 0,6 кув. динара (КД) до 1,7 КД, что вызвало критику со стороны некоторых слоев населения. В этой связи важно заметить, что на субсидии в стране тратится существенная доля ВВП. Однако проблема заключается в том, будут ли власти способны противостоять социальным волнениям и беспорядкам, к которым может привести их сокращение.

Кроме того, Кувейт предпринял некоторое повышение ряда косвенных налогов, таких, например, как визовые сборы и платежи за регистрацию компаний. Подобные меры больше являлись причиной для раздражения, чем поводом для протестных акций. В то же время правительство, делая эти шаги, могло отпугнуть крайне необходимое стране иностранное инвестирование.

Таким образом, введение налогообложения в его традиционной форме подоходного налога на юридических и физических лиц не стало в новых экономических условиях главной стратегией правительств стран ССАГПЗ, направленной на увеличение доходной части своих бюджетов. Они предпочитали использовать другие методы и, в первую очередь, такие как повышение уровня сборов за государственные услуги и сокращение субсидий. Однако рост платежей за коммунальные услуги, транспортных издержек и других видов косвенного налогообложения означал заметное увеличение стоимости жизни и ведения бизнеса в арабских государствах Персидского залива.

Во второй половине 2010-х годов макроэкономическая ситуация в аравийских монархиях, безусловно, существенно осложнилась, сокращались бюджетные расходы, снижались темпы экономического роста. Тем не менее, определенные стратегически важные сектора продолжали получать финансовые средства в должном объеме. Это коснулось, в первую очередь, электроэнергетики и водоснабжения, на которые

сильное давление оказывал быстрый рост населения в рассматриваемом регионе. Аналогичный подход наблюдался к проектам в сфере социальной инфраструктуры. Напуганные «арабской весной» государства ССАГПЗ просто не могли себе позволить сдерживать расходы на доступное жилье, школы и здравоохранение.

Инвестиции в железнодорожный транспорт и строительство метро также вошли в число приоритетных. Правительства аравийских стран заявляли, что расходы на сооружение железных дорог являются стратегическими и рассматриваются как двигатель экономического роста.

Поскольку падение нефтяных цен привело к увеличению проблем, связанных с финансированием проектов, правительства стран Персидского залива пытались расширить практику использования различных новых моделей привлечения инвестиций. В частности, они призывали подрядчиков более активно участвовать своими финансами в реализации проектов. В этих условиях иностранные компании были вынуждены привлекать свои национальные экспортные кредитные агентства по страхованию проектных рисков, обеспечивая тем самым поддержку банкам при кредитовании ими тех или иных проектов в аравийских монархиях.

Правительства стран ССАГПЗ также стремились развивать различные модели государственно-частного партнерства (public-private partnership – PPP). Помимо Кувейта, который пересмотрел свою программу PPP в связи с созданием новой структуры – Kuwait Authority for Private Partnerships, другие государства Персидского залива до сих пор не демонстрировали большое желание или потребность использовать PPP-модели за рамками сектора электроэнергетики. В то же время крупномасштабные проекты в сфере железнодорожного и авиационного транспорта создали новые возможности. Это подтверждает успех проекта по расширению терминала аэропорта Медина, который был спроектирован, построен, обеспечен финансированием кон-

сорциумом во главе с турецкой TAV на основе контракта по PPP-модели.

Необходимо отметить, что инновационные пути финансирования проектов в рассматриваемом регионе наибольшее развитие получили в сфере электроэнергетики. Так, в 2013 г. ценные бумаги (project bonds), выпущенные на сумму в 825 млн долл., сформировали часть рефинансирования проекта Shuweihat S2 (independent water and power project – IWPP) в Абу-Даби. Первое подобное использование инструмента долгового рынка (debt capital market) в реализации IPP (independent power project) в странах Залива дало толчок применению данной модели в качестве альтернативного источника финансирования других региональных электроэнергетических проектов. В частности, Abu Dhabi National Energy Company (Taqa), Dubai Electricity & Water Authority, Saudi Electricity Company (SEC) проявляют значительный интерес к инновационным путям финансирования, учитывая, что традиционные коммерческие кредиторы испытывают сокращение ликвидности.

Частные компании также начали все чаще обращаться к рынкам капитала за более конкурентоспособными формами финансирования. Так, в мае 2015 г. Oman Electricity Transmission Company, которая является оператором распределительных сетей высокого напряжения в султанате, привлекла 1 млрд долл. с международного долгового рынка капитала путем выпуска корпоративных бондов, которые вызвали заметный интерес со стороны инвесторов.

Важно подчеркнуть, что снижение основных макроэкономических показателей, которое происходило в странах ССАГПЗ в 2015–2016 гг., являлось наиболее значительным за весь период 2010-х гг. В последние годы рассматриваемого десятилетия наметилось некоторое улучшение ряда индикаторов, однако понижительный тренд в целом сохранялся.

2. Трансформация глобальных рынков углеводородов и её воздействие на нефтегазовый сектор арабских стран¹⁶

Сдвиги, которые набирают обороты на мировых рынках углеводородов, начали оказывать серьёзное влияние на состояние нефтегазового сектора арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Ведущее положение среди мировых производителей «чёрного золота» в 2016 г. заняла Саудовская Аравия, которая увеличила добычу сырой нефти на 6,7% по сравнению с уровнем 2012 г. Что касается второй крупнейшей нефтедобывающей страны – России, то она превысила аналогичный показатель в рассматриваемые годы на 3,3%¹⁷. Мировым лидером по экспорту нефти в 2016 г. (как и в 2012 г.) оставалась Саудовская Аравия. За ней следовала Россия. На третье место поднялся Ирак, а Объединённые Арабские Эмираты опустились на пятую строчку.

В глобальном импорте «чёрного золота» в 2016 г. первое место по-прежнему занимали США, однако для них в последние годы была характерна нисходящая динамика закупок (максимум был пройден в 2006 г. – 530 млн т). В 2016 г. Соединённые Штаты импортировали 393 млн т нефти против 426 млн т в 2012 г.¹⁸ Высокие цены на сырую нефть (до второй половины 2014 г.), с одной стороны, заставили американское правительство проводить энергосберегающую политику и развивать альтернативные источники энергии, а с другой, благоприятно повлияли на активную разработку собственных месторождений сланцевой нефти. Важно отметить,

¹⁶ Исследование, проведённое автором в этой части работы базируется на анализе статистических данных за 2012–2016 гг., содержащихся в сборниках Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК), а также в прогнозе, подготовленном Международным энергетическим агентством в 2018 г.

¹⁷ Подсчитано автором по: Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018 (www.eia.org).

¹⁸ Подсчитано автором по: Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018.

что географическая структура импорта нефти в США являлась наиболее диверсифицированной в отличие от других крупных покупателей, что во многом было связано с широким распространением производственной деятельности американских нефтегазовых ТНК.

В последние два десятилетия отмечалось активное расширение импортных потребностей Китая в нефти. В результате, начиная с конца 2000-х годов, он прочно обосновался на втором месте в мире по закупкам данного вида сырья, учитывая, что ввод в действие новых нефтеперерабатывающих мощностей значительно опережал темпы роста китайской нефтедобычи. В географической структуре нефтяного импорта Китая в 2012–2016 гг. наибольший удельный вес приходился на страны Персидского залива.

В 2016 г. третье место среди стран-импортёров «чёрного золота» заняла Индия, а Япония переместилась на четвёртую позицию. Помимо ведущей четвёрки следует отметить и страны ЕС, суммарный ввоз нефти которых в указанном году превысил американский и составил 515 млн т¹⁹. Наиболее крупными покупателями этого энергоносителя в Евросоюзе выступали Германия, Испания, Италия, Франция, Нидерланды и Великобритания, доля которых составляла более 70% нефтяного импорта ЕС. К числу главных экспортёров нефти на европейский рынок относились Россия, страны Персидского залива, а также Северной и Западной Африки.

В 2012–2016 гг. более 40% глобального экспорта «чёрного золота» приходилось на арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки²⁰. Стремление правительств этой группы государств обеспечить финансовые ресурсы, необходимые для выполнения социально-экономических программ, предопределяли существенное внимание, которое уделялось ими развитию нефтедобывающей промышленности²¹. При

¹⁹ Ibid.

²⁰ Подсчитано автором по: Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018.

²¹ Ibid.

этом наиболее существенно добыча нефти в рассматриваемый период выросла в Саудовской Аравии, Ираке и Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). Саудовская Аравия увеличила производственные мощности до 12,5 млн баррелей в сутки (б/с), что позволило ей стать одним из ведущих, наряду с Россией и США, производителем жидкого топлива в мире. В период с 2012 г. по 2016 г. добыча нефти в королевстве выросла с 9,8 млн б/с до 10,5 млн б/с²².

Ирак обладает четвёртыми в мире (после Венесуэлы, Ирана и Саудовской Аравии) подтверждёнными запасами нефти, которые, по данным на 2016 г., составляли 148,8 млрд баррелей²³. Однако за последние три десятилетия в результате военных действий, экономических санкций, иностранной интервенции, разгула терроризма нефтяной промышленности страны был нанесён существенный ущерб. Иракское руководство со второй половины 2000-х годов начало предпринимать активные усилия по восстановлению и развитию нефтяного сектора. В стране была проведена серия тендеров, по итогам которых заключены соглашения с рядом международных компаний, предусматривающие разработку двенадцати нефтяных месторождений. Важно отметить, что ряд тендеров в Ираке выиграла компания «Лукойл» (одна из крупнейших российских нефтяных компаний) в партнёрстве с другими участниками торгов. В частности, контракт на разработку месторождения Западная Курна-2 (является вторым по величине в мире неразработанным месторождением с извлекаемыми запасами нефти около 14 млрд баррелей) сроком на двадцать лет с возможностью продления ещё на пятилетний период был подписан в январе 2010 г.

Кроме того, в 2012–2016 гг. в Ираке осуществлялась разработка крупнейшего нефтяного месторождения Румейла на юге страны, а также восстановление и развитие других нефте-

²² Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018, p.32.

²³ Ibid, p 26.

промыслов. В рассматриваемый период был реализован ряд проектов в области нефтяной транспортной инфраструктуры, предусматривающих как строительство новых нефтепроводов, так и капитальный ремонт и переоборудование существующих, восстановление насосных станций и другие работы. Всё это вместе взятое позволило стране в указанный период увеличить добычу и экспорт нефти в 1,6 раза ²⁴.

Достоверные запасы нефти в Объединённых Арабских Эмиратах оцениваются в 97,8 млрд баррелей. Добыча «чёрного золота» в ОАЭ в 2016 г. составила 3,1 млн б/с (в 2012 г. – 2,7 млн. б/с)²⁵. При этом более 95% всех запасов и добычи приходилось на Абу-Даби. ОАЭ планирует увеличить добычу нефти до более 3,5 млн б/с (175 млн т в год) к концу 2010-х годов путём разработки имеющихся и новых сухопутных и шельфовых месторождений. Следует отметить, что 55–60% нефтедобывающих мощностей Абу-Даби приходится на сухопутные месторождения. Однако в последние годы значительная часть ассигнований этого эмирата в нефтяную промышленность приходилась на шельфовый сектор. Важным фактором достижения поставленных в сфере развития нефтедобывающей промышленности целей руководство ОАЭ рассматривает продолжение сотрудничества с международными нефтяными компаниями, которое насчитывает более пяти десятилетий. В настоящее время все крупные местные добывающие компании-операторы имеют иностранных партнёров среди своих акционеров. Это позволяет, например, Abu Dhabi National Oil Company (Adnoc) получать доступ к их опыту и технологиям.

На три крупнейшие страны-производители нефти – Саудовскую Аравию, Ирак и Объединённые Арабские Эмираты – в 2016 г. приходилось 73,8% всего арабского экспорта «чёрного золота». При этом лидирующую позицию, как и в предыдущий период, занимала Саудовская Аравия с долей

²⁴ Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018, p. 32, 60.

²⁵ Ibid.

в совокупном вывозе нефти указанных трёх стран в 54,6%²⁶. Однако, если объём нефтяных поставок Саудовской Аравии и ОАЭ в 2012–2016 гг. оставался примерно на одном и том же уровне, то экспорт Ирака вырос почти в два раза²⁷.

В течение рассматриваемого пятилетия произошли существенные сдвиги в географическом распределении экспорта сырой нефти арабскими странами Ближнего Востока и Северной Африки. Так, доля стран Западной Европы и Северной Америки в общем объёме арабских поставок «чёрного золота» снизилась с 29,4% в 2012 г. до 22,2% в 2016 г. В то же время заметно вырос удельный вес государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – с 60,2% до 68,5%²⁸. Среди арабских экспортёров нефти наиболее значительно увеличили поставки в страны АТР Саудовская Аравия и Ирак: с 5782,6 тыс. б/с в 2012 г. до 7188 тыс. б/с в 2016 г., или на 24,3%. Что касается Объединённых Арабских Эмиратов, то на указанный регион приходилось в 2012–2016 гг. около 100% всего объёма вывозимой ими нефти²⁹.

В конце 2000-х – начале 2010-х годов на мировом рынке нефти сложилась ситуация, характерной чертой которой являлось значительное превышение предложения над глобальным спросом на этот энергоноситель, что усиливало давление на цены и способствовало увеличению запасов «чёрного золота». По мнению энергетических аналитиков, поскольку излишки нереализованной нефти уходили в запасы, то возможности для её хранения начали истощаться. Поэтому многие производители столкнулись с проблемой поиска рынков для своей продукции, особенно в условиях возросшей конкуренции. В этой связи важно подчеркнуть, что США в рассматриваемом десятилетии резко увеличили добычу сланцевой нефти внутри страны, в результате аме-

²⁶ Подсчитано автором по: Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Exporting Petroleum Countries. 2018.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

риканский импорт её традиционных видов начал постепенно снижаться. Напряжение, которое накопилось на глобальном рынке, вылилось в резкое падение нефтяных цен, начиная со второй половины 2014 г. Тем не менее, крупные нефте-экспортёры Ближнего Востока и Северной Африки после драматического падения цен продолжали добывать нефть в прежних объёмах, пытаясь таким образом сохранить свои доли на глобальном рынке. Позицию этих стран поддержала Организация стран-экспортёров нефти³⁰.

Однако, экономические трудности, которые испытывали все без исключения страны-экспортёры «чёрного золота», заставили их искать выход из сложившейся неблагоприятной ситуации. Так, в сентябре 2016 г. между Россией и Саудовская Аравией, на которые приходится более одной четверти глобальной добычи жидкого топлива, была достигнута договоренность о совместных действиях для поддержания стабильности на глобальном нефтяном рынке. По их инициативе в ноябре того же года между странами-членами ОПЕК и рядом государств, не входящих в эту организацию, и, прежде всего, с Россией было заключено соглашение, которое предусматривало сокращение совокупной добычи нефти в обеих группах государств на 1,8 млн б/с в течение шести месяцев, начиная с 1 января 2017 г.³¹ Данное соглашение не распространялось на Ливию и Нигерию из-за продолжавшихся в этих странах военных действий. Согласно соглашению, участники ОПЕК взяли на себя обязательство уменьшить производство нефти на 1,2 млн б/с, в том числе Саудовская Аравия – на 486 тыс. б/с. Страны, не входящие в ОПЕК, договорились сократить добычу на 558 тыс. б/с, из которых на Россию пришлось 300 тыс. б/с³². Позднее данная сделка продлевалась дважды и действовала с некоторыми изменениями до середины 2019 г.

³⁰ Семь из четырнадцати стран-членов ОПЕК – это арабские государства : Алжир, Ирак, Катар, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Саудовская Аравия.

³¹ Soldatkin V., Gamal R., Lawler A. OPEC, non-OPEC agree first global oil pact since 2001 (<https://www.reuters.com>).

³² Ibid.

В результате достигнутых договорённостей со второй половины 2017 г. начался постепенный рост мировых нефтяных цен. Так, стоимость нефтяной корзины стран ОПЕК на 24 ноября 2017 г. выросла на 10,9% против этого показателя на 24 октября того же года. К этому следует добавить, что по сравнению с 24 ноября 2016 г. рассматриваемая цена была выше на 36,3%³³.

Глобальные нефтяные цены в 2018 г. продолжали расти, достигнув трёхлетнего пика в первой декаде мая. Повышательный тренд был обусловлен рядом факторов, в том числе увеличением спроса, перебоями в поставках, эскалацией политических рисков и твёрдыми обещаниями ОПЕК и её партнёров – не членов данной организации поддерживать ограничения на добычу. В этой связи важно подчеркнуть, что рост глобального нефтяного спроса является ключевым двигателем повышения цен на «чёрное золото». Однако, несмотря на то, что Международное энергетическое агентство прогнозировало прирост спроса в 2018 г. на 1,3 млн б/с, эксперты не ожидали серьёзного роста цен, поскольку его могло сдерживать, по их мнению, заметное увеличение добычи сланцевой нефти. В частности, аналитики The U.S. Energy Information Administration повысили свой прогноз добычи нефти в США до 10,3 млн б/с в 2018 г. В то же время они полагали, что, если глобальные запасы жидкого топлива продолжат снижаться и напряженность на рынках возрастёт, то геополитические риски будут способствовать определённому повышению уровня цен в 2018 г.³⁴

За последние пятьдесят лет, помимо нефти, другим важнейшим источником энергии стал природный газ, на который в настоящее время приходится более 30% мировой торговли энергоносителями, этот углеводород зачастую доминирует в производстве электро- и теплоэнергии на развитых

³³ [https://www.focus-economics.com/november 27, 2017](https://www.focus-economics.com/november-27-2017).

³⁴ Munro D. Global oil markets set to strengthen further in 2018 ([www.agsiaw.org/january 22, 2018](http://www.agsiaw.org/january-22-2018)).

рынках. С начала XXI века отмечается стабильное увеличение подтверждённых мировых запасов природного газа. Так, в 2016 г. они оценивались в 220,5 трлн куб. м (в 2000 г. – 154 трлн куб. м)³⁵.

Важно отметить, что газовая промышленность – самая молодая среди других базовых отраслей мирового топливно-энергетического комплекса, для неё характерны более высокие темпы роста. Природный газ в целом отличается высокой теплотворной способностью (90% от нефтяной) и является более экологически чистым видом топлива. Как следствие, данный энергоресурс широко используется в коммунально-хозяйственном секторе, а также в качестве технического топлива в электроэнергетике и в различных отраслях промышленности (чёрная металлургия и другие). Кроме того, природный газ – более удобное сырьё для химической промышленности.

В настоящее время на арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки приходится около одной трети подтверждённых глобальных запасов природного газа. Однако, несмотря на внушительные газовые ресурсы, доля этого региона в мировой добыче газа весьма невелика (в 2016 г., по данным ОПЕК, она составляла 15,8%). В этой связи необходимо подчеркнуть, что более 75% запасов газа арабских стран связаны с нефтяными месторождениями. Поэтому исторически сложилось так, что данный энергоноситель до самого последнего времени рассматривался как побочный продукт добычи нефти, которая считалась более ценным товаром. Арабские производители «чёрного золота» использовали попутный газ в основном для повторного закачивания в пласты для поддержания уровня добычи или просто сжигали в факелах, так как не было необходимых технологий, обеспечивающих его сбор и хранение³⁶.

³⁵ Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018.

³⁶ Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Казань. 2017 г., с. 77.

В 90-е годы прошлого столетия в энергетической сфере стран региона произошёл решительный поворот к политике, направленной на интенсивную разработку ресурсов природного газа. Помимо роста необходимости в более рациональном использовании дефицитных, не возобновляемых энерго-ресурсов, этому способствовали и другие факторы:

- осознание реальности угрозы истощения разведанных запасов нефти;
- рост спроса на внутренних и мировом рынках на газ;
- усиливающийся выбор потребителей в пользу экологически более чистых видов топлива, к числу которых относится природный газ;
- появление новых технологий, открывающих перспективы широкомасштабной прибыльной эксплуатации и транспортировки к районам потребления продукции, как правило, с крупных и экспортоориентированных газовых месторождений.

Ведущее место по добыче газа среди арабских стран занимает Катар, обладающий третьими в мире после России и Ирана запасами природного газа (24,1 трлн куб. м по состоянию на 1 января 2017 г.)³⁷. Этому эмирату принадлежит крупнейшее в мире Северное месторождение (North field). Объём добычи катарского газа вырос в 2016 г. на 16,4% по сравнению с 2012 г., по этому показателю Катар оставался лидером среди арабских производителей природного газа. В то же время по экспорту этого энергоносителя Катар в 2016 г. занимал второе место после России с объёмом в 130,3 млрд куб. м³⁸.

В последние два десятилетия значительное развитие получил газовый сектор стран Северной Африки. Согласно данным ОПЕК, на три арабские страны – Алжир, Египет и Ливию – в 2016 г. приходилось в совокупности более 4%

³⁷ Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018, p. 120.

³⁸ Ibid, p. 126.

мировых доказанных запасов газа³⁹. Первенство в добыче и экспорте газа среди стран Магриба в 2016 г. удерживал Алжир, который по величине запасов природного и сланцевого газа занимает десятое и третье место в мире соответственно. Добыча газа в стране в указанном году достигла 93,2 млрд куб. м (в 2012 – 86,5 млрд куб. м)⁴⁰.

В XX веке развитие международной торговли природным газом базировалось на создании магистральных трубопроводов, протяжённость которых в настоящее время превышает 160 тыс. км. С 80-х годов прошлого столетия западные газовые компании начали внедрять промышленные технологии, позволяющие переводить газ в жидкую фазу (путём его охлаждения до низких температур) и примерно в 600 раз уменьшать исходный объём сырья, что создало условия для повышения мобильности поставок. В итоге переход от жёстких региональных трубопроводных кластеров к маневренным торговым связям и наращивание межконтинентальных перевозок сжиженного природного газа (СПГ) запустили процесс стирания границ разрозненных газовых сегментов и формирования глобального газового рынка⁴¹.

В 2010-е годы производство сжиженного природного газа велось в 18 странах мира. Мировым лидером этого сектора являлся Катар, за ним следовали Австралия, Индонезия, Малайзия, Нигерия. Важно отметить, что Катар сравнительно недавно начал производить и экспортировать СПГ, так как достаточно длительный период времени не мог освоить технологию сжижения природного газа из-за высокой её стоимости. Вложив в течение последних десяти лет крупные инвестиции в энергетический сектор, Катар превратился в крупнейшего экспортёра СПГ в мире. В списке крупных

³⁹ Ibid, p. 120

⁴⁰ Ibid, p. 124–125.

⁴¹ Руденко Л.Н. Трансформация мировых рынков углеводородов и её влияние на энергетическую политику и нефтегазовый сектор арабских стран. Арабский мир в потоке событий и времени. М., 2016, с. 218.

покупателей СПГ находились около 30 государств, среди которых доминировали следующие: Япония, обладающая тридцатью регазификационными терминалами; Республика Корея, а также Индия и Испания⁴².

Глобальное производство сжиженного природного газа в 2017 г. возросло до рекордного уровня в 290 млн. т, превысив тем самым его объём в 2016 г. на 12%. Подобный скачок был обусловлен главным образом резким увеличением выработки СПГ в Австралии и США. Что касается Катара, то производство этого энергоносителя в эмирате в 2017 г. оставалось примерно на уровне предшествующего года⁴³. Необходимо к этому добавить, что благодаря буму, который наблюдается в добыче американского сланцевого газа, США в 2017 г. заняли седьмое место в глобальном экспорте СПГ. В то же время Катар снизил объём аналогичных поставок в Восточную Азию с 22% в 2016 г. до 20% в 2017 г. Аналитики рынка СПГ прогнозировали, что в 2018 г. глобальное производство сжиженного природного газа вырастет до 300 млн т главным образом за счёт его прироста в Австралии и США, при этом последние будут мировыми лидерами увеличения выпуска СПГ⁴⁴. Ожидалось также, что в 2018 г. обострится конкуренция между Катаром, Австралией и США за рынки сбыта сжиженного природного газа. Так, предполагалось, что Катар будет конкурировать с Австралией в Восточной Азии, а в Европе с США и Россией. Кстати, уместно заметить, что эта арабская страна стремится форсировать экспорт СПГ в качестве двигателя её планов по увеличению производства этого энергоносителя на 30%, то есть до 100 млн т год⁴⁵.

⁴² Там же.

⁴³ An Overview of LNG market in 2017. Oil Industry Insight. March 20, 2018 (www.oilindustryinsight.com).

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ An Overview of LNG market in 2017. Oil Industry Insight. March 20, 2018 (www.oilindustryinsight.com).

Происходящие на протяжении последних пятнадцати лет существенные сдвиги в развитии глобальных рынков энергоносителей и в международной торговле углеводородами дают основание многим авторитетным международным и российским аналитикам прогнозировать неизбежное переформатирование мировой энергетической системы.

Энергетическое хозяйство, как показывает его анализ на этапе индустриального развития, обладало достаточно высокой инерционностью. В современную эпоху внедрение новых знаний требует от глобальной энергетики выработки философии и образа мышления, присущих следующему технологическому укладу. В XXI веке эта отрасль всё больше начинает приобретать новые черты – гибкость, оперативность, мобильность и интеллектуальную насыщенность. В этих условиях ведущие экономики мира стремятся сохранить и преумножить своё влияние на глобальном энергетическом рынке, что ведёт к усилению конкурентной борьбы и возникновению тенденции к отходу от традиционных принципов формирования цен на топливно-энергетические ресурсы (на основе баланса спроса и предложения), в первую очередь, на нефть и природный газ, не говоря уже об их нетрадиционных видах или возобновляемых источниках энергии.

В начале XXI столетия в процессе ценообразования в рассматриваемом сегменте мировой экономики всё большее значение стал приобретать финансовый сектор. Котировки нефтяных фьючерсов («бумажной нефти») теперь в меньшей степени определяются соотношением глобального спроса и предложения, при этом они всё более сильно зависят от ситуации на ведущих фондовых площадках. На основании анализа структурной перестройки мирового рынка нефти российский исследователь В. О. Волков пришёл к выводу, что в конце XX – начале XXI века главным инструментом на нефтяных биржах стали фьючерсы и опционы, которые более не выступали в качестве контрактов по продаже партий реального товара, а являлись, по сути, стандартизированными обязательствами на поставку обезличенной вирту-

альной нефти, то есть «вторичными» финансовыми инструментами (деривативами), не связанными напрямую с самим товарным рынком. Соответственно стала меняться структура продаж, поскольку развитие торговли «бумажной нефтью» шло по линии удлинения сроков контрактов, которые сейчас по фьючерсам в большинстве стран составляют 24–36 месяцев, а иногда достигают семи лет. Унифицированная форма деривативов обеспечивает высокую ликвидность этих инструментов, возможность многократной перепродажи и участия различных, в том числе многочисленных непрофессиональных игроков. Появление и распространение новых видов сделок не отменяло, а лишь дополняло использование прежних механизмов, хотя количественные соотношения между ними непрерывно менялись в пользу появившихся инструментов. Внедрение вторичных механизмов биржевой торговли привело к беспрецедентному росту числа субъектов рынка за счёт нетрадиционных участников: банки, страховые компании, пенсионные, суверенные, паевые и хеджевые фонды. В новых условиях нефтяной рынок перестал быть чисто товарным и приобрёл двойственную товарно-финансовую природу, поэтому движение цен на нём и все связанные с этим процессы перестали зависеть только от баланса спроса и предложения и от уровня издержек⁴⁶.

Повышение роли факторов финансового порядка в процессе функционирования глобального топливно-энергетического комплекса делает неизбежным пересмотр подходов к прогнозированию его развития, а для этого необходимо углубление знаний о многофакторных взаимосвязях, которые формируют конъюнктуру мирового рынка энергоносителей. В частности, разработка новой системы прогнозирования основных трендов, развивающихся в рамках рынков углеводородов в глобальном масштабе, требует времени. Пока же ведущие энергетические эксперты используют сложившиеся в предшествующий период методики.

⁴⁶ Волков В. О. О структурной перестройке мирового рынка нефти. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). М., октябрь-декабрь 2013 г.

Новый прогноз развития мировой энергетики (New Policies Scenario), подготовленный экспертами Международного энергетического агентства (МЭА), основывается на среднегодовых темпах роста глобальной экономики в 3,4% и увеличении численности населения земного шара с 7,4 млрд чел. в настоящее время до более чем 9 млрд в 2040 г.⁴⁷

В New Policies Scenario предполагается, что рост спроса на сырую нефть до середины 2020-х годов останется достаточно высоким, однако в последующий период он заметно замедлится благодаря повышению эффективности в сфере потребления «чёрного золота» и расширению использования электроэнергии на транспорте, прежде всего автомобильном. В то же время сильные стимулы со стороны других секторов будут достаточны, чтобы держать спрос на нефть в рамках повышающейся траектории: согласно прогнозу, до 105 млн б/с к 2040 г. При этом важнейшим источником роста останется нефть, используемая в качестве сырья в нефтехимической промышленности. Кроме того, спрос будет поддерживаться за счёт грузового автомобильного и морского транспорта⁴⁸.

Аналитики Международного энергетического агентства предполагают, что США в конце 2020-х годов станут чистым экспортёром нефти. С момента снятия запрета на экспорт сырой нефти в конце 2015 г. американский вывоз «чёрного золота» стремительно вырос до более 1 млн б/с в октябре 2017 г. Наряду с этим, заметно расширился круг стран-импортёров американской нефти с единственного покупателя, Канады, до более 30 государств Латинской Америки, Европы и Азии⁴⁹. Разработанные в США в последнее десятилетие новые методы бурения горизонтальных скважин и усовершенствование технологий многоступенчатого гидроразрыва протяжённых участков позволили осуществлять рентабель-

⁴⁷ World Energy Outlook 2017 (WEO 2017): A world in transformation. International Energy Agency (IEA). 2018, p. 2. (www.iea.org).

⁴⁸ Ibid, p. 9.

⁴⁹ Ibid, p. 4.

ную добычу нефти из продуктивных пластов сланцевых месторождений. Важную роль в расширении американского нефтяного экспорта также будет играть существенный рост добычи тяжелой нефти (tight oil). Так, согласно прогнозу МЭА, добыча этого вида нетрадиционной нефти вырастет на 8 млн б/с к 2025 г. по сравнению с 2010 г.⁵⁰ В результате импорт США сырой нефти упадёт с более 7 млн б/с в настоящее время до менее 3 млн б/с к 2040 г., как предсказывают эксперты МЭА.

В прогнозе New Policies Scenario отмечается, что львиная доля увеличения глобального спроса на нефть в предстоящий период придётся на азиатские страны. В итоге удельный вес Азии в мировом нефтяном импорте вырастет с 50% в настоящее время до более 2/3 (30 млн б/с) к 2040 г. Эксперты МЭА полагают, что Китай превзойдёт США в качестве крупнейшего в мире потребителя нефти приблизительно к 2030 г., а к 2040 г. его чистый импорт достигнет 13 млн б/с. Однако интенсивные меры, предпринимаемые по повышению эффективности топлива для легковых и грузовых автомобилей, а также технологические сдвиги, которые могут привести к тому, что каждая четвертая машина будет электрической, означают, что Китай в перспективе перестанет исполнять роль главной движущей силы в росте глобального потребления нефти. Ожидается, что после 2025 года Индия по темпам роста спроса на «чёрное золото» опередит Китай⁵¹.

Согласно прогнозу МЭА, доля природного газа в глобальном энергетическом спросе вырастет до 25% к 2040 г., и он станет вторым важнейшим видом топлива в мире после нефти. В регионах мира, богатых этим углеводородом, в частности на Ближнем Востоке, в последние годы набирает силу тренд, направленный на расширение использования этого углеводорода в различных сферах материального производства, особенно там, где он может заменить нефть. Вместе с

⁵⁰ World Energy Outlook 2017 (WEO 2017). International Energy Agency. 2018, p. 9 (www.iea.org).

⁵¹ Ibid, p. 8.

тем, примерно 80% прогнозируемого роста спроса на газ приходится на Китай, Индию и другие страны Азии, в которых значительная часть потребностей в данном энергоносителе будет покрываться за счёт импорта⁵². Как предсказывают энергетические эксперты, предложение газа к 2040 г. станет более разнообразным, учитывая, что число производителей СПГ в прогнозный период удвоится.

Перестройка мировой энергетики, происходящая в настоящее время и прогнозируемая в среднесрочной и долгосрочной перспективе, как считают международные и российские эксперты, существенно изменит позиции основных участников рынков углеводородов. Так, согласно прогнозу МЭА, Ближний Восток хотя и останется крупнейшим регионом мира, экспортирующим сырую нефть, однако, возможности дополнительных поставок «чёрного золота» арабскими странами на международные рынки будут сдерживаться ростом внутреннего потребления и появлением в них новых нефтеперерабатывающих мощностей. В этой связи обострится потребность в крупномасштабном инвестировании в нефтедобычу региона для разработки к 2040 г. 670 млрд баррелей новых ресурсов, необходимых лишь для восполнения истощающихся запасов существующих нефтяных месторождений.

Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки постепенно становятся крупными потребителями сырой нефти. В настоящее время нефтеперерабатывающие предприятия региона потребляют около 25% добываемой здесь нефти, а к 2040 г. эта доля может вырасти до одной трети, поскольку в прогнозный период в арабских государствах планируется увеличить нефтеперерабатывающие мощности более чем на 4 млн б/с. Это позволило бы рассматриваемому региону также стать крупнейшим экспортёром продукции нефтепереработки в мире⁵³.

⁵² World Energy Outlook 2017: A world in transformation. International Energy Agency. 2018, p. 12.

⁵³ WEO Analysis: A sea change in the global oil trade. International Energy Agency. February 23, 2018, p. 6.

Ожидается, что США в ближайшие 5–10 лет обретут энергетическую независимость и получат возможность осуществлять масштабный экспорт энергоносителей. В перспективе (как уже отмечалось) наряду с увеличением добычи традиционной нефти в Штатах будет расти и производство нетрадиционных её видов. При этом основной рост произойдёт за счёт наращивания извлечения сланцевой нефти, запасы которой в этой стране самые крупные в мире. Они оцениваются в 109 млрд тонн, что почти в три раза превышает нефтяные ресурсы Саудовской Аравии⁵⁴. Таким образом, в долгосрочном плане США могут стать серьёзным конкурентом для арабских экспортёров «чёрного золота».

Прогнозируемые изменения на глобальном энергетическом рынке, несомненно, будут оказывать заметное влияние на развитие газового сектора Ближнего Востока и Северной Африки. В то же время наиболее вероятно, что самым крупным арабским производителем и экспортёром газа в перспективе останется Катар, который будет стремиться внедрять новые технологии переработки этого энергоносителя. Важно отметить, что помимо расширения производства сжиженного природного газа, Катар динамично развивает так называемые GTL – технологии (gas-to-liquids), суть которых заключается в переводе газа в жидкое состояние и его последующее преобразование в высококачественные, не содержащие серу, моторные топлива (иными словами, в синтетические жидкие топлива – СЖТ) и другие тяжёлые углеводороды. В настоящее время в Катаре по GTL – технологии компании Shell функционирует завод в Рас Лаффан, который производит синтетические жидкие топлива из природного газа, поступающего с Северного месторождения эмирата. По мнению многих экспертов, GTL – технологии, являясь более гибким решением, чем трубопроводы и СПГ – проекты, способны не только вывести нефтегазовые компании на качественно новый уровень развития, но и существенно диверсифици-

⁵⁴ Мировая экономика и международные отношения. М., № 1, 2014, с. 3–20.

ровать экспорт⁵⁵. Однако, география поставок катарского газа может в обозримом будущем существенно измениться. Как известно, до недавнего времени Катар являлся крупнейшим поставщиком СПГ в США. В результате превращения Соединённых Штатов из импортёра этого товара в его экспортёра, видимо, произойдёт постепенная переориентация катарского газового экспорта на рынки стран Евросоюза и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Что касается других арабских газодобывающих государств (Алжир, Ливия, Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак и др.), то перед ними стоит задача в первую очередь повысить свою самообеспеченность в этом важном источнике энергии и сырьевом товаре. В частности, проблема необходимости удовлетворения внутренних потребностей в газе в странах Персидского залива привела к формированию новых стратегий в этой сфере. Так, ОАЭ начали импортировать газ через трубопровод Dolphin из Катара. В Эмиратах, Кувейте и Бахрейне уже построены или находятся в стадии строительства инфраструктурные объекты для импорта СПГ. В то же время ОАЭ продолжает разработку дорогостоящих и технически проблемных месторождений сернистого газа, тогда как Оман планирует самые крупные в регионе проекты по добыче трудно извлекаемого газа. Помимо этого, реализация намеченных в этих странах проектов с целью увеличения добычи и экспорта газа, вызывает необходимость создания более благоприятных инвестиционных условий для привлечения иностранных нефтегазовых компаний.

В долгосрочной перспективе конкурентом для арабских экспортёров не только нефти, но и газа могут стать США. По всей вероятности, Соединённые Штаты к 2040 г. не только существенно снизят зависимость от импорта газа, но и смогут при этом отправлять на экспорт около 10 млрд куб. м, гибко реагируя на изменения рыночной конъюнк-

⁵⁵ Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века. Казань. 2017, с. 78.

ктуры и перенаправляя поставки на более прибыльные рынки⁵⁶.

Другим важным игроком на глобальном энергетическом рынке становится Китай, который обладает собственными запасами нетрадиционного газа и стремится их активно развивать. При этом КНР усиливает свои позиции в различных регионах мира, в том числе и в арабских странах, путём участия национальных компаний в разработке нефтяных и газовых ресурсов и обеспечения поставок в соответствии с долгосрочными контрактами и по льготным ценам.

Рассмотренные выше и другие аспекты ожидаемой глубокой трансформации энергетических рынков и её влияния на нефтегазовый сектор арабских стран, безусловно, требуют дальнейших специальных исследований их механизмов и количественных проявлений. Тем не менее, можно с достаточной высокой степенью уверенности утверждать, что сдвиги в мировой энергетике, особенно на рынках углеводородов, уже сейчас ставят перед производителями и экспортёрами нефти и газа Ближнего Востока и Северной Африки серьёзные проблемы и задачи, которые государствам этого региона придётся решать в обозримом будущем.

⁵⁶ Мировая экономика и международные отношения. М., № 1, 2014, с. 3–20.

Глава II

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

1. Арабские страны-экспортёры нефти и газа

В 2010-е годы многие арабские страны-экспортёры углеводородов осуществляли новые программы и проекты в рамках экономической диверсификации. Например, в Саудовской Аравии в апреле 2016 г. была объявлена программа Vision 2030, Объединённые Арабские Эмираты продвинули развитие промышленных зон и реструктуризацию промышленных секторов, Алжир предпринял крупные инфраструктурные проекты, в новом экономическом плане Кувейта центральное место также отводится модернизации инфраструктуры, которая в значительной степени финансируется через партнёрство государства и частного сектора.

Тем не менее, несмотря на более или менее успешные попытки диверсифицировать экономику в течение рассматриваемого десятилетия во всех арабских странах-экспортёрах углеводородов экономическая активность, фискальные и экспортные доходы, а также объём международных резервов прямо или косвенно продолжали существенно зависеть от добычи и экспорта нефти и газа. Более того, важная составляющая добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающей промышленности рассматриваемой группы государств – это нефтепереработка, нефтехимия и другие отрасли, непосредственно связанные с добычей нефти

и газа. Преобладание нефтегазового сектора в хозяйственной деятельности арабских экспортёров углеводородов отражает достаточно низкий уровень экономической диверсификации по сравнению с рядом развивающихся рыночных экономик в других регионах мира.

Несмотря на различия в размерах территорий, численности населения, уровнях экономического развития и доходов на душу населения, большинство арабских стран-экспортёров нефти и газа сталкиваются с одними и теми же вызовами, а именно: макроэкономическая волатильность; необходимость создания рабочих мест для снижения безработицы; развитие частного сектора в ненефтяных отраслях.

Сверхзависимость от нефтегазовых ресурсов порождает макроэкономическую волатильность. Как показано в первой главе данного исследования, резкое падение нефтяных цен привело к снижению фискальных доходов, что, в свою очередь, повлекло за собой сокращение бюджетных расходов. Всё это в совокупности негативно отразилось на темпах экономического роста, которые в итоге замедлились.

Для арабских экспортёров нефти и газа, как известно, характерны высокие темпы прироста населения. Так, среднегодовые показатели увеличения численности населения в 2010–2014 гг. колебались от 1,5% в Бахрейне до 6,6% в Катаре¹. В ряде стран такая динамика обусловлена ростом численности коренных жителей (например, в Алжире), тогда как аравийские монархии существенным образом опираются на иммиграцию рабочей силы. В Саудовской Аравии насчитывается около 10 млн экспатриантов (1/3 всего населения королевства), в других странах Персидского залива их число также велико, зачастую оно превышает половину общей численности жителей. Доля детей в возрасте до 15 лет в населении рассматриваемых стран довольно высока. Однако в государствах, входящих в ССАГПЗ, наличие значительного числа иммигрантов сместило возрастной состав совокупного

¹ Economic Diversification in Oil-Exporting Arab Countries. International Monetary Fund. Washington. 2016, p.7.

населения в сторону жителей работоспособного возраста (working ages).

Преобладание нефтегазового сектора в изучаемой группе стран способствовало формированию в них структуры экономики, тяготеющей к энергоинтенсивным видам деятельности, включая энергозависимые услуги. В то же время энергетика, как правило, создаёт меньше рабочих мест, чем другие отрасли экономики. Иными словами, нефтегазовый сектор не может служить существенным источником создания новых рабочих мест, необходимых для абсорбирования растущей рабочей силы. Более того, весомую долю занятости во многих арабских странах-экспортёрах нефти и газа обеспечивает государство, финансируемое за счёт волатильных нефтегазовых доходов. В Алжире и Ираке, например, на государственный сектор приходится более 40% общей численности работающих граждан². В этой связи уместно заметить, что, согласно оценке экспертов Международного валютного фонда, в мире в среднем около 90% рабочих мест обеспечивает частный сектор. При этом в большинстве экономик мира среди видов экономической деятельности с точки зрения создания рабочих мест лидирует сфера услуг, за ней следует обрабатывающая промышленность. В рамках частного предпринимательства малые и средние предприятия (small and medium enterprises – SMEs) играют ведущую роль в обеспечении занятости.

Вместе с тем, правительства арабских нефтеэкспортирующих стран стремятся поддерживать уровень государственной занятости, транслируя тем самым волатильный характер нефтегазовых доходов на государственные бюджеты этих стран. Исчерпаемость ресурсов углеводородов, в свою очередь, подвергает риску устойчивость государственной занятости в долгосрочной перспективе, учитывая, что в местных трудовых ресурсах во многих рассматриваемых странах преобладает молодёжь, а также то обстоятельство, что, согласно прогнозам, численность самодельного населе-

² Ibid, p. 14.

ния в них продолжит расти быстрыми темпами в обозримом будущем.

Далее в настоящем исследовании попытаемся на основании анализа социально-экономические проблем, с которыми сталкиваются практически все арабские страны-экспортёры углеводородов в современных условиях, обосновать необходимость дальнейшего развития процесса экономической диверсификации в данной группе государств, а также высказать некоторые соображения, связанные с путями и методами его ускорения.

Экономическая диверсификация в нынешних развитых экономиках началась с достаточно резкого снижения доли сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте и в занятости трудоспособного населения, в то же время удельный вес в ВВП обрабатывающей промышленности и сектора услуг быстро увеличивался. На более поздней стадии возникла деиндустриализация, в течение которой рабочая сила перемещалась из обрабатывающего сектора в сферу услуг. Сейчас структура экономик арабских нефтеэкспортёров существенно отличается от той, что была присуща развитым странам на ранней стадии их структурной трансформации, а глобальная хозяйственная среда намного разнообразнее, чем это было тогда. Доля аграрного сектора в ВВП и занятости не так велика. Сектор услуг уже становится важнейшим источником рабочих мест (например, в Саудовской Аравии, Алжире, Бахрейне и др.). Поэтому экономическая трансформация в арабских странах-экспортёрах углеводородов будет, скорее всего, развиваться по своим собственным моделям.

Учитывая, что существующие во многих изучаемых странах ненефтяные виды деятельности в определённой степени зависят от финансирования за счёт нефтегазовых доходов, перед ними стоит задача развивать новые, действительно самодостаточные сектора в условиях постепенного истощения нефтегазовых ресурсов. Мировая практика убедительно показывает, что страны с диверсифицированной структурой более приспособлены к внешним шокам. Действительно,

в период глобальной рецессии 2008–2009 гг. такие экономики лучше пережили негативные явления, которые происходили в международной торговле. Согласно исследованию, проведённому аналитиками United Nation Development Program, страны Восточной Азии потеряли 18% экспортных доходов в 2009 г., тогда как нефтедобывающие государства Ближнего Востока и Северной Африки недосчитались 30% поступлений от вывоза своих товаров. Экспортные потери транслировались на темпы экономического роста. Так, этот показатель в Южной Азии снизился в 2009 г. на 1,4 процентных пункта, в то время как в арабских нефтеэкспортёрах он упал на 5,7 процентных пункта³.

Международный опыт последних трёх десятилетий показывает, что промышленная политика рассматриваемых стран должна быть максимально сконцентрирована на ненефтяных секторах с достаточно высоким экспортным потенциалом и, по возможности, с прицелом на интеграцию в интернациональные цепочки добавленной стоимости. Однако выявление подобных секторов представляет собой сложную и довольно рискованную задачу, так как они должны быть поддержаны политикой, которая стимулирует инновации, обратные связи⁴ и технологические новации, полезные для промышленного прогресса и экспортной диверсификации. Другая составляющая часть «мягкой» промышленной политики, включающая, например, расширение открытости к прямым иностранным инвестициям или создание промышленных кластеров и экспортных промышленных зон может также быть важным инструментом, как показала ситуация, связанная с возникновением и успешным развитием информационного технологического сектора в Индии.

Экономическая диверсификация в арабских странах-экспортёрах углеводородов может развиваться в двух направ-

³ Economic Diversification in Oil – Exporting Arab Countries. International Monetary Fund. Washington. 2016, p.18.

⁴ Обратные связи возникают, когда развитие того или иного сектора ведёт к росту отраслей и смежных предприятий, которые снабжают этот сектор необходимыми для его функционирования компонентами.

лениях: горизонтально и вертикально. Что касается горизонтальной диверсификации, то стратегии в этой сфере могли бы включать в себя, в частности, развитие видов деятельности за пределами добычи и переработки нефти и газа за счёт бизнесов, не обязательно связанных друг с другом и, что особенно важно, с углеводородами. Государственные расходы, которые способствуют сокращению издержек производства в новых секторах и повышают их эффективность могли бы стимулировать приход инвесторов с перспективными возможностями и знаниями. Иными словами, потенциал для горизонтальной диверсификации весьма значителен в рассматриваемых странах. В Алжире, например, агробизнес и туризм – это две сферы, которые, по всей видимости, обладают большим потенциалом, пока же отдача от них намного ниже, чем в соседних странах.

Вертикальная диверсификация, в свою очередь, могла бы фокусироваться на секторах, в которых арабские экспортёры углеводородов имеют сравнительные преимущества в настоящее время. В ряде этих стран углеводородный сектор состоит главным образом из нефти и газа, при этом вывоз нефтепродуктов ограничен, что даёт основание предполагать, что потенциал для интеграции в производство продукции с более высокой добавленной стоимостью весьма велик. Тем не менее, несмотря на то, что подобная стратегия может способствовать появлению новых источников роста и занятости, она не в состоянии существенно помочь сокращению зависимости от нефти и газа и, следовательно, от турбулентности, исходящей от этих волатильных и невозобновляемых ресурсов.

Глобальные цепочки добавленной стоимости являются дополнительным механизмом, с помощью которого фирмы и компании в арабских странах-экспортёрах углеводородов могли бы получить доступ к мировому рынку и технологиям. Существуют разнообразные возможности, чтобы присоединиться к глобальным сбытовым сетям и специализироваться на определённых стадиях производства. В то же время большинство изучаемых стран всё ещё находится на началь-

ном этапе процесса интеграции в глобальные стоимостные цепочки. Более того, скорость и глубина интеграции в них относительно низка. Дальнейшая интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости в обозримой перспективе будет во многом зависеть от сравнительных преимуществ той или иной арабской страны, включая географическое положение, интенсивность использования трудовых ресурсов, технологический уровень, эффективность производства, уровень технической и управленческой квалификации.

Улучшение бизнес-среды, включая упрощение бюрократических процедур, укрепление системы управления в сфере экономики, повышение транспарентности и снижение регулирующих барьеров с целью развития конкуренции необходимы для роста частного сектора. Экономические меры и стратегии, способствующие появлению новых динамичных рыночных секторов, могли бы ускорить процесс экономической диверсификации, которая требует инноваций для повышения эффективности и продуктивности производства.

Важным условием для укрепления позиций частного сектора в экономике арабских экспортёров нефти и газа является адекватный доступ к финансированию. В этих странах относительно низкий процент фирм и компаний имеют кредитные линии или займы, полученные в банках и других финансовых структурах, на малые и средние предприятия приходится лишь незначительная доля банковского кредитования. В частности, хотя объём предоставляемых кредитов растёт, частный сектор в Алжире, Ираке и Йемене получает от 10 до 30% их ненефтяного ВВП⁵. Поэтому важно в усилиях, предпринимаемых правительствами рассматриваемых арабских стран по реформированию финансовых систем, сокращению так называемого директивного кредитования (*directed lending*) и развитию местных страховых рынков, акцентировать внимание на расширении возможностей по финансированию частного сектора. Данные меры могут, безусловно, иметь свою специ-

⁵ Economic Diversification in Oil-Exporting Arab Countries. International Monetary Fund. Washington. 2016, p. 26.

фику в каждой отдельно взятой стране. Так, Алжиру, например, необходимо, по мнению финансовых экспертов, стимулировать развитие внутреннего долгового рынка с целью диверсификации финансовых продуктов для корпоративного сектора. Ирак, в свою очередь, мог бы продолжить постепенно снимать ограничения, наложенные на частные банки по приобретению ими государственных фирм.

Трудности, связанные с получением заёмных средств, являются одной из главных причин, сдерживающих развитие малых и средних предприятий во многих арабских экспортерах углеводородов. Однако в последние годы в ряде стран был достигнут определённый прогресс. Например, ОАЭ уменьшили препятствия для финансирования малых и средних предприятий путём принятия нового закона о SMEs и создания финансовой инфраструктуры, в частности, кредитных бюро и кредитного реестра. В Саудовской Аравии созданы специальные подразделения в банках для обслуживания SMEs и национальные кредитные бюро с целью расширения доступа SMEs к финансированию. В Алжире развитие сети кредитной регистрации могло бы стимулировать кредитование малых и средних предприятий.

Во многих секторах экономики арабских стран-экспортеров углеводородов доминирует государственная собственность, что является потенциальным источником неэффективности внутренних рынков и тормозом развития частного сектора. Пересмотр соответствующего законодательного регулирования с целью повышения конкуренции мог бы обеспечить компаниям стимулы для перемещения ресурсов в более продуктивные отрасли, а также усилить их позиции в жёсткой конкурентной борьбе. Например, в Кувейте пересмотр закона о конкуренции (competition policy law) и его применения, а также мер, связанных с барьерами для вступления на рынок, помогают повысить конкурентоспособность частных предприятий.

Эксперты Международного валютного фонда полагают, что более высокий уровень диверсификации, находящийся

отражение в экономике, двигателем которой является частный сектор, действующий в широком спектре конкурентоспособных секторов, обеспечил бы надёжный источник новых рабочих мест и тем самым сократил зависимость занятости от волатильного и истощающегося источника финансирования.

Важно остановиться на ряде важных моментов, связанных с тем, как государственный сектор арабских экспортёров углеводородов может способствовать развитию частного сектора с целью поддержки экономической диверсификации. В частности, государственная занятость и политика в сфере оплаты труда не должны препятствовать частной занятости, а расходы правительства необходимо более основательно сфокусировать на инвестировании в человеческий капитал, сети социального обеспечения и инфраструктурные проекты.

В экономике большинства арабских стран-экспортёров нефти и газа большую роль играют государственные предприятия, включая районы, где частный капитал мог бы обеспечить производство необходимых товаров и предоставление услуг. Кроме того, быстрый рост государственных расходов в предшествующий период привёл к росту секторов с низкой добавленной стоимостью (например, строительство, розничная торговля, транспорт и др.), поскольку производство товаров и услуг для внутреннего потребления и инвестиционных нужд считалось надёжным источником доходов, финансируемых за счёт рециркуляции нефтегазовых поступлений. Вместе с тем, преобладание государственного сектора в ВВП рассматриваемых государств серьёзно затрудняло создание пространства для частного капитала.

Волатильность нефтяных доходов серьёзно затрагивает внутреннее потребление, так как численность рабочих мест в изучаемых странах прямо или косвенно связана с состоянием нефтегазового сектора. Поэтому в условиях экономического спада многие искатели работы сталкиваются с уменьшением возможностей для трудоустройства, что озна-

чает сокращение доходов и отсутствие перспектив повышения благосостояния домохозяйств. Например, страны Персидского залива имели опыт длительного снижения душевого потребления в начале 1980-х годов и вернулись к прежнему уровню только в конце 2000-х годов, то есть после того, как нефтяные цены пошли вверх⁶.

Политика оплаты труда, проводимая в государственном секторе изучаемой группы стран, в свою очередь, снижала стимулы для их жителей искать работу на частных предприятиях или начать свой собственный бизнес, так как условия труда на госслужбе более благоприятны, уровень получаемого вознаграждения, как правило, достаточно высок и занятость гарантирована. В этих условиях только наиболее конкурентоспособные, прибыльные и растущие частные фирмы и компании могут обеспечивать более высокие заработные платы, чем в госсекторе, и привлекать квалифицированных работников. В результате там, где существует дефицит рабочих мест, например, в странах Персидского залива, рынок труда чётко сегментирован, при этом коренное население в основном трудится в государственных структурах, тогда как частный сектор опирается главным образом на низко квалифицированную иностранную рабочую силу. Так, на граждан государств ССАГПЗ в 2000–2010 гг. приходилось более 70% рабочих мест в госсекторе, в то время как около 90% от 5,4 млн рабочих мест, созданных в совокупности в частном секторе этих стран в указанный период, были заполнены иностранцами, примерно 85% из которых имели низкую квалификацию⁷. Таким образом, чрезмерная привлекательность государственной занятости усиливает несоответствие квалификации работников, необходимых частному сектору. Будущие соискатели работы в госсекторе вкладывают финансовые средства в образование и получение необходимых трудовых навыков, которые обычно востребованы

⁶ Ibid, p. 15.

⁷ Economic Diversification in the GCC: Past, Present and Future. International Monetary Fund. Washington. 2014.

государственной службой, что увеличивает разрыв между предложением работников определённой квалификации и потребностями частного сектора. Следовательно, стимулирование развития частного сектора должно быть подкреплено прогрессирующим сокращением численности работников, занятых в госсекторе, и сдерживанием роста государственных заработных плат. Это могло бы помочь постепенно изменить баланс между стоимостью рабочей силы в государственном и частном секторах и обеспечить условия, при которых оплата труда в госсекторе более соответствовала бы его продуктивности. В этой связи важно подчеркнуть, что государственные расходы на образование в ряде арабских стран-экспортёров углеводородов необходимо увеличить. Кроме того, качество образования нуждается в улучшении в большинстве рассматриваемых государств, оно также должно больше соответствовать потребностям частного сектора, который необходимо привлекать к разработке программ для профессионального обучения и высшего образования.

Совершенствование законодательства, регулирующего рынки труда в арабских нефтеэкспортёрах, может способствовать расширению возможностей частного сектора создавать новые рабочие места. В ряде изучаемых государств в текущем десятилетии проводятся реформы рынков труда различной глубины и направленности. Так, Саудовская Аравия проводит подобные преобразования с целью упрощения системы регулирования, наряду со стремлением улучшить условия труда в королевстве. В частности, облегчено регулирование женской занятости, при этом более значительное число секторов открыты для найма женщин. Оман совершенствует закон о труде, который распространяется как на оманских граждан, так и иностранных работников, путём внесения изменений и дополнений, касающихся урегулирования трудовых споров, условий труда в частном секторе, а также для работающих женщин⁸. Что касается других араб-

⁸ Economic Diversification in Oil-Exporting Arab Countries. International Monetary Fund. Washington. 2016, p. 26.

ских экспортёров углеводородов, то они также выиграли бы от реформ трудового законодательства, преследуя цель повысить гибкость использования рабочей силы, улучшая в то же время условия труда и внедряя схемы страхования безработных там, где они отсутствуют.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются арабские страны-производители нефти и газа при осуществлении экономической диверсификации в современных условиях, является также необходимость удовлетворения быстро растущих потребностей в электроэнергии. Этот спрос повышается в результате значительного увеличения численности населения и существенного промышленного роста в арабском регионе за последние три десятилетия. Согласно оценке Middle East Economic Digest, арабским странам в настоящее время требуется дополнительно 143,2 ГВт, чтобы удовлетворить потребности в электроэнергии, то есть прирост должен составить примерно половину установленной мощности, которая равняется 285,4 тыс. МВт⁹.

В центре многих программ арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки по расширению электроэнергетических мощностей находится развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это связано с тем, что правительства государств региона стремятся диверсифицировать источники производства электроэнергии с целью сокращения зависимости от углеводородов и повышения энергетической безопасности. Кроме того, падение цен на технологии ВИЭ, которое произошло в последние годы, сделало возобновляемые источники более конкурентоспособными по отношению к объектам, использующим традиционные углеводороды в качестве топлива.

Как показывают исследования, проведённые энергетическими специалистами в 2010-е годы, при реализации электроэнергетических проектов необходимо учитывать две основные составляющие: капитальные расходы (capex – capital expenditure) и операционные издержки (opex – operational

⁹ Roscoe A. Meeting ambitious energy targets. Middle East Power. London. 2016, p. 4–8.

expenditure). При этом, сарех для проектов, базирующихся на ВИЭ, не слишком отличаются от капитальных расходов объектов, работающих на газе (gas-fired projects), учитывая, что цены на технологии для получения солнечной и ветровой энергии (PV solar and wind power technology) существенно снизились¹⁰.

Падение стоимости производства энергии с использованием ВИЭ было проиллюстрировано, например, в 2015 г., когда в Дубае был установлен рекордно низкий в мировом масштабе тариф для одного из его проектов солнечной генерации – 4 доллара 85 центов за киловатт-час. Таким образом, производство энергии на основе ВИЭ становится всё более привлекательным для кредиторов и инвесторов благодаря жизнеспособности уже реализованных проектов. Поскольку в течение 2010-х годов произошло заметное снижение стоимости проектов ВИЭ, то их осуществление стало возможным без/или с ограниченным привлечением государственных субсидий.

В арабских странах Персидского залива спрос на электроэнергию достиг 89,5 ГВт в 2014 г., то есть увеличился на 8,4% по сравнению с предшествующим годом. Это поставило перед правительствами государств ССАГПЗ весьма трудную задачу: обеспечить предложение соответствующее спросу. По прогнозу Банка панарабского инвестирования в электроэнергетику Арісогр, для достижения этой амбициозной цели прирост электроэнергетических мощностей в аравийских монархиях должен составить 76,8 ГВт к 2020 г.¹¹

Важно отметить, что государственные коммунальные структуры арабских стран Персидского залива в 2010-е годы в условиях падения нефтегазовых доходов повернулись к частному сектору, надеясь получить от него поддержку своим программам по созданию новых мощностей в сфере электроэнергетики. Это дало основание экспертам предпо-

¹⁰ Ibid, p. 4.

¹¹ Ibid, p. 10.

ложить, что правительства субрегиона решили стимулировать независимые электроэнергетические проекты (independent power projects – IPPs) в качестве приоритета в предстоящие годы.

В **Саудовской Аравии** потребление электроэнергии на душу населения является самым высоким в мире. Согласно прогнозу Electricity & Co-generation Regulatory Authority королевства, спрос в пиковые периоды поднимется до 75 тыс. МВт в 2020 г., то есть увеличение по сравнению с уровнем 2014 г. составит 21 тыс. МВт. Этот прогноз базируется на среднегодовом темпе прироста населения в 4,5-5,0%. При этом установленная мощность королевства по производству электроэнергии равнялась 69 761 МВт в 2014 г.¹²

Государственная Saudi Electricity Company (SEC) продвигает планы по строительству, как минимум, трёх интегрированных предприятий по выработке электроэнергии (integrated solar and combined-cycle power plants – ISCC). Одно из них планируется в Taiba (в районе Западной Медины), его мощность должна составить 3780 МВт.

Как и другие государства ССАГПЗ, Саудовская Аравия начала осуществлять программу развития независимых электроэнергетических проектов. В рамках этой программы был подписан контракт, предусматривающий строительство предприятия Fadhili Co-generation мощностью 1200–1600 МВт.

В **Кувейте** Министерство электроэнергетики и водоснабжения (Ministry of Electricity & Water – MEW) оценило, что потребуются дополнительные мощности в 10500 МВт к 2022 г., чтобы удовлетворить резкий скачок спроса на электроэнергию. Важно отметить, что этот эмират является одной из немногих арабских стран, опубликовавших долгосрочный план по развитию независимых электроэнергетических проектов ещё в конце 2000-х годов. В соответствии с этим планом, были подписаны контракты на сооружение трёх объек-

¹² Gavin J. Region turns to IPPs and renewables. Middle East Power. London. 2016, p. 10.

тов: Az-Zour North 2 (independent water and power project – IWPP) мощностью 1500 МВт; Al-Khiran (IWPP) мощностью 1800 МВт и Al-Abdaliya (ISCC) мощностью 280 МВт¹³.

Объединённые Арабские Эмираты в последние несколько лет находятся в авангарде арабских стран с точки зрения развития возобновляемых источников энергии. При этом, Dubai Electricity & Water Authority (Dewa) финансирует самый крупный в регионе солнечный проект мощностью 800 МВт.

Энергетические проекты, базирующиеся на использовании ВИЭ, наряду с инициативой по производству атомной энергии, помогут ОАЭ расширить установленные мощности страны. Правительство объявило в конце 2015 г. о своих планах ассигновать 35 млрд долл. на диверсификацию сырьевой базы для производства электроэнергии. Цель этих планов, как заявил министр энергетики Эмиратов, заключается в том, чтобы снизить зависимость данной отрасли от природного газа с почти 100% до 70% к 2021 г.¹⁴ Важно подчеркнуть в этой связи, что, согласно оценке International Renewable Energy Agency, ОАЭ могла бы, как минимум, увеличить долю ВИЭ в общем объёме энергоресурсов до 10% к 2030 г., экономя при этом около 1,9 млрд долл. в год.

Установленные мощности по производству электроэнергии **Омана** (около 8 тыс. МВт) не в состоянии удовлетворить быстро растущий спрос. По прогнозу государственной оманской Power & Water Procurement Company, потребление электроэнергии будет увеличиваться примерно на 9% в год и достигнет 9530 МВт к 2021 г. против 5122 МВт в 2014 г. В этих условиях предполагается, что фирмы, производящие и распределяющие электроэнергию в стране, вложат 5,2 млрд долл. в расширение генерирующих мощностей, а также в развитие сетей электро- и водоснабжения¹⁵.

¹³ Roscoe A. Meeting ambitious energy targets. Middle East Power. London. 2016, p. 4–8.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

Катар обладает определённым опытом частного производства электроэнергии. Так, в 2011 г. был введён в действие энергетический объект Ras Gritas мощностью 2730 МВт, который был осуществлён в соответствии с двадцатипятилетним контрактом BOOT (build-own-operate-transfer). Только один этот проект удовлетворил почти 30% национального спроса на электроэнергию и 20% потребностей в воде в указанном году. Одним из крупнейших энергетических объектов эмирата является Facility D (independent water power project), который расположен в экономической зоне Катара – Qatar Economic Zone – его мощность составляет 2500 МВт, он начал вырабатывать электричество в 2017 г.

Согласно Qatar Electricity & Water Corporation (Kahramaa), реализация её планов развития позволила увеличить установленные мощности страны с 8600 МВт до 11000 МВт к середине 2018 г. Инвестиции в электроэнергетику Катара корпорации Kahramaa должны достичь 22 млрд долл. к 2022 г., что позволит добавить к общим генерирующим мощностям эмирата 2100 МВт и 140 новых подстанций.

Бахрейн, как и другие страны ССАГПЗ, нуждается в увеличении производства электроэнергии, учитывая, что разрыв между суммарной установленной мощностью и спросом постоянно растёт. Поэтому он планирует использовать модели частной электроэнергетики, чтобы стимулировать производство. В рамках этой стратегии Electricity & Water Authority (EWA) продвигает реализацию проекта Ad-Dur 2 (independent power project). Данное предприятие мощностью в 1500 МВт будет использовать природный газ в качестве сырья, завершение его строительства ожидалось в конце 2019 г.

EWA собирается потратить 1,5 млрд долл. в предстоящие 4-5 лет на оборудование для производства электроэнергии и ещё один миллиард на развитие линий электропередачи. Кроме того, расширению электроэнергетических мощностей могут оказать содействие крупные корпорации страны. Так, Aluminium Bahrain (Alba) планирует построить электростанцию мощностью 1300 МВт.

Суммируя изложенное в первых двух главах данного исследования, необходимо ещё раз подчеркнуть, что арабские страны-экспортёры нефти и газа сталкиваются с тремя основными и весьма серьёзными социально-экономическими вызовами: 1) макроэкономическая волатильность, связанная с колебаниями нефтяных цен; 2) высокий уровень безработицы среди молодёжи и острая проблема создания достаточно большого числа новых рабочих мест; 3) истощение нефтегазовых ресурсов.

Продвигая вперёд экономическую диверсификацию, этим странам необходимо продолжать укреплять макроэкономическую стабильность и совершенствовать регулируемую и институциональную структуру экономик, что сделает их рынки более гибкими и конкурентоспособными для стимулирования инноваций в производстве товаров и услуг, а также создания рабочих мест.

Ускорение экономической диверсификации требует от правительств изучаемых стран разработки стратегий и политики, нацеленных на развитие новых динамичных секторов в экономике, помимо добычи нефти и газа. Это, в свою очередь, вызывает необходимость расширения местных технологических возможностей, продвижения отраслей по переработке природных ресурсов, повышения конкурентоспособности ненефтяного вывоза и улучшения экспортной базы в целом путём интеграции в глобальные стоимостные цепочки, чтобы запустить процесс развития различных видов деятельности с более высокой добавленной стоимостью.

В то же время экономическая диверсификация не может быть успешной в обстановке политической нестабильности. Некоторые страны рассматриваемой группы (например, Ливия, Йемен, Ирак) продолжают страдать от военных действий, которые крайне негативно сказываются на экономической активности и ослабляют доверие инвесторов. Поэтому восстановление стабильности и безопасности в этих государствах является главным условием для продвижения экономической диверсификации.

Учитывая, что арабские страны-экспортёры углеводородов по ряду параметров отличаются друг от друга, политика по поддержке экономической диверсификации в новой реальности должна принимать во внимание специфические условия каждой страны.

Саудовская Аравия

Экономика Саудовской Аравии в огромной степени зависит от нефти, на которую приходится 85% экспортных поступлений, а также львиная доля государственных доходов. И хотя, согласно некоторым оценкам, добыча этого энергоносителя составляет лишь 30–40% ВВП в реальном исчислении, состояние государственных финансов практически полностью определяется уровнем нефтяных доходов, и это означает, что намного более значительная часть экономики страны косвенно зависит от производства и экспорта «чёрного золота»¹⁶.

В этой связи важно отметить, что на государственный сектор Саудовской Аравии (включая контролируемую государством нефтедобывающую промышленность) приходится две трети внутреннего валового продукта страны. При этом частный сектор, помимо гораздо менее существенной доли в ВВП, сильно зависит от государственных контрактов.

Многие обозреватели ожидали, что после снижения цен на жидкое топливо королевство пойдёт на существенную консолидацию своего бюджета. Тем не менее, в финансовом плане на 2015 г. саудовское правительство предусмотрело расходы на достаточно высоком уровне – 229 млрд долл., несмотря на то, что доходы ожидалось лишь в размере 190,7 млрд долл., то есть предполагался дефицит в 38 млрд долл.¹⁷

Следует отметить, что, согласно оценке экспертов, фактические расходы в 2015 г. на 97 млрд долл. превысили пла-

¹⁶ Kinninmont J. Vision 2030 and Saudi's Social Contract. Austerity and Transformation (<https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017>).

¹⁷ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London, p. 24.

нировавшиеся ассигнования, в результате дефицит бюджета составил почти 15% ВВП страны¹⁸. Поэтому необходимо обратить внимание на то, что саудовский годовой бюджет редко бывает точным указателем будущих трендов в государственных расходах и доходах. Так, цифры расходов носят обобщенный характер и распределяются по секторам, а не по осуществляющим их ведомствам, что затрудняет идентификацию конкретных правительственных органов, ответственных за фактические расходы. В связи с этим год от года наблюдалась тенденция к превышению ими планового бюджетного уровня на существенную величину.

Подобные проблемы касаются, как правило, и запланированных цифр доходов. Согласно данным Министерства финансов Саудовской Аравии, бюджеты в период с 2004 г. по 2014 г. недооценивали государственные доходы в среднем более чем на 70%. В частности, в 2005 г. и в 2011 г. поступления в казну были в два раза выше цифр, заложенных в бюджетах на указанные годы. Волатильность нефтяной цены, по всей вероятности, является главной причиной неточностей в прогнозах ожидаемых доходов. В подтверждение этого вывода приведём следующий пример. В заявлении Министерства финансов о принятии бюджета на 2016 г. говорилось, что нефтяные доходы упали в 2015 г. на 23% или до 445 млрд сауд. риалов (119 млрд долл.)¹⁹. Однако средняя цена на саудовскую нефть в 2015 г. была примерно на 48% ниже, чем в 2014 г. Добыча «чёрного золота» составила 10,12 млн баррелей в сутки, что на 5% превышало средний уровень 2014 г. Эти цифры дают основание полагать, что нефтяные доходы в 2015 г. снизились примерно на 40% по сравнению с предшествующим годом.

Таким образом, прогнозируемые бюджетные балансы в королевстве до самого последнего времени имели весьма приблизительную связь с реальностью. Так, среднегодовые

¹⁸ <http://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/moving-saudi-arabias-economy-beyond-oil>.

¹⁹ 1 доллар США = 3,75 саудовских риалов.

дополнительные траты в течение двенадцатилетнего периода, закончившегося в декабре 2015 г., были близки к 20%, согласно оценке. Поэтому в ежегодном докладе, опубликованном в сентябре 2015 г. МВФ призвал Саудовскую Аравию сделать свой годовой бюджет частью среднесрочного фискального плана, в котором были бы чётко определены экономические цели руководства страны, сформулированы приоритеты в сфере расходов в соответствии с национальным планом развития, исключалась связь государственных ассигнований с краткосрочной волатильностью нефтяных доходов, в то же время было бы гарантировано соответствие расходов долгосрочным ценовым трендам.

Следуя рекомендациям МВФ, Министерство финансов Саудовской Аравии заявило в декабре 2015 г. о создании специального подразделения государственных финансов (public finance unit), уполномоченного устанавливать максимальный уровень расходов в рамках пятилетнего, а не годового периода и обеспечивать исполнение этой нормы. Правительство также обещало ввести стандарты планирования бюджета в соответствии с лучшими международными практиками, оптимизировать текущее расходование финансовых средств, повысить эффективность инвестирования в капитальные проекты, остановить рост ассигнований, в частности, на заработную плату гражданского и военного персонала.

Сохранение расходов на высоком уровне в бюджете Саудовской Аравии на 2015 г. было обусловлено главным образом двумя факторами. Во-первых, правительство страны стремилось продолжать вкладывать крупные финансовые средства в социальную сферу, полагая, что снижение расходов на медицинские центры, университеты и проекты строительства доступного жилья было бы серьёзной ошибкой с точки зрения благосостояния будущих поколений. Поэтому в государственном бюджете на 2015 г. на эти цели предполагалось выделить около 45% общей суммы ассигнований. В образование намечалось вложить 57,9 млрд долл. в рамках обязательств в соответствии с масштабной программой капи-

тальных расходов на школы, университеты и центры профессиональной подготовки.

Здравоохранение и социальное обеспечение должны были получить из бюджета на 2015 г. 42,7 млрд долл. За счёт этих средств планировалось, в частности, на 38,5 тыс. увеличить количество коек в 117 новых больницах и медицинских центрах, расположенных в различных районах страны. На программу искоренения бедности предполагалось потратить 8 млрд долл.²⁰

В соответствии с заявлением Министерства финансов Саудовской Аравии, повышение расходов в 2015 г. произошло также из-за дополнительных выплат гражданским и военным служащим, получателям социальной помощи и пенсионерам, которые составили 88 млрд сауд. риалов²¹. Другая сфера, на которую расходы были сохранены на высоком уровне в государственном бюджете на 2015 г. – это оборонный сектор. Хотя королевство до последнего времени не публиковало свой оборонный бюджет, по оценке аналитиков авторитетной исследовательской компании HIS Economics, он составил в указанном году 80 млрд долл., более крупные военные расходы были только в США и Китае²².

Король Сальман бен Абдель Азиз, который взошёл на саудовский престол в январе 2015 г., инициировал ряд мер с целью сдерживания, на его взгляд, несущественных расходов. При этом был упразднён ряд государственных советов и комитетов, что напугало десятки бюрократов, заседавших в них. В данном контексте важно упомянуть, что в бюджете на 2015 г. планировалось уменьшить инвестиционные расходы на 35%, то есть до 49,2 млрд долл. Это явилось первым сокращением такого рода с 2002 г. Более того, капитальные вложения в период с 2005 г. по 2014 г. росли на 25% в год.

Ключевые темы, которые сопровождали принятие государственного бюджета на 2016 г., сводились к дальней-

²⁰ 2015 Economic review. Middle East Economic Digest. London, p. 35.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

шему сокращению расходов, необходимости экономических реформ и поиску альтернативных источников доходов, чтобы уменьшить зависимость страны от углеводородов. Согласно пресс-релизу, опубликованному Министерством финансов королевства 28 декабря 2015 г., доходы бюджета на 2016 г. предполагались в объёме 513 млрд сауд. риалов, что почти на 16% ниже фактической цифры предыдущего года (608 млрд сауд. риалов). Как обычно, правительство Саудовской Аравии не указало, исходя из какой средней цены на нефть, была сделана оценка доходов в 2016 г. Оно отметило только, что бюджет был спланирован с учётом «очень низких нефтяных цен». В заявлении Министерства финансов, кроме того, говорилось, что он составлен в условиях сложных международных и региональных экономических и финансовых проблем, а именно: в период глобального спада экономического роста²³.

Экономисты, занимающиеся проблемами Ближнего Востока и Северной Африки в американском банке Merrill Lynch, полагали, что рассматриваемый финансовый план поможет облегчить бремя низких нефтяных цен в краткосрочном плане и подготовить экономику королевства к росту в период, когда конъюнктура мирового нефтяного рынка улучшится. По их мнению, этот бюджет являлся началом реализации среднесрочной стратегии фискальной консолидации путём принятия мер сбалансирования доходов и расходов и, вероятно, сигнализировал о предстоящих сдвигах в энергетической и внешнеэкономической политике королевства²⁴.

В 2016 г., по оценке саудовского правительства, оно намеревалось израсходовать 840 млрд сауд. риалов, что означало снижение на 135 млрд сауд. риалов по сравнению с фактическими расходами в 2015 г.²⁵ При этом, как известно, в предыдущие годы поддержание бюджетных расходов на высоком уровне не было проблемой для королевства. Цена в 100 долл.

²³ Khan. S., H. Abougabal . New budget reflects tough realities. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016, p. 18.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

за баррель и выше позволяла ему тратить десятки миллиардов долларов на мегапроекты в сфере инфраструктуры.

В условиях новой экономической реальности Саудовская Аравия планировала более жёстко контролировать текущие расходы, в том числе на заработную плату и различные денежные пособия. Тем не менее, в бюджете на 2016 г. предполагалось потратить на эти цели 450 млрд сауд. риалов, что превысило бы половину общей суммы ассигнований. В то же время прогнозировалось, что доходы государства в 2016 г. снизятся на 14% против уровня предшествующего года. В бюджете был запланирован дефицит в размере 326 млрд сауд. риалов, что эквивалентно, согласно оценке, 13% ВВП в 2016 г.

В качестве защиты от чрезмерной волатильности нефтяных цен и потенциального снижения доходов руководство страны создало специальный Фонд поддержки бюджета в объёме 183 млрд сауд. риалов, чтобы иметь возможность гибко перенаправлять капитальные и оперативные ассигнования как на осуществляемые, так и новые проекты. При этом планировалось, что государственные фонды развития будут продолжать финансировать различные проекты в сумме 49,9 млрд долл.

Что касается капитальных расходов, то правительство королевства намечало ассигновать в 2016 г. в сектор инфраструктуры и транспорта менее половины суммы, которую оно вложило в 2015 г., уменьшив её до 23,9 млрд сауд. риалов по сравнению с 63 млрд сауд. риалов. Подобное сокращение расходов могло означать задержки в реализации некоторых крупных проектов. Инфраструктура и транспорт – не единственные сферы, финансирование которых было сокращено. Так, на образование и профессиональное обучение, получившие 217 млрд сауд. риалов в предыдущем году, в 2016 г. планировалось потратить 192 млрд сауд. риалов. В то же время в бюджете на 2016 впервые были обнародованы расходы на вооруженные силы и службы безопасности в размере 213 млрд долл., что составляло около 25% общих ассигнова-

ний. Такова экономическая цена для королевства вооружённых действий, которые оно вело во главе военной коалиции в Йемене, а также в Сирии и Ираке.

Саудовский государственный бюджет на 2017 г., как и предыдущий, преследовал цель повысить эффективность капитальных и оперативных расходов, укрепить финансовую систему, повысить её устойчивость. Кроме того, планировалось предоставить приоритет в государственных инвестициях проектам в сфере экономического развития, услуг, а также программам, напрямую связанным с обслуживанием саудовских граждан. Наряду с этим, бюджет был призван способствовать активизации частного сектора и увеличению его вклада в ВВП.

В то же время расходы финансового плана на 2017 г. на 8% превысили планируемые ассигнования предшествующего года, поскольку, прогнозировалось, что нефтяные доходы королевства почти на 50% превысят аналогичные поступления в 2016 г. Более того, в бюджете на 2017 г. был заложен рост в 6,5% ненефтяных доходов страны по сравнению с 2016 г. Эти две важнейшие составляющие доходной части позволили запланировать снижение дефицита бюджета в 1,6 раза²⁶.

Государственный бюджет Саудовской Аравии на 2018 г. отражал рост мировых нефтяных цен, который начался во второй половине 2017 г. Так, стоимость нефтяной корзины стран ОПЕК на 24 ноября 2017 г. выросла на 10,9% против этого показателя на 24 октября того же года. К этому следует добавить, что по сравнению с 24 ноября 2016 г. рассматриваемая цена была выше на 36,3%²⁷.

Увеличение поступлений в казну королевства от добычи и экспорта «чёрного золота» позволило заложить в бюджете на 2018 г. следующий рост основных плановых индикаторов: расходы – 16%, доходы – 10%. Таким образом, саудовское правительство прогнозировало достаточно весомый дефицит

²⁶ www.arabnews.com/tags/saudi-budget-2017.

²⁷ <https://www.focus-economics.com/countries/saudi-arabia/november-27-2017>.

государственного бюджета (около 52 млрд долл.)²⁸. Правительство страны поставило задачу достичь бездефицитного бюджета к 2023 г. В этой связи важно отметить, что наиболее существенным элементом бюджетной политики в последние годы стала деятельность саудовского правительства по увеличению ненефтяных доходов.

В процессе поиска альтернативных источников доходов правительство королевства начало осуществлять пересмотр налоговой системы. Так, с 1 января 2016 г. выросли некоторые ставки тарифов на электроэнергию, воду и канализацию. Серьёзным шагом на пути увеличения налоговых поступлений в казну государства стало введение в 2018 г. налога на добавленную стоимость (value-added tax – VAT) в размере 5%²⁹.

Правительство страны в качестве одной из составляющих новой фискальной стратегии приняло решение постепенно отменить субсидирование различных видов топлива. В результате бензин, этан и некоторые другие виды топлива в январе 2018 г. подорожали примерно на 80%³⁰. Хотя повышение цен на топливо может зачастую замедлить экономический рост, однако до сих пор они, например, на бензин в Саудовской Аравии были настолько низки (около 10 долларов за полный бак бензина), что местные жители, видимо, продолжают его потреблять в значительных количествах. Кроме того, был введён налог на неиспользуемые земельные участки (2,5%), налог на иностранных пассажиров аэропортов (23 долл.), а также дополнительное обложение на табак и прохладительные напитки³¹.

Помимо отмеченных мер, кабинет министров Саудовской Аравии планировал улучшить управление государственными активами и приватизировать ряд секторов и видов деятельности, а также преодолеть законодательные и бюрократи-

²⁸ Подсчитано по: www.arabnews.com/tags/saudi-budget-2017; www.arabnews.com/node/1211766/saudi-arabia.

²⁹ <http://fanack.com/saudi-arabia/economy/>

³⁰ www.arabnews.com/node/1211766/saudi-arabia.

³¹ <http://fanack.com/saudi-arabia/economy/>

ческие препятствия для развития частного сектора. С целью повышения эффективности финансовой политики в рамках Министерства финансов создан орган для управления государственным долгом. Он должен отвечать за разработку стратегии в сфере государственного долга как внутреннего, так и внешнего, а также осуществлять надзорные функции. Долговая программа призвана учитывать состояние ликвидности на местном рынке, чтобы обеспечить доступ к финансированию для частного сектора.

Государственный долг страны оценивался по состоянию на конец 2015 г. в 142 млрд сауд. риалов, что эквивалентно 5,8% ВВП. Для сравнения: на конец 2014 г. он составлял 44 млрд сауд. риалов, или 2% ВВП. В 2015 г. Саудовская Аравия, которая испытывала необходимость привлекать денежные средства с международных финансовых рынков после падения нефтяных цен, начала выпускать ценные бумаги, номинированные в саудовских риалах (*riyal bonds*). Королевство запустило продажу ценных бумаг банкам в июле 2015 г. (впервые с 2007 г.) главным образом, чтобы покрыть бюджетные расходы. К концу указанного года страна выпустила ценные бумаги общей стоимостью 98 млрд сауд. риалов, при этом на международных финансовых рынках было продано бондов на сумму 20 млрд долл.³², что способствовало росту государственного долга страны, который, по оценке, достиг 30% ВВП в 2017 г.³³

Однако, предпринимаемые саудовским правительством усилия по сокращению расходов, введению новых налогов и сборов, заимствованиям на международных финансовых рынках вряд ли позволят в обозримом будущем кардинально решить проблему сбалансирования государственных бюджетов. Более того, эти меры могут, в свою очередь, привести к существенному замедлению темпов экономического роста страны.

³² Khan. S., H. Abougabal . New budget reflects tough realities. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01/2016, p. 19.

³³ Index Mundi. Saudi Arabia Economy Profile 2018.

Снижение нефтяных доходов в Саудовской Аравии в последние годы в очередной раз со всей очевидностью продемонстрировало объективную необходимость проведения структурных преобразований с целью кардинального уменьшения зависимости экономики королевства от нефти. Важно подчеркнуть, что, как считают многие саудовские и иностранные эксперты, эта необходимость не исчезнет, даже если цена на нефть вернется в будущем на прежние уровни.

Экономическая диверсификация провозглашалась саудовскими властями приоритетом политики с 1970-х годов. Однако государственные ассигнования до сих пор почти исключительно базируются на нефтяных доходах, которые остаются основным двигателем экономического роста королевства. В государственном секторе занято в два раза больше саудовских граждан, чем в частном. Согласно оценке, в 2017 г. около 80% трудовых ресурсов страны приходилось на экспатриантов³⁴.

Тем не менее, за три последних десятилетия Саудовская Аравия добилась определенных успехов в сфере экономической диверсификации. Прежде всего, заметно ускорилось развитие базовых отраслей промышленности, опирающихся на нефть - нефтеперерабатывающая, нефтехимия, производство пластических материалов. В конце 2000-х годов Saudi Aramco (крупнейшая нефтяная компания мира) инвестировала почти 30 млрд долл. в сооружение новых нефтеперерабатывающих заводов. В то же время на несколько миллиардов больше было потрачено на модернизацию и расширение существующих предприятий³⁵. В рассматриваемый период саудовская государственная корпорация Сабик заняла четвертую позицию в списке ведущих мировых производителей нефтехимии. В соответствии со своим планом Vision 2020, корпорация поставила цель довести годовой выпуск продукции до 130 млн т к 2020 г., что позволило бы ей выйти на пер-

³⁴ Index Mundi. Saudi Arabia Economy Profile 2018.

³⁵ Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Казань, 2017, с. 71.

вое место в мире³⁶. Путём вложения огромных инвестиций в модернизацию и расширение имеющихся нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, а также в сооружение новых объектов Саудовская Аравия стремится к созданию более значительного объёма добавленной стоимости на базе использования своих нефтяных ресурсов.

Наряду с этим, в королевстве был создан ряд новых отраслей обрабатывающей промышленности. Так, если до начала 80-х годов прошлого столетия оно практически полностью зависело от импорта чёрных металлов и изделий из них, то к середине 2010-х годов Саудовская Аравия превратилась в сравнительно крупного производителя этой продукции. Производство стали в стране, например, выросло более чем в 7 раз.

В 1990–2000-е годы в королевстве строились предприятия по сборке некоторых видов оборудования, производству изделий из пластмасс, фармацевтической продукции и др. В частности, был пущен в эксплуатацию завод по сборке автобусов, предприятие по изготовлению телефонной аппаратуры в Джидде, завод по сборке сварочных агрегатов и электродов, холодильников и фармацевтическая фабрика в Эр-Рияде.

Особое место в экономической политике Саудовской Аравии занимало развитие производственной инфраструктуры, а также транспорта и связи, что является необходимым условием создания высокоразвитой промышленности, неременной предпосылкой полноценного функционирования национальных рынков. В то же время реализация декларированных в прошлом планов и программ диверсификации национального хозяйства отставала от поставленных в них целей и задач. Усилия по проведению структурных преобразований, как правило, активизировались в периоды снижения нефтяных доходов и зачастую ослаблялись, когда цены на «чёрное золото» начинали расти. Однако, в современных условиях новой экономической реальности уход от старой модели экономических и фискальных реформ, спланирован-

³⁶ Там же, с. 75.

ный с осознанием социальных последствий, становится всё более настоятельным. Данный вывод со всей очевидностью подчеркнул ряд принятых в последние годы саудовскими властями решений, касающихся оплаты труда в государственном секторе. Так, в октябре 2016 г. саудовское правительство приняло решение о сокращении чистого заработка государственных служащих (в некоторых случаях на 25%) путём отмены части льгот и страховых пособий, которые в течение многих лет использовались как средство повышения уровня заработной платы. Однако через год королевским указом прежняя схема оплаты труда в госсекторе была восстановлена³⁷. Это решение во многом было обусловлено ростом нефтяных цен вслед за соглашением «ОПЕКплюс» о снижении квот на добычу нефти. С другой стороны, в руководстве Саудовской Аравией возникло опасение, что резкое сокращение фискальных расходов при отсутствии компенсационных страховочных механизмов может подорвать социальных мир, а также привести к падению потребительских расходов и темпов экономического роста.

Новая программа экономической диверсификации – Vision 2030 – была объявлена в королевстве в апреле 2016 г. Этот амбициозный план преследует цель повысить прозрачность и эффективность государства, снизить государственные расходы путем постепенного реформирования системы субсидий, повысить доходы, в том числе через частичную продажу государственных предприятий.

Как и предшествующие стратегии развития, основные приоритеты Vision 2030 включают расширение и совершенствование альтернативных источников государственных доходов (налоги, сборы, поступления от реорганизованного суверенного фонда – sovereign wealth fund), сокращение зависимости от государственных расходов (включая уменьшение ассигнований на заработные платы и субсидии), повышение роли частного сектора в экономике в качестве не только двигателя прироста ВВП, но и источника новых рабо-

³⁷ <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathanhouse/publications/research/2017>.

чих мест для саудовских граждан. Среди конкретных целей Vision 2030 можно выделить следующие³⁸:

- войти в «топ-15» крупнейших экономик мира;
- повысить вклад частного сектора с 40% до 65% ВВП;
- увеличить долю прямых иностранных инвестиций с 3,8% до среднемировой в 5,7% ВВП;
- повысить долю ненефтяного экспорта в ненефтяном ВВП с 16% до 50%;
- увеличить ненефтяные доходы государства со 163 млрд сауд. риалов до 1 трлн сауд. риалов;
- поднять стоимость активов Public Investment Fund с 600 млн. сауд. риалов до 7 млрд сауд. риалов.

Тем не менее, в рассматриваемом документе и в связанных с ним политических заявлениях обнаруживаются некоторые новые черты экономической политики Саудовской Аравии. Например, это касается заявления о приватизации небольшого пакета акций (примерно 5%) национальной нефтяной компании Saudi Aramco, которая была создана в 1970-е годы в результате национализации четырёх американских нефтяных фирм, оперировавших прежде в королевстве. С тех пор в течение десятилетий «ресурс национализации» стал сильным фактором не только в Саудовской Аравии, но и в других арабских странах-производителях нефти, против открытия нефтегазового сектора для частных иностранных инвестиций. Однако, саудовский кронпринц Мохаммед бен Сальман, являющийся главным инициатором принятия Vision 2030, заявил, что финансовые средства, полученные путём проведения первичного размещения пакета акций Saudi Aramco (IPO – initial public offering) будут инвестированы в крупный суверенный фонд в качестве части усилий страны по диверсификации экономики, обозначив, таким образом, новый этап в национальном экономическом развитии³⁹.

³⁸ Ibid.

³⁹ Kinninmont J., Vision 2030 and Saudi Arabia's Social Contract. Austerity and Transformation. Chatham House. 2017, p. 12.

Цели, поставленные в Vision 2030, не следует воспринимать буквально. Они отражают лишь вектор движения, а не являются прогнозом конечных результатов. Некоторые саудовские экономисты и иностранные аналитики полагают, что если королевство исполнит задачи программы на 70% или даже на 50%, то уже это будет заметный прогресс. При этом, они считают, что ряд важных целей плана могут быть вполне реализованы. Так, Саудовская Аравия будет в состоянии получить выгоды от крупномасштабных инвестиций в образование и инфраструктуру, сделанных в течение последнего нефтяного бума, что создаёт условия для долгосрочного роста в перспективе⁴⁰.

Несмотря на то, что безработица остаётся одной из ключевых проблем страны⁴¹, в текущем десятилетии был достигнут определённый прогресс в повышении участия саудовских граждан в рабочей силе частного сектора. Так, согласно официальным данным, их доля выросла с 11% в 2011 г. до 16% в 2016 г.⁴² Особенно впечатляющим является увеличение числа саудовских женщин, занятых в частном секторе – с 30 тыс. в 2005 г. до немногим менее 500 тыс. в 2015 г.⁴³ Местные и иностранные частные компании, оперирующие в королевстве, рассматривают растущее число женщин, ищущих работу, как ценный внутренний резерв, который необходимо использовать.

Другая острая социально-экономическая проблема Саудовской Аравии – это крайняя несбалансированность рынка труда, который резко сегментирован между частным сектором, где рабочая сила представлена в основном экспатриантами (обычно более низкооплачиваемыми и менее социально защищенными), и государственным структурами, нанимаю-

⁴⁰ Kinninmont J., Vision 2030 and Saudi's Social Contract. Austerity and Transformation. Chatham House. 2017, p. 11–13.

⁴¹ Безработица среди саудовской молодёжи (в возрасте от 16 до 24 лет) оценивалась в 2017 г. в 28,5%.

⁴² Подсчитано по : Saudi Arabian Monetary Authority (SAMA) data.2012-2017.

⁴³ Ibid.

щими главным образом саудовских граждан. В итоге, в настоящее время в госсекторе работает 3,2 млн саудовцев, а в частном – всего 1,7 млн⁴⁴.

С целью изменения этого баланса саудовское правительство с 2011 г. проводит усовершенствованную политику локализации рынка труда (Nitaqat), которая предусматривает более гибкую, чем ранее, систему квот для найма в частном секторе. Это позволяет повысить взаимосвязь между профессиональной подготовкой и квотами, устанавливаемыми в рамках «саудизации» рабочей силы. Например, Министерство труда королевства в начале 2016 г. объявило, что магазины по продаже мобильных телефонов обязаны нанимать только местных граждан после того, как государственные структуры, занимающиеся профессионально-техническим образованием, подготовили для них 19 тыс. саудовцев⁴⁵. Некоторые перспективные сферы для привлечения местной рабочей силы включают розничную торговлю, здравоохранение, туризм, транспортные услуги. В частности, согласно данным компании Uber, в Саудовской Аравии сейчас насчитывается около 9 тыс. саудовцев, работающих водителями такси. Эта компания после получения 3,5 млрд долл. от саудовского Фонда государственных инвестиций в 2016 г. заявила о своём намерении создать рабочие места для более чем 100 тыс. местных жителей в течение пяти лет⁴⁶.

В этой связи важно подчеркнуть, что решение задачи повышения доли местных жителей в занятости частного сектора, заявленной в Vision 2030, ставит миллионы молодых людей в королевстве в трудное положение. Чтобы снизить негативный эффект от экономических преобразований, государственная политика, безусловно, должна включать меры по совершенствованию сетей социальной защиты, особенно

⁴⁴ Kinninmont J., Vision 2030 and Saudi's Social Contract. Austerity and Transformation. Chatham House. 2017, p. 15.

⁴⁵ Ibid, p. 16.

⁴⁶ Uber, «Being Uber in Saudi Arabia», Press Release, 24 April 2016 (<http://newsroom.uber.com/saudi-arabia/being-uber-in-saudi-arabia/>).

для безработных и не полностью занятых, которые не могут больше работать в государственном секторе, а также по развитию и повышению уровня профессионального и технического образования. По мнению экспертов, ускорению сдвигов в этой области могло бы способствовать внедрение краткосрочных программ обучения с применением различных схем репетиторства и наставничества. Подобные примеры уже имеются в частном секторе королевства. Так, исследование, проведённое саудовским специалистом-женщиной, показало, что наиболее популярным видом деятельности для социального предпринимательства оказалось обучение и предоставление услуг по подбору работы специально для женщин⁴⁷.

В саудовской программе Vision 2030 для уменьшения зависимости экономики от добычи и экспорта углеводородов, включая производства, базирующиеся на них как источнике дешевой энергии и сырья (например, нефтехимия, производство пластических материалов, металлургия), декларируется необходимость направлять инвестиции в независимые от нефти сектора. В качестве приоритетных для инвестирования областей Генеральное управление по инвестициям Саудовской Аравии (The Saudi Arabian General Investment Authority) выделило следующие сектора: сельское хозяйство; производство строительных материалов; автомобилестроение; образование; инжиниринг; здравоохранение; строительство жилья; производство строительного оборудования; производство запасных частей для военной техники; электроэнергетика; водоснабжение; развитие возобновляемых источников энергии; туризм; транспорт. Важно подчеркнуть, что развитие и повышение конкурентоспособности этих секторов экономики неотделимо от усилий по укреплению и совершенствованию институтов и сферы управления королевства, а также по улучшению качества образования и человеческого капитала.

⁴⁷ Nieva, F., «Social women entrepreneurship in the Kingdom of Saudi Arabia», Journal of Global Entrepreneurship Research, 10 July 2015.

Vision 2030 содержит ряд обещаний сделать саудовские министерства и другие управленческие структуры более контролируемыми путём внедрения «ключевых показателей деятельности» («key performance indicators» – KPIs). В последние два десятилетия Саудовская Аравия заметно увеличила расходы на образование всех ступеней, делала попытки перестроить систему обучения, приблизить её к современным требованиям. Несмотря на это добиться кардинальных сдвигов пока не удалось. Страна по-прежнему нуждается во всеобъемлющей реформе образовательной системы, которая потребует формирования нового баланса между традиционными и современными методами обучения. Такая реформа сопряжена с изменением менталитета, культурных традиций саудовского общества, а это достаточно длительный и сложный процесс.

Саудовская правящая элита осознаёт, что для успешной реализации программы экономической модернизации Vision 2030 необходимо расширять торгово-экономические и деловые связи с другими государствами, в том числе и с Россией. Важно отметить, что в последние годы заметно активизировалось российско-саудовское инвестиционное сотрудничество. Так, Российский фонд прямых инвестиций и Государственный инвестиционный фонд Саудовской Аравии (the Saudi Arabia Public Investment Fund – PIF) подписали в 2015 г. соглашение о создании совместного фонда с капиталом в 10 млрд долл. Инвестиции королевства по линии этого фонда уже составили 1 млрд долл. в российские проекты в сфере сельского хозяйства, недвижимости, инфраструктуры, нефтегазового сектора⁴⁸.

В сентябре 2016 г. между двумя странами было заключено соглашение о совместных действиях для поддержания стабильности на мировом нефтяном рынке. Данное соглашение и последующие договоренности между странами-членами ОПЕК и Россией привели к повышению цен на жидкое топливо после их резкого падения в 2014 г.

⁴⁸ www.pravdareport.com/russia/economics/05-10-2017/138839-king_saudi.

Новые возможности для развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества открыл визит саудовского короля Сальмана в Россию в октябре 2017 г., что для монарха королевства произошло впервые за почти сто лет российско-саудовских дипломатических отношений. В ходе визита саудовского короля две страны подписали инвестиционные соглашения на общую сумму в более, чем 3 млрд долл. Они включают сделку между компанией Saudi Aramco и Российским фондом прямых инвестиций, а также российской фирмой «Сибур», предусматривающую строительство в королевстве завода по переработке природного газа и производству нефтехимикатов, а также совместные проекты в области нефтепереработки. Кроме того, между российской и саудовской стороной была достигнута договорённость о создании ряда совместных фондов, в том числе фонда по инвестициям в энергетические проекты с капиталом в 1 млрд долл. и инвестиционного технологического фонда⁴⁹.

Российский и саудовский лидеры, а также представители официальных и предпринимательских кругов обеих стран подчёркивали во время визита важность развития инвестиционного сотрудничества в различных секторах, включая энергетику (в том числе атомную), возобновляемые источники энергии, сельское хозяйство, инфраструктуру, транспорт, информационные технологии, образование. Наряду с этим, была отмечена необходимость совместных шагов по дальнейшему расширению двусторонних торговых связей, учитывая, что объём торговли между Россией и Саудовской Аравией остаётся на достаточно низком уровне. Хотя, согласно данным Министерства экономического развития РФ, в первой половине 2017 г. российско-саудовский товарооборот увеличился на 30% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года и составил 430 млн долл., по мнению экспертов обеих стран, уровень торговых отношений не соответствует потенциальным возможностям России и Саудовской Аравии⁵⁰.

⁴⁹ www.arabnews.com/node/1172311/saudi-arabia; www.arabnews.com/node/1187471/saudi-arabia.

⁵⁰ www.pravdareport.com/russia/economics/05-10-2017/138839-king_saudi.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

Экономика ОАЭ более диверсифицирована чем в других странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Тем не менее, анализ показывает, что она была достаточно серьезно затронута падением глобальных нефтяных цен. Согласно оценке, страна нуждалась в 2015 г. в средней цене на сырую нефть примерно в 77 долл. за баррель, чтобы сбалансировать свои расходы и доходы. Однако, учитывая, что цена на «жидкое топливо» была существенно ниже указанной цифры, а на нефтепродукты приходилось всего лишь 21% бюджетных доходов и 45% всех экспортных поступлений, то в результате бюджет ОАЭ в 2015 г. был сведен с дефицитом в 1%, согласно оценке рейтингового агентства Moody's Investors Service⁵¹.

Международный валютный фонд дважды снижал свой прогноз экономического роста в ОАЭ с момента начала падения нефтяных цен летом 2014 г. Так, в октябре 2014 г. МВФ уменьшил прогноз прироста ВВП в реальном исчислении в 2015 г. на один процентный пункт: с 4,5% до 3,5%. Затем в апреле 2015 г. последовала новая корректировка – до 3,2%. При этом ожидалось, что слабый прирост нефтяного ВВП в 0,2% будет компенсирован увеличением на 4,4% нефтепродуктового ВВП⁵².

Новая экономическая реальность заставила федеральное правительство и власти отдельных эмиратов активно искать пути сокращения расходов, не причинив большого ущерба экономическому росту. В этой связи руководство Абу-Даби рассматривало принятие мер по реформированию системы субсидий на электроэнергию и водоснабжение.

По оценке МВФ, на субсидии и трансферты в 2014 г. приходилось около 20% бюджетных расходов эмирата или 13 млрд долл. Основная мотивация пересмотра тарифной системы заключалась в нарастании дисбаланса между спро-

⁵¹ Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016, p. 9.

⁵² 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016.

сом и предложением в сфере электроэнергетики и водоснабжения, а также в усилении давления на государственные фонды из-за падения нефтяных цен.

Спрос на коммунальные услуги в столице ОАЭ рос быстрыми темпами, поскольку ее население увеличилось за последние десять лет более чем в два раза. Кроме того, в Абу-Даби развивались энергоёмкие предприятия. Следствием этих процессов в ближайшие пять лет может стать дефицит электроэнергии и воды, если не будут введены новые мощности по обеспечению ими населения и промышленности, или рост спроса не начнет эффективно контролироваться в рамках государственной политики.

Падение цен на сырую нефть, безусловно, заметно снизило возможности правительства Абу-Даби увеличивать государственные ассигнования, однако, как отмечал Международный институт финансов (International Institute of Finance) в своем докладе, опубликованном в мае 2015 г., воздействие этого фактора смягчается крупными финансовыми резервами, накопленными за ряд предыдущих лет, и достаточно высокой экономической активностью ненефтяных секторов, включающих туризм, торговлю и услуги, авиацию, банковскую деятельность и услуги, обрабатывающую промышленность и недвижимость⁵³.

Эмират обладает внебюджетными активами, хранящимися в следующих инвестиционных инструментах: Abu Dhabi Investment Council, International Petroleum Investment Company (IPIC), Mubadala Development Company. Общие активы этих структур превышают обязательства подконтрольных правительству компаний (government-related entities – GREs) в Абу-Даби и во всех других эмиратах.

Самая важная задача для Абу-Даби заключается в том, чтобы в условиях снижения нефтяных доходов уменьшить свою зависимость от экспорта сырой нефти. Следует отметить, что экономическая диверсификация является одной из ключевых долгосрочных целей, содержащихся в Abu Dhabi

⁵³ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016.

Economic Vision 2030 strategy. Эта программа предусматривает увеличение доли обрабатывающей промышленности в ВВП эмирата до 10% к 2020 г. и до 24% к 2030 г. В настоящее время она составляет менее 6%⁵⁴.

Важно подчеркнуть, что попытки Абу-Даби продвинуть развитие обрабатывающей промышленности и других ненефтяных отраслей во многом тормозились нехваткой поставок природного газа, так как ОАЭ постепенно превратились из экспортера этого энергоносителя в его нетто-импортера. В результате замедлилась реализация планов по расширению нефтехимической промышленности, базирующейся на газе, и производства стали. Возможно, проекты в этих сферах будут заморожены до тех пор, пока не появятся новые газовые ресурсы.

Что касается другого крупнейшего эмирата ОАЭ – Дубая, то его современная экономическая ситуация отягощена долговыми обязательствами, которые имеют достаточно длительную историю. Неоплаченный долг эмирата, образовавшийся в результате строительного бума 2000-х годов, оценивался на середину 2010-х гг. в 139 млрд долл., включая задолженность правительства Дубая и аффилированных с ним структур – GREs. В феврале 2015 г. Dubai World Group удалось достичь соглашения с кредиторами о второй реструктуризации своего долга, что позволило эмирату избежать повторения долгового кризиса 2009 г.

В начале января 2015 г. Дубай опубликовал детали своих планов, касавшихся бюджетных расходов на 2015 г. При этом необходимо подчеркнуть, что на поступления нефтяного сектора приходилось только 4% государственных доходов. Таким образом, зависимость бюджета эмирата от цен на нефть не слишком высока.

Дубай одобрил расходы государственного бюджета на 2015 г. в объеме 41 млрд динаров ОАЭ (АЕД), что на 9% превысило этот показатель на 2014 г. Правительство надеялось, что эти ассигнования будут стимулировать экономический

⁵⁴ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London.2016.

рост и способствовать созданию 2530 новых рабочих мест⁵⁵. Согласно данным Bank of America Merrill Lynch, расходы на заработную плату также должны были вырасти на 9%, что соответствует их традиционной доле в 37% по отношению к общей сумме государственных ассигнований. Между тем, инвестиционные вложения правительства эмирата, запланированные на 2015 г., были на 16% ниже уровня предшествующего года⁵⁶.

В 2017–2018 гг. постепенное повышение глобальных нефтяных цен в результате подписания в конце 2016 г. соглашения между странами-членами ОПЕК и рядом других нефтедобывающих государств о сокращении добычи нефти способствовало увеличению государственных доходов ОАЭ, что, в свою очередь, стало ключевым фактором ускорения экономического роста. Так, прирост ВВП в 2018 г., согласно оценке, составил 2,8%, а в 2019 г. он ожидался в 3,0%⁵⁷. Важную роль в улучшении ситуации в экономике Эмиратов в 2019 г. играли также инвестиции в подготовку Expo 2020. Наряду с этим, новый инвестиционный закон и другие реформы в сфере экономики, как надеется руководство ОАЭ, будут стимулировать активность частного сектора, привлечение квалифицированной иностранной рабочей силы и прямых иностранных инвестиций в страну. В этой связи уместно подчеркнуть, что в условиях продолжения политической напряжённости в некоторых государствах Ближнего Востока и Северной Африки международные инвесторы делают ставку на Объединённые Арабские Эмираты, которые сохраняют стабильность и извлекают выгоды из благоприятного геополитического положения.

⁵⁵ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ United Arab Emirates Economic Outlook. March 5, 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/united-arab-emirates>; <https://www.eiu.com/public/signup.aspx>).

Кувейт

Кувейт является одной из наиболее сильно зависящих от нефтегазового сектора экономик мира. Согласно ежегодному докладу British Petroleum Statistical Review, эта страна по состоянию на конец 2014 г. обладала 101,5 млрд баррелей доказанных нефтяных резервов⁵⁸. По запасам нефти Кувейт занимал четвертое место на Ближнем Востоке после Саудовской Аравии, Ирака и Ирана. Эмират имел также 63 трлн куб. футов подтверждённых запасов газа, что ставило его на шестое место в регионе после Ирана, Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ и Ирака.

Кувейт успешно эксплуатирует свои углеводородные запасы. В нефтегазовом секторе создается подавляющая часть ВВП страны (около 60%). На добычу нефти приходится более 90% доходов государственного бюджета и экспортных поступлений. В 2014 г. добыча нефти в Кувейте составляла в среднем 3,1 млн. барр. в сутки (б/с), однако в первой половине 2015 г. она снизилась до 2,73 млн б/с, что было связано главным образом с приостановкой деятельности из-за обострения давнего пограничного конфликта в Разделенной зоне (Divided Zone), где добыча велась Кувейтом и Саудовской Аравией⁵⁹.

В 2002–2013 гг. в стране наблюдались высокие темпы экономического роста. В указанный период кувейтский ВВП в реальном исчислении увеличивался в среднем на 15% в год благодаря постоянному повышению нефтяных цен, за исключением 2009 г., когда заметно ухудшилась конъюнктура рынка нефти из-за глобального финансово-экономического кризиса. К 2014 г. ВВП эмирата на душу населения находился на отметке 43 тыс. долл. и был третьим на Ближнем Востоке после Катара и ОАЭ.

Кувейт в течение длительного времени располагал профицитом государственного бюджета. За пятнадцать финан-

⁵⁸ Middle East Economic Digest. 16.12.2015-5.01.2016. London, p. 30, 31.

⁵⁹ Ibid.

совых лет (финансовый год начинается 1 апреля), вплоть до марта 2015 г. общий профицит составил рекордную цифру – более 350 млрд долл.⁶⁰ Между тем, эта модель экономического развития себя исчерпала, как и в других нефтедобывающих странах Ближнего Востока и Северной Африки, в связи резким падением глобальных нефтяных цен в 2014–2015 гг.

Поэтому неудивительно, что расходы бюджета на 2015/2016 фин. г. были сокращены на 11%. Доходы планировались на уровне 40 млрд долл., что было на половину меньше фактических поступлений, зарегистрированных в предыдущие двенадцать месяцев. Бюджет был сведен с дефицитом в 23 млрд долл., и это произошло впервые за семнадцать лет⁶¹.

Тем не менее, в 2015–2016 гг. в Кувейте произошли события, которые заложили основу для улучшения экономической ситуации в обозримом будущем. Так, новая политическая ситуация, сложившаяся в эмирате после выборов 2013 г., позволила добиться существенного прогресса по давно запланированным крупным инфраструктурным проектам, реализация которых откладывалась в течение длительного периода из-за разногласий между правительством и парламентской оппозицией. В частности, было завершено подписание контракта, предусматривающего осуществление Clean Fuels Project. За ним последовало заключение соглашения по New Refinery Project, которое также долго откладывалось. Общая стоимость заключенных сделок в сфере инфраструктуры к концу 2015 г. составила 32,2 млрд долл.⁶²

Стремление Кувейта продвигать крайне необходимые проекты в сфере инфраструктуры было вновь подтверждено в феврале 2015 г., когда парламент одобрил амбициозный пятилетний план, предусматривающий ассигнования в объеме 116 млрд долл. Новый план национального разви-

⁶⁰ Middle East Economic Digest. 16.12.2015–5.01.2016. London.

⁶¹ Ibid.

⁶² Ibid.

тия страны (New Kuwait) включает 164 стратегические программы, которые, в частности, призваны позиционировать эмират в качестве глобального хаба для нефтехимической промышленности и привлечения инвестиций. В рамках этого плана намечается реализовать ряд крупных проектов, включая строительство нефтеперерабатывающих заводов, коммунальных и транспортных объектов. Перспективы их осуществления улучшились не только благодаря политическим факторам, но и реформам государственно-частного партнерства (public-private partnership – PPP), а также новым законам о частном инвестировании⁶³.

Решение реформировать Partnerships Technical Bureau (РТВ) – орган, занимавшийся PPP и практически бездействовавший, и внести поправки в соответствующее законодательство было принято вслед за подписанием соглашения о первом в стране независимом проекте водо- и электро-снабжения (independent water and power project – IWPP) – Al- Zour North.

В январе 2015 г. Kuwait Authority for Public Partnerships (КАРР) заменил РТВ в качестве органа, возглавляющего программу независимых энергетических проектов страны, а публикация исполнительного регулирования в марте 2015 г. завершила внесение поправок в законодательство.

После своего создания Управление привлекло интерес к двум новым проектам IWPP – Al-Zour North 2 и Al-Khiran 1, а также оживило реализацию проектов PPP в сфере коммунальных услуг. Один из них – это проект по утилизации сточных вод Umm al-Nauman, а другой – по утилизации отходов Kabd. Возобновление деятельности Управления по стимулированию прямых инвестиций Кувейта (Kuwait Direct Investment Promotion Authority) должно, как ожидается, облегчить иностранным инвесторам участие в этих проектах.

Несмотря на положительные сдвиги в экономической политике Кувейта, в 2017 г. в стране произошло сокращение ВВП на 3,3% в результате падения на 5,7% вклада в его созда-

⁶³ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016, p. 16, 17.

ние нефтяного сектора. Однако, уже в 2018 г. экономический рост в эмирате возобновился благодаря повышению экономической активности в ненефтяных отраслях и увеличению государственных инвестиций. В докладе «World Economic Outlook», опубликованном в октябре 2018 г., МВФ оценил прирост ВВП Кувейта в указанном году в 2,3%⁶⁴.

В 2017–2018 гг. руководство страны продолжало проводить курс на реформирование экономики эмирата. Кувейтское правительство заявляло о намерении приватизировать некоторые сектора, включая телекоммуникации, почтовые и телефонные услуги, в качестве части более масштабных усилий по диверсификации национального хозяйства с целью преодоления чрезмерной зависимости от нефти. В декабре 2018 г. Министерство коммерции и промышленности Кувейта объявило о внесении изменений в законодательство эмирата, позволяющих иностранное владение акциями местных банков. Согласно этим изменениям, иностранные инвесторы имеют теперь право приобретать 5% капитала кувейтского банка. При этом, если иностранный акционер стремится утроить свою долю в капитале, он должен получить разрешение Центрального банка страны. Потолок иностранного владения в одной банковской структуре установлен в 49%⁶⁵.

Международные эксперты прогнозировали, что в 2019–2020 гг. экономический рост в Кувейте повысится за счёт активизации нефтяного сектора, а также других отраслей национального хозяйства. При этом, продолжится увеличение инвестиций благодаря реализации крупных инфраструктурных проектов и экономическим реформам, которые вызывают доверие инвесторов. Так, аналитики FocusEconomics ожидали, что прирост ВВП эмирата составит 2,6% в 2019 г. и 3,0% в 2020 г.⁶⁶

⁶⁴ Kuwait: Year in Review – 2018. 15 January 2019 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/news/kuwait-year-review-2018>).

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Kuwait Economic Outlook. 5 March, 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/kuwait>).

Катар

Экономика Катара развивалась чрезвычайно быстрыми темпами в 2000-е годы, благодаря разработке огромных запасов природного газа и нефти. В 2003–2011 гг., по оценке, совокупный ВВП в реальном исчислении вырос на 800%, а в 2012–2013 гг. темпы экономического роста эмирата колебались в пределах 5%⁶⁷. Несмотря на усилия правительства по диверсификации экономики, на нефтегазовые доходы всё ещё приходится примерно половина валового внутреннего продукта и около 90% бюджетных поступлений, а также подавляющая часть стоимости экспорта, что делает страну в высокой степени уязвимой от колебаний глобальных цен на энергоресурсы. Этот вывод был подтверждён в полной мере экономической ситуацией, сложившейся в Катаре после коллапса мировых нефтяных цен в 2014 г. Так, углеводородный сектор страны, по данным катарского правительства, сократился в 2014 г. на 1,5%⁶⁸.

Как известно, Катар является крупнейшим экспортером сжиженного природного газа (СПГ) в мире, а цена на этот энергоноситель, как правило, следует с некоторым временным лагом за нефтяными ценами в силу природы соглашений о поставках газа. По оценке МВФ, стоимость катарского экспорта углеводородов резко снизилась в 2015–2016 гг. из-за низких цен и сокращения объемов отгрузок нефти и газа. Фонд ожидал падение стоимости экспорта углеводородов более чем на одну треть в течение 2015 г. и еще на 11% в 2016 г.⁶⁹

Однако, в 2015–2016 гг. экономическая активность, несмотря на негативный эффект от падения нефтегазовых доходов, оставалась на довольно приемлемом уровне благодаря подготовке к проведению в Катаре Чемпионата мира по футболу в 2022 г., поскольку правительство планировало дополнительно

⁶⁷ Special Report of Qatar. Middle East Economic Digest. 2-8.12.2015, p. 28,29.

⁶⁸ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016, p.22, 23.

⁶⁹ Ibid.

инвестировать в 2016–2018 гг. 182 млрд долл. в инфраструктурные проекты, связанные с этим событием⁷⁰.

Общая стоимость проектов, находившихся на стадии, близкой к началу реализации (pre-execution stage), в конце 2015 г. составляла 199,3 млрд долл., тогда как стоимость строящихся объектов оценивалась в 103,4 млрд долл. При этом на два сектора – строительство и транспорт – приходилась подавляющая часть общей стоимости: 51% и 29% соответственно⁷¹.

Среди крупных проектов следует выделить строительство метро в Дохе (35 млрд долл.), в рамках которого было намечено построить более 100 км путей для трех линий к 2019 г. Другие транспортные проекты включают строительство «легкого метро» (Lusail light rail transit), а также сооружение железнодорожной сети в рамках общей программы стран ССАГПЗ.

Международные эксперты оценивали темпы экономического роста Катар в 2017 г. и в 2018 г. в 3,3% и 3,6% соответственно. Важно отметить, что прирост ВВП в указанные годы был обусловлен главным образом повышением активности не связанных непосредственно с углеводородами секторов, которая поддерживалась в значительной степени крупными инвестициями в инфраструктуру, расширением воздушного и морского трафика через новый катарский международный аэропорт Hamad International Airport и Hamad Port.

Крупнейшими ненефтяными секторами страны являются банковская и страховая деятельность, а также операции с недвижимостью. Уровень капитализации и ликвидности катарских банков находится на достаточно высоком уровне. Так, по состоянию на конец первой половины 2015 г. коммерческие банки обладали общими активами в 292 млрд долл., что эквивалентно 150% ВВП⁷². Это исключительно высокий показатель, он отражает эффективную роль, которую банки

⁷⁰ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016, p. 22, 23.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

играют в экономике страны, а также огромные потоки ликвидности, управляемые банковской отраслью.

Финансовая система Катара включает три основных элемента: коммерческие банки, рынок капиталов и институты, лицензируемые Qatar Financial Centre Authority (QFCA). В стране имеется девять коммерческих банков, зарегистрированных в Катаре, их дополняют отделения и филиалы региональных и международных банков.

В настоящее время катарские власти осуществляют стратегическую программу по совершенствованию финансового регулирования, которая предусматривает сдвиг в сторону более тщательного учета рисков (*risk-based regulation*), расширение макроэкономического надзора, укрепление рыночной инфраструктуры и усиление защиты потребителей и инвесторов.

Укреплению финансовой системы Катара способствовало принятие в последние годы ряда новых законов, в частности закона о Центральном банке (Qatar Central Bank – QCB), который предусматривает создание этого института как высшей инстанции для разработки и проведения в жизнь политики, связанной с регулированием, наблюдением и контролем за сферой финансовых услуг в стране.

Закон о Центральном банке содержит специальные положения, касающиеся лицензирования и надзора за страховыми компаниями, защиты потребителей, их конфиденциальности и кредитной информации, регулирования исламских финансовых институтов, урегулирования споров, а также санкций против физических лиц, которые оказывают финансовые услуги, не имея необходимых лицензий.

Закон о Qatar Financial Market Authority (QFMA), принятый в 2012 г., накладывает на финансовые власти более широкие обязанности и ответственность по надзору и мониторингу рынка капиталов страны. В функции этого органа входит защита инвесторов, обеспечение эффективности и прозрачности финансового рынка, а также принятие штрафных санкций и репрессивных мер к нарушителям законодательного акта.

Таким образом, руководству Катара удалось в 2010-е годы существенно укрепить финансовую систему страны. Однако заметное уменьшение нефтегазовых доходов в рассматриваемый период привело к тому, что государственный бюджет эмирата на 2018 г. был сведён со значительным дефицитом впервые за пятнадцать лет. Финансовое положение также ухудшилось из-за необходимости увеличить расходы в связи с подготовкой к Чемпионату мира по футболу. По оценке экспертов, необходимо тратить примерно 500 млн долл. в неделю на строительство стадионов, отелей, дорог и т. д., чтобы достойно подготовиться к этому событию. Министр финансов страны заявлял, что две трети проектов должны быть завершены в 2019 г. и 2020 г.⁷³

Правительство Катара пытается улучшить финансовую ситуацию в эмирате путём сокращения текущих расходов. В частности, осуществлялись достаточно масштабные сокращения персонала в центральном правительстве, государственных учреждениях и на предприятиях, находящихся в госсобственности (например, в Qatar Petroleum и Qatar Rail). В то же время были заморожены многие проекты, считавшиеся несущественными, включая многопрофильный нефтехимический проект Al Kargaana. Руководство страны подняло также тарифы на коммунальные услуги (на воду и электроэнергию) и приняло решение о прекращении регулирования цены на бензин. Кроме того, в 2018 г. был введён налог на добавленную стоимость (VAT)⁷⁴.

Государственный бюджет Катара на 2019 г., одобренный в декабре 2018 г., демонстрирует стремление правительства и впредь сокращать расходы, в том числе и на заработную плату, и направлять финансовые ресурсы, в первую очередь, на здравоохранение, образование и капитальные вложения в подготовку Чемпионата мира по футболу. Катарские власти надеются, что дальнейшее снижение субсидий и повышение

⁷³ Qatar Economic Outlook. 5 March, 2019 (<https://www.fokus-economics.com/countries/qatar>).

⁷⁴ Ibid.

налогов, наряду с более высокими ценами на товары, позволит постепенно стабилизировать финансовое положение, хотя, по всей вероятности, государственные бюджеты останутся дефицитными в обозримом будущем.

Оман

В результате падения глобальных нефтяных цен вклад нефтегазового сектора Омана в ВВП снизился в первой половине 2015 г. на 38,2%, или на 7,5 млрд долл. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., согласно Национальному институту статистики и информации султаната (National Institute for Statistics & Information – NISI)⁷⁵.

Подобный спад оказал массированное воздействие на всю систему государственных финансов Омана. Так, доходы госбюджета за первые восемь месяцев 2015 г. сжались на 36,3% по сравнению с тем же периодом 2014 г. Исходя из этого, эксперты рейтинговой компании Moody's прогнозировали, что расходы бюджета в 2016 г. сократятся примерно на 15%, а фискальный дефицит составит 12–14% ВВП⁷⁶.

Дефицит государственного бюджета на 2015 г. был покрыт за счет внутренних суверенных облигаций стоимостью в 700 млн оманских риалов (ОР), включая 200 млн ОР дебютного выпуска сукук (исламские ценные бумаги). Остальная часть была компенсирована путем списания активов, накопленных в период высоких нефтяных цен.

Сокращение государственных расходов в 2016–2017 гг. привело к заметному снижению темпов экономического роста султаната и увеличению дефицита бюджета Омана, согласно оценке, до более 10% ВВП. Обострение финансовых проблем высветило настоятельную необходимость активизации усилий по диверсификации экономики с целью снижения зависимости Омана от нефтяных доходов, на которые приходится более 80% всех поступлений в государственную казну.

⁷⁵ Special Report Oman. Middle East Economic Digest. London.18-24.11.2015, p. 28, 29.

⁷⁶ Ibid.

В конце 2016 г. правительство султаната одобрило Национальную программу экономической диверсификации (the National Program for Enhancing Economic Diversification), ключевой составляющей которой стал пятилетний план развития на 2015–2020 годы. Программа предусматривает приоритетное развитие пяти основных секторов национального хозяйства страны: обрабатывающая промышленность, логистика, туризм, добыча природного газа и рыболовство. Для привлечения инвестиций в эти отрасли предполагается создать сеть специальных экономических зон на территории султаната. Одна из таких зон – Сезад – уже развивается в районе Дукм (Duqm), она представляет собой важный элемент долгосрочной стратегии Омана по трансформации страны в транспортный и логистический центр (хаб) между Восточной Африкой, Ближним Востоком и Азией, поскольку расположена вблизи глобальных судоходных путей, соединяющих Юго-Восточную Азию с восточным побережьем африканского континента. Эта зона постирается на 1745 кв. км при протяжённости береговой линии в 70 км. План развития зоны Дукм охватывает многочисленные сектора, включая порт и сухой док, предприятия нефтеперерабатывающей промышленности, тяжёлой и лёгкой индустрии, нефтехимии, туризм, рыболовство и ряд сервисов.

Некоторые объекты зоны уже функционируют. Например, сухой док, который существует с 2012 г., после расширения и модернизации станет, как предполагается, вторым крупнейшим объектом подобного типа в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Здесь будет возможно ремонтировать одновременно десять судов, включая сверхкрупные танкеры грузоподъемностью до 600 тыс. т⁷⁷.

Наряду с сухим доком, составной частью первой фазы проектов является сооружение порта, промышленной зоны, пограничного города и аэропорта. Предполагается, что порт будет обладать мощностью по обработке 7 млн контейнеров, эквивалентных 20 футам как генеральных, так и наливных

⁷⁷ Special Report Oman. Middle East Economic Digest. London.18-24.11.2015, p. 28, 29.

грузов, на старте в 2019 г. Правительственная набережная также строится с целью обслуживания Королевского флота (Royal Navy), Береговой охраны (Coast Guard) и оманских паромов. После введения в строй в 2018 г. пропускная способность международного аэропорта составила 500 тыс. пассажиров в год.

Однако главный проект зоны Дукм – это нефтеперерабатывающий завод мощностью 230 тыс. баррелей в сутки, который будет интегрирован с портом и другими промышленными объектами. Совместное предприятие в составе государственной International Petroleum Industries Company, Oman Oil Company, Duqm Refinery и Petrochemical Industries Corporation начало строительство завода в 2016 г. Ожидалось, что этот объект полностью войдет в строй в 2019 г.

Стремясь развивать обрабатывающую промышленность в Дукм, Оман в октябре 2015 г. пригласил иранского производителя автомобилей Khodro для строительства завода мощностью по сборке 15-20 тыс. автомобилей в год, при этом ему была обещана поддержка со стороны государственного инвестиционного фонда султаната.

Другой важной частью амбициозного плана по превращению Омана в региональный логистический центр является реализация национальной программы железнодорожного строительства, стоимость которой оценивается в 15,6 млрд долл. Оманские железные дороги планируется соединить в перспективе с сетью дорог, сооружаемых в других странах ССАГПЗ, что позволило бы сократить время транспортировки грузов с дней до часов, а Оман, между тем, благоприятно расположен, чтобы получать конкурентные преимущества, имея доступ к Индийскому океану.

Третий столп диверсификации экономики страны – это развитие туризма. С этой целью оманская государственная организация Oman Tourism Development Authority (Oman) поощряет вложение местного частного и иностранного капитала в туристические проекты такие, в частности, как Omanage real estate and tourism scheme, который финансируется местными и американскими инвесторами, а также эко-

туристический проект – Ras al-Hadd, осуществляемый компанией Qatari Diar.

Предполагается, что реализация серии крупномасштабных инвестиционных проектов при поддержке как государственного, так и частного сектора поможет повысить привлекательность султаната с точки зрения туризма. Цель состоит в том, чтобы увеличить число и расширить круг визитеров и тем самым генерировать более значительные доходы. Не менее важная задача заключается в создании существенного количества новых рабочих мест.

Британская World Travel and Tourism Council оценила вклад туристического сектора в ВВП Омана в 2015 г. в 3%, а количество рабочих мест в нем – в 37 тыс. Число туристов, посетивших страну в период с января по сентябрь 2014 г., составило 1,58 млн по сравнению с 1,4 млн за соответствующий период 2013 г., по данным Министерства туризма султаната⁷⁸. Однако, правительство Омана полагало, что приведенные статистические показатели туристической деятельности не соответствуют потенциалу страны в этой области. Поэтому в феврале 2015 г. Министерство туризма поручило компании THR Innovation Tourism Advisors подготовить двадцатипятилетнюю стратегию развития национального туризма. Эта работа включает разработку плана, предусматривающего пути повышения конкурентоспособности туризма, маркетинг и развитие туристических продуктов, управление и образование.

В 2010-е годы правительство предпринимало ряд мер для поддержки туристической отрасли, в том числе в сфере реконструкции и расширения транспортной инфраструктуры. В этой связи основным проектом была модернизация аэропорта и паромного терминала в Маскате. В рамках этого проекта консорциум, возглавляемый американской Bechtel, построил новый терминал и обеспечил его необходимым оборудованием и сооружениями в Muscat International airport. В результате терминал с 2016 г. обслуживает 12 млн пасса-

⁷⁸ Special Report Oman. Middle East Economic Digest. London. 18–24.11.2015, p. 28, 29.

жиров по сравнению с 8 млн в 2015 г. Между тем, в стране осуществляется интенсивное строительство отелей. В частности, в Маскате число номеров должно удвоиться к 2020 г. По мнению американской консультационной фирмы PwC, в Омане в последние годы увеличилось число операторов, предлагающих два центра отдыха, то есть сочетающих шопинг в Дубае с более разнообразным проведением времени а Маскате. Наряду с расширением сети отелей, проекты, связанные с туризмом в султанате, включают создание четырех музеев и библиотеки, театра, шести парков, пяти стадионов и досугового центра.

Важно отметить, что некоторые из самых крупных девелоперов сконцентрировались на развитии курортного туризма. Ключевую роль в планировании подобных проектов играет Oman Tourism Development Company (Omran), при этом остается пространство для частных инвесторов, реализующих свои собственные проекты. Порт Sultan Qaboos в Маскате предполагается переформатировать в досуговый порт назначения. План Министерства транспорта и связи предусматривал начало первой фазы этого проекта в 2016 г. Данный этап включал строительство пятизвездочного отеля (180 номеров) и четырехзвездочной гостиницы (159 номеров).

Среди других сфер, которые весьма важны для продвижения диверсификации в Омане, важно отметить электроэнергетику, серьезные усилия по развитию которой предпринимает Oman Power & Water Procurement Company (OPWP), чтобы соответствовать росту спроса на электроэнергию в султанате в 9%, а на воду – в 6% в год до 2021 г.⁷⁹ Для того, чтобы удовлетворить этот спрос OPWP подготовила четыре электроэнергетических и восемь водных проектов, которые планируется осуществить в предстоящие семь лет. Кроме того, ряд крупных проектов солнечной генерации (photovoltaic) будут реализовываться частным сектором. Все перечисленное является дополнением к планам Государственного управления по электроэнергии и водному хозяйству (Public Author-

⁷⁹ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016, p. 19–21.

ity for Electricity & Water), предусматривающим расширение в три раза водораспределительной сети к 2035 г. Управление в 2009–2014 гг. уже потратило 500 млн ОР на строительство водопроводных сетей и предполагает поддерживать этот уровень расходов в обозримом будущем.

Оманская модель – «независимый водный и электро-энергетический проект» (independent power and water project – IPWP – была протестирована и апробирована, при этом ряд компаний (например, саудовская Aswa Power) согласились участвовать в расширении мощностей объектов, согласно новым соглашениям о закупках электроэнергии.

Реализация ряда крупных проектов в рамках программы экономической диверсификации, рост инвестиций в развитие ненефтяных отраслей, а также разработка крупных газовых резервов, в частности нового месторождения Khazzan, которое начало давать продукцию в конце 2017 г., способствовали повышению темпов экономического роста Омана до 2,7% в 2018 г. и до 3,0% в 2019 г., согласно оценке аналитиков FocusEconomics⁸⁰.

Что касается более отдалённой перспективы, то планируемые руководством султаната экономические реформы, в частности, касающиеся поддержки частного сектора, иностранного владения и иностранных прямых инвестиций, малых и средних предприятий, как ожидается, будут стимулировать экономический рост. Ещё одним стимулом может стать увеличение экспорта сжиженного природного газа в соответствии со сделкой о поставках этого углеводорода в течение семилетнего периода, заключённой между British Petroleum и Oman LNG⁸¹.

Главные современные социальные проблемы Омана – это высокий уровень безработицы и негативный эффект, которые оказала реформа топливных субсидий на уязви-

⁸⁰ Oman Economic Outlook. 5 March 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/oman>).

⁸¹ Oman's Economic Outlook. April 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/gcc/publications>).

мые домохозяйства страны. Так, безработица оценивалась в 2017 г. в 17%, тогда как среди молодёжи она составляла 49%⁸². Столь высокий уровень является серьёзным вызовом для султаната, где свыше 40% населения младше 25 лет. Пытаясь повысить занятость, руководство страны в январе 2018 г. выступило с инициативой обеспечить создание 25 тыс. новых рабочих мест в частном секторе и остановить выдачу виз для экспатриантов на определённые виды деятельности.

Правительство также объявило в 2018 г. о принятии компенсационных мер с целью поддержки уязвимых слоёв населения. Эти меры включают: 1) ассигнования в размере 100 млн ОР (260 млн долл.) для поддержки нуждающихся домохозяйств; 2) одобрение нового проекта закона о топливных субсидиях, согласно которому домохозяйства с доходом ниже 600 оманских риалов будут получать 200 литров бензина по сниженным ценам⁸³.

Бахрейн

Падение глобальных нефтяных цен в середине 2014 г. и сохранение их на достаточно низком уровне в 2015–2016 гг. нанесло ощутимый удар по экономике Бахрейна, которая остается зависимой от углеводородного сектора. Так, в 2013 г. на экспорт нефти и газа приходилось более 88% всех доходов страны. Государственный долг Бахрейна по состоянию на конец третьего квартала 2014 г. составлял 43,4% ВВП по сравнению с 25,2% в 2010 г.⁸⁴ Правительство страны пыталось исправить ситуацию, однако ему приходилось по-прежнему опираться на финансовую поддержку государств ССАГПЗ, особенно Саудовской Аравии и ОАЭ.

Главный вызов, с которым сталкивается Бахрейн в современных условиях, заключается в необходимости сдер-

⁸² Oman's Economic Outlook. World Bank. April 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/gcc/publications>).

⁸³ Ibid.

⁸⁴ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London. 2016.

живать государственные расходы. Общие ассигнования, заложенные в бюджете на 2015/2016 фин. г., были снижены на 3,5%, или до 3,6 млрд бахр. динаров (БД), по сравнению с предшествующим годом. Доходы ожидалось в сумме 2,1 млрд БД, что на 25% ниже уровня 2014/2015 фин. г. В результате дефицит бюджета достиг в указанном году 18%, а государственный долг вырос до 82% валового внутреннего продукта⁸⁵.

Правительство Бахрейна ответило на резкое ухудшение финансовой ситуации мерами по дальнейшему снижению государственных расходов и увеличению доходной части бюджета. В рамках новой экономической политики одной из первоочередных задач стало реформирование системы, которая предоставляла бахрейнским гражданам субсидии на широкий круг товаров и услуг, в том числе на газ, бензин, дизельное топливо, электроэнергию и воду. В 2015 г. на все виды субсидий приходился 21% общей суммы госрасходов. В конце указанного года королевство отменило субсидии на куриное мясо, а также на говядину и баранину, что привело к повышению цен на эти продукты в два раза. В мае 2016 г. была полностью снята государственная поддержка цен на дизельное топливо, керосин и бензин, в результате они возросли на 60%. Что касается отмены субсидий на электроэнергию и воду, то она коснулась только частного бизнеса, экспатриантов и бахрейнцев, которые владели более чем одним жильём. При этом сокращение субсидий на коммунальные услуги, которое было одобрено в начале 2016 г., позволило правительству сэкономить 1,6 млрд долл.⁸⁶

Помимо уменьшения государственных расходов, Бахрейн предпринял в рассматриваемый период шаги по увеличению доходов с целью снижения дефицита бюджета и платёжного баланса. Однако достижение этой цели представляется весьма нелёгкой задачей. Дело в том, что коро-

⁸⁵ Bahrain's economy performs well with a record year of inward investment (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/bahrain-2018/economy>).

⁸⁶ Ibid.

левство исторически позиционировало себя как страну с низкими налогами, что позволило ему вырастить сильный сектор финансовых услуг и привлекать инвестиции в другие сферы экономики. Следовательно, налоговая база Бахрейна является весьма узкой: здесь отсутствуют налоги на доходы физических лиц и корпораций, исключая нефтяные компании. Исходя из этого, меры правительства по увеличению доходов в значительной степени сводились к повышению ставок сборов за государственные услуги или введение их новых видов, например, таких, как плата за предоставление медицинской страховки при получении виз иностранными резидентами, которая равняется 72 БД (191 долл.) в год; 10-процентное обложение туристических услуг; 12-процентный налог с продажи бензина и гербовый сбор при сделках с недвижимостью⁸⁷.

Однако, эффект от этих изменений в налоговой системе был весьма невелик. Ожидается, что достаточно существенный скачок налоговых поступлений может дать введение в 2019 г. налога на добавленную стоимость (value added tax – VAT). По оценке МВФ, в результате введения VAT при ставке в 5% в бахрейнскую казну будет поступать ежегодно около 600 млн долл.

Согласно заявлениям представителей правительства Бахрейна, политика страны в предстоящие годы будет направлена на стимулирование частного сектора в качестве двигателя экономического роста и диверсификации экономики. Кроме того, прямые иностранные инвестиции и помощь со стороны Фонда развития ССАГПЗ (GCC Development Fund) помогут финансировать новые проекты в условиях дефицита государственных ассигнований.

В 2017–2018 гг. сектора экономики, не связанные с добычей нефти и газа, являлись основными двигателями экономического роста королевства, учитывая, что ненефтяной ВВП страны, увеличился за первые три квартала 2017 г. на 4,8% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года,

⁸⁷ <https://www.oxfordbusinessgroup.com/bahrain-2018/economy>.

что компенсировало падение производства на 1,3% в нефтяной промышленности, согласно Совету экономического развития Бахрейна (The Economic Development Board – EDB). В результате прирост ВВП в целом составил в 2017 г. 3,6%, при этом его подавляющую часть обеспечил частный сектор. Дефицит государственного бюджета сократился в указанном году до 12,2 % ВВП⁸⁸.

Важно отметить, что помимо укрепления сектора финансовых услуг, процесс диверсификации экономики включает развитие ряда других видов ненефтяной деятельности, в том числе обрабатывающую промышленность, авиацию, дорожный транспорт и коммуникации. В королевстве функционирует одно из крупнейших предприятий по выплавке алюминия – Aluminium Bahrain (Alba), мощности которого в обозримом будущем предполагается расширить на 50%⁸⁹.

Важной сферой экономического развития страны, учитывая её выгодное географическое положение, является логистический сектор, в который входят следующие зоны: Bahrain International Airport, Khalifa Bin Salman Port, Bahrain International Investment Park и Bahrain Logistic Zone, а также ряд крупных логистических фирм (TNT, UPS, DNL, Atamex, Agility, FedEx и Kuehne+Nagel), которые уже присутствуют в королевстве.

Принимая во внимание небольшой размер внутреннего рынка страны, бахрейнская логистическая база играет роль фундамента для развития обрабатывающей индустрии. Ряд крупных западных компаний уже действуют в Бахрейне, включая Reckit Bensciser (Великобритания), BASF (Германия), Mondelez International (США). Они расположены на специализированных территориях, в частности, таких, как Bahrain International Investment Park, где они получают выгоду от беспоплатного доступа на рынки всех стран ССАГПЗ.

⁸⁸ <https://www.oxfordbusinessgroup.com/bahrain-2018/economy>.

⁸⁹ Bahrain's Economic Outlook. World Bank. October 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/gcc/publications>).

Согласно заявлениям представителей правительства Бахрейна, политика страны в предстоящие годы будет направлена на стимулирование частного сектора в качестве двигателя экономического роста и диверсификации экономики. Кроме того, прямые иностранные инвестиции и помощь со стороны Фонда развития ССАГПЗ (GCC Development Fund) помогут финансировать новые проекты в условиях дефицита государственных ассигнований, в том числе в рамках программы, намеченной в стратегии королевства – Economic Vision 2030.

Вместе с тем, растущий государственный долг останется, по всей вероятности, серьёзной проблемой для Бахрейна в обозримой перспективе. Так, рейтинговое агентство Moody's предполагает, что он превысит 100-процентную отметку по отношению к ВВП к 2020 г., что может привести к уменьшению возможностей финансировать амбициозную программу экономического развития королевства. Исходя из этого, МВФ в сентябре 2017 г. приветствовал создание в Бахрейне специального органа (The Debt Management Office) для контроля над деятельностью в сфере заимствований как государственных, так и квази-государственных структур и призвал к разработке всесторонней стратегии по фискальному финансированию и управлению долгом, чтобы минимизировать возникающие риски⁹⁰.

Алжир

Все арабские экспортеры углеводородов серьезно пострадали из-за снижения глобальных нефтяных цен, однако Алжир оказался одним из наиболее пострадавших в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Еще до падения мировых нефтяных цен Алжир начал трудную борьбу за сбалансирование государственного бюджета, в то время как его нефтегазовый сектор столкнулся с целым рядом вызовов, которые включали снижение произ-

⁹⁰ <https://www.oxfordbusinessgroup.com/bahrain-2018/economy>.

водства, проблемы безопасности, ослабление интереса к разработке месторождений со стороны международных компаний, несмотря на принятие нового закона об углеводородах в 2014 г., который предоставил некоторые льготы иностранным фирмам.

Алжир является крупнейшим производителем газа в Африке, он также занимает третье место по добыче нефти на этом континенте. Зависимость алжирской экономики от нефтегазовых доходов весьма велика. Достаточно отметить, что на углеводородный сектор приходится 30% ВВП, около 95% экспортных поступлений, которые в 2015–2016 гг. существенно сократились не только из-за падения нефтяных цен, но и вследствие снижения экспорта нефти и газа. В то же время внутреннее потребление этих энергоносителей быстро росло.

Такие гиганты, как нефтяное месторождение Hassi Messaoud и Hassi R' Mel, которые были открыты в 1958 г., находятся в упадке. При нынешнем уровне добычи алжирских запасов нефти хватит примерно на двадцать лет, а газовых резервов – на 57 лет, согласно оценке British Petroleum. Кроме того, Алжир обладает запасами сланцевого газа, которые являются третьими в мире. В долгосрочной перспективе этот вид энергоносителя может стать дополнением к добыче традиционного газа. Однако, в современных условиях, учитывая достаточно высокую стоимость геологоразведки и технические трудности, добыча сланцевого газа не способна решить проблемы газового сектора страны.

Экспорт углеводородов позволял Алжиру в течение длительного времени поддерживать макроэкономическую стабильность в стране. В условиях падения глобальных нефтяных цен алжирские власти, пытаясь поддержать экономический рост, начали использовать, в первую очередь, накопления стабилизационного нефтяного фонда страны, который сократился с 20 млрд долл. до 7 млрд долл. в 2017 г., что является установленным законодательством Алжира

минимумом⁹¹. Кроме того, правительство предприняло шаги по увеличению ряда налогов, что привело к незначительному росту цен на бензин, сигареты, алкоголь и некоторые импортные товары. Однако, оно воздержалось от сокращения субсидий на образование, здравоохранение и жилищную программу.

Алжир с 2015 г. начал принимать меры по повышению уровня протекционизма с целью ограничения импорта и стимулирования производства в отраслях, не связанных с нефтью и газом. Правительство ввело дополнительные ограничения на доступ к иностранной валюте для осуществления импортных операций, а также квоты на ввоз определённых товаров, например, автомобилей.

По мнению экспертов МВФ, указанные меры вместе взятые оказали временный эффект на прирост ВВП, который равнялся 3,7% и 3,2% в 2015 г. и 2016 г. соответственно. Однако, в 2017 г. он резко снизился до 1,5%, поскольку правительство было вынуждено встать на путь проведения фискальной консолидации с целью снижения дефицита бюджета и баланса текущих операций⁹². В 2018 г. алжирские власти в очередной раз изменили экономический курс и существенно увеличили государственные расходы до 36,7% ВВП. Это, а также повышение производства в неуглеводородных отраслях на 5,2% позволили достичь экономического роста в указанном году в 2,5% при том, что нефтяной сектор страны находился в состоянии стагнации⁹³.

В октябре 2017 г. руководство Алжира приняло новую макроэкономическую стратегию – The New Economic Growth Model 2016–2030, которая базируется на следующих основных опорах: росте фискальных расходов и переносе срока достижения баланса бюджета с 2020 г. на 2022 г. При этом,

⁹¹ Moody's Economic Indicators and Analytics. Algeria Economic Indicators (<https://www.economy.com/algeria/indicators>).

⁹² The Report: Algeria 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/overview/changing-track-new-strategy-seeks>).

⁹³ African Economic Outlook (AEO) 2019 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/algeria-economic-outlook>).

Центральному банку Алжира разрешено в течение пяти лет напрямую финансировать правительство, покупая суверенный долг и вливая финансовые средства в Национальный инвестиционный фонд; устанавливать запреты на импорт определённых товаров для корректировки внешних дисбалансов и стимулирования внутреннего производства. Кроме того, предусматривается проведение ряда структурных реформ с целью улучшения предпринимательского климата и активизации экономической деятельности. В частности, в новой стратегии планируется отмена прямых и косвенных субсидий и создание системы адресной социальной защиты малообеспеченных слоёв населения⁹⁴. В то же время алжирское правительство, по всей вероятности, не имеет реального представления о полном объеме субсидий, поскольку они существуют в весьма многочисленных формах, и это затрудняет точное определение их общей стоимости. В частности, предоставляются субсидии на жилье, продовольствие, медицину, энергию.

Важно отметить, что не только экономические, но и социальные вызовы, с которыми сталкивается Алжир весьма серьезны. Так, независимые аналитики оценивают отсутствие работы среди граждан страны, моложе 30 лет, в 25%. По данным ООН, две трети населения находятся в возрасте ниже 34 лет, значительная часть трудоспособных граждан работает в «теневом» секторе.

Прирост населения Алжира за последние двадцать лет превышал 2%. Это означает, что потенциальные трудовые ресурсы увеличиваются почти на 600 тыс. чел. каждый год. При современном темпе роста численность населения страны достигнет 50 млн чел. в предстоящие десять лет. К 2041 г. она составит 76,5 млн и превысит 100 млн чел. к 2052 г.

Учитывая, что около 80% алжирской экономики прямо или косвенно связаны с нефтегазовым сектором, долго-

⁹⁴ African Economic Outlook (AEO) 2019 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/algeria-economic-outlook>); The Report: Algeria 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/overview/changing-track-new-strategy-seeks>).

срочные вызовы для страны в новых экономических условиях заключаются в необходимости продолжения усилий по диверсификации экономики, поиску более стабильных источников доходов, стимулированию развития частного сектора, привлечению иностранных инвестиций и обеспечению молодых алжирцев адекватными рабочими местами.

2. Арабские страны-импортёры углеводородов

В отличие от арабских стран-экспортёров углеводородов падение глобальных нефтяных цен на энергоносители для экономики импортёров нефти и газа Ближнего Востока и Северной Африки имело в определённой степени положительный эффект, который, прежде всего, нашёл отражение в сокращении импортных расходов данной группы государств. С другой стороны, замедление экономического роста в арабских нефтеэкспортёрах оказало косвенное негативное влияние на страны-импортёры углеводородов региона через каналы региональной торговли, денежные переводы экспатриантов, прямые иностранные инвестиции, займы, гранты и т.д., учитывая достаточно тесные взаимосвязи между двумя группами государств.

В то же время, более серьёзные вызовы, с которыми сталкиваются арабские импортёры нефти и газа, с одной стороны, связаны с последствиями «арабской весны», а с другой, с необходимостью в новых условиях осуществлять структурные преобразования, проводить политику диверсификации экономики, повышать темпы хозяйственного роста с целью преодоления накопившихся острых социально-экономических проблем, с другой. Однако, решение отмеченных задач в ряде стран региона осложняется продолжающимися вооружёнными конфликтами.

Египет

Экономика Египта была сильно подорвана событиями «арабской весны» в январе-феврале 2011 г. и в последующий период продолжала испытывать серьезные трудности из-за сохранявшейся политической нестабильности в стране.

Согласно оценке МВФ, прирост ВВП Египта в реальном выражении в 2013/2014 фин. г.⁹⁵ сократился до 1,8% по сравнению с 5,2% в 2010/2011 фин. г.⁹⁶ Внешний долг страны возрос с 31,5 млрд долл. в 2009 г. до 45,7 млрд долл. по состоянию на конец второго квартала 2014 г.⁹⁷

Одной из самых крупных экономических проблем Арабской Республики Египет (АРЕ) в рассматриваемый период являлся фискальный дефицит и значительный объем государственного долга. Дефицит государственного бюджета на 2014/2015 фин. г. вырос на 44% и достиг 37,2 млрд долл., что привело к росту госдолга с 76,6% ВВП в 2010/2011 фин. г. приблизительно до 92,7% в 2014/2015 фин. г., по оценке МВФ⁹⁸. Неблагоприятная финансовая ситуация частично была связана также с тем, что государство расходовало крупные суммы на продовольственные и топливные субсидии.

Значительная часть египетского бюджетного дефицита финансировалась за счет заимствований у местных банков, так как низкий кредитный рейтинг страны осложнял получение кредитов из международных источников. Так, если в 2010 г. банковским сектором Египта покрывались 40% фискального дефицита, то к концу 2013 г. эта доля повысилась до 92,3%⁹⁹.

Решающую роль в предотвращении коллапса египетской экономики в 2011–2013 гг. сыграли миллиарды долларов финансовой помощи, предоставленной АРЕ арабскими стра-

⁹⁵ Здесь и далее имеется ввиду финансовый год: 1 июля – 30 июня.

⁹⁶ Middle East Economic Review 2012. London, 2013.

⁹⁷ Middle East Economic Digest. London. 13.06 – 19.06.2014.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Middle East Economic Digest. London. 25.04 – 01.05.2014.

нами Персидского залива. К концу декабря 2013 г. эта помощь насчитывала 10,4 млрд долл., из которых 6 млрд приходились на депозиты Центрального банка, 3,4 млрд предоставили Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт на финансирование импорта нефти, 1 млрд – это был фискальный грант ОАЭ¹⁰⁰.

После прихода к власти в Египте президента Абдель Фатаха Ас-Сиси в июне 2014 г. продолжавшаяся финансовая поддержка аравийских монархий помогла несколько улучшить ситуацию с бюджетом и платежным балансом, стимулировать возвращение в страну иностранных инвестиций. Однако решение острых проблем, накопившихся в экономике и социальной сфере, требовало разработки заслуживающей доверия программы реформ.

Такая программа была представлена президентом Ас-Сиси на конференции, состоявшейся в марте 2015 г. в Шарм аш-Шейхе. Она предусматривает проведение в стране фискальных и экономических реформ с целью снижения дефицита бюджета, государственного долга, топливных и продовольственных субсидий, улучшения инвестиционного климата. Основные экономические задачи, поставленные в программе на предстоящие пять лет, можно свести к следующему: восстановить рост ВВП, снизить фискальный дефицит, стимулировать создание рабочих мест и увеличить инвестиции частного сектора¹⁰¹. В этой связи бюджет на 2015/2016 фин. г. был свёрстан таким образом, чтобы прирост ВВП в реальном исчислении ускорился до 4,5–5,0%, номинальный ВВП достиг 2,7 трлн ег. фунтов (333 млрд долл.), а дефицит бюджета уменьшился до 9,5–10,0% ВВП¹⁰².

Важно отметить, что наиболее проблемной экономической задачей для Египта в современных условиях продолжает оставаться сокращение государственного долга до 80–85% ВВП (92,7% ВВП в 2014/2015 фин. г.). Правительство заявляло, что будет пытаться добиться этого за счёт

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London, p. 40, 41.

¹⁰² Ibid

сокращения расходов, в первую очередь, на субсидии, а также путём расширения налоговой базы и сжатия неформальной (теневой) экономики с целью увеличения государственных доходов. Согласно оценке, около 60% египетского рынка труда формирует теневой сектор. Большинство египтян работают на основе «cash-in-hand», многие из них не имеют доступа к благополучному образу жизни (welfare state).

В заявлении Министерства финансов АРЕ, касающемся госбюджета на 2015/2016 фин. г., отмечалось, что усилия по ликвидации энергетических субсидий, которые начали предприниматься в 2014 г., будут продолжены. С целью минимизации последствий уменьшения субсидий для беднейших слоев населения министерство обязалось предоставлять денежные трансферты наиболее уязвимым сегментам египетского общества.

В результате снижения ассигнований на топливные субсидии в бюджете на 2014/2015 фин. г. различные сорта дизельного топлива подорожали на 64–78%, а цена на природный газ, на котором работает подавляющая часть парка такси страны, поднялась на 175%. В июне 2017 г. произошло очередное подорожание цен на топливо, так как правительство продолжило проводить политику сокращения государственных расходов. В частности, цена на дизельное топливо и бензин (80-octane – наиболее популярная категория топлива в Египте) повысилась на более чем 50% (с 0,15 долл. до 0,24 долл.) за литр, а на газовый баллон выросла с 0,99 долл. до 1,98 долл. В итоге общая сумма государственных субсидий на нефтепродукты, по оценке Министерства нефти и минеральных ресурсов, упала до 110 млрд ег. ф. (7,2 млрд долл.) в 2017/2018 фин. г. против 145 млрд ег. ф. (9,6 млрд долл.) в предшествующем финансовом году. Согласно стратегии египетского правительства, в предстоящие годы топливные субсидии предполагается полностью отменить за счёт повышения эффективности энергопользования, диверсификации источников энергии, а также отдачи от высокотехнологичной энергетической системы распреде-

ления топливных ресурсов с помощью использования электронных карточек (smart card system)¹⁰³.

Процесс отмены субсидий на электроэнергию, который впервые был заявлен при принятии бюджета на 2014/2015 фин. г., также продолжался, однако более медленными темпами, чем планировалось первоначально. Более того, Египет потратил в 2016/2017 фин. г. на эти цели в два раза больше финансовых ресурсов, чем было предусмотрено в государственном бюджете на указанный год. Это произошло из-за роста стоимости импорта на сжиженный природный газ, который использует в качестве топлива подавляющая часть электростанций страны. Поэтому летом 2017 г. Министерство электроэнергетики и возобновляемой энергии провело серию повышений цен, что привело к увеличению платежей домохозяйств за электроэнергию на 18–42% в зависимости от их категории и уровня потребления. Одновременно Министерство объявило, что срок отмены электроэнергетических субсидий, планировавшийся на 2018/2019 фин. г. отодвигается на конец 2021/2022 фин. г.¹⁰⁴

Египетские власти, проводя реформу системы топливных субсидий, попытались защитить наиболее уязвимые слои населения. Например, в июне 2017 г. президент страны объявил о ряде новых инициатив, включая удвоение ежемесячных продовольственных субсидий, замораживание налога на сельскохозяйственные земли на три года и 15-процентное увеличение пенсий для государственных служащих.

Другой важнейший вызов, с которым сталкивается руководство страны на современном этапе, заключается в необходимости существенного повышения государственных доходов с целью снижения дефицита бюджета. Решению этой достаточно острой проблемы призвано способствовать введение в 2018 г. налога на добавленную стоимость (НДС), который заменил налог с продаж, взимавшийся ранее. Кроме того, был

¹⁰³ The Report: Egypt 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/egypt-2018/economy>).

¹⁰⁴ Ibid.

введён налог на недвижимость, что прежде встречало сильное сопротивление со стороны египетских граждан. Правительство также установило гербовый сбор на торговые транзакции, осуществляемые на рынке капиталов, начав со ставки в 0,15% и повысив её до 0,175% к 2019 г. Изменения, внесённые в рассматриваемую систему страны в 2010-е годы, способствовали тому, что налоговые поступления в бюджет в первой половине 2017/2018 фин. г. достигли 249 млрд ег. ф. (16,4 млрд долл.), то есть прирост составил 66% против соответствующего периода предыдущего финансового года¹⁰⁵.

Необходимо отметить, что ставки подоходного налога на физических лиц в Египте более низкие по сравнению с уровнем корпоративного налога, они базируются на прогрессивной шкале, которая в 2017 г. была изменена таким образом, чтобы облегчить налоговое бремя для египтян с низким уровнем доходов.

Вместе с тем, одной из первоочередных задач, стоящих перед Египтом и требующих неотложного решения, является острая нехватка жилья в стране. Согласно данным Государственного статистического центра АРЕ, в ноябре 2015 г. египетское население достигло 90 млн чел. При этом, его значительная часть проживает на территориях вдоль дельты Нила и в Каире. По оценке Министерства по вопросам жилья, коммунального хозяйства и городских сообществ (Ministry for Housing, Utilities & Urban Communities), для того, чтобы соответствовать среднегодовому приросту населения Египта в 2% и ликвидировать образовавшийся дефицит жилья примерно в 3 млн жилых помещений (housing units), необходимо каждый год в течение пяти лет строить 500 тыс. домов. В то же время, как отмечал Middle East Economic Digest, в египетских городах в 2015 г. было построено менее 200 тыс. новых домов¹⁰⁶.

¹⁰⁵ The Report: Egypt 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/egypt-2018/economy>).

¹⁰⁶ Abougabal H. Al-Sisi treads a fine line. Special Report Egypt. Middle East Economic Digest. London. 6-12..01.2016, p. 30.

Проект «One Million Homes» позиционировался как самое крупное усилие власти по решению проблемы доступного жилья во всех регионах страны. Однако, Министерство по вопросам жилья, коммунального хозяйства и городских сообществ АРЕ не смогло согласовать в полном объеме условия сотрудничества в данном проекте с компанией Arabtec Holding (ОАЭ). В результате Arabtec участвовал лишь в предварительной фазе, охватывающей 100 тыс. жилых единиц.

Министерство жилья Египта настояло, чтобы рассматриваемый проект полностью осуществлялся этим ведомством. Данное решение обусловлено целым рядом внутриэкономических причин, главной из которых является, как считает Яхья Шаукат, основатель местного исследовательского центра «10 Тооба», тот факт, что египетское правительство является крупнейшим землевладельцем страны через различные, принадлежащие государству агентства, и оно заинтересовано в максимизации прибыли от продаж земли¹⁰⁷.

Крупный барьер на пути развития новых городов в стране представляет собой неспособность властей предложить привлекательные условия девелоперам (застройщикам). В частности, поскольку Египет до последнего времени испытывал острую нехватку иностранной валюты, местные банки не смогли предоставить девелоперам возможности получить финансирование внутри страны как для малобюджетных проектов, так и для дорогостоящих проектов в сфере недвижимости. Учитывая, что цены на землю неприемлемо высоки, многие застройщики делают выбор в пользу не городской дорогостоящей недвижимости вместо многофункциональных жилых проектов.

Правда, некоторые обнадеживающие признаки в этой сфере появились, когда власти поддержали и продвинули проект Maspero Triangle. В ноябре 2015 г. британская Foster Partners обнародовала свои планы по перестройке

¹⁰⁷ Abougabal H. Cairo requires long-term planning. Middle East Economic Digest.. London. 6-12.01.2016, p. 28, 29.

центра Каира, предусматривающие инвестиции в объеме 500 млн долл.¹⁰⁸

Район Каира – Maspero Triangle District – насчитывает около 20 тыс. жителей, проживающих здесь в основном на нелегальном положении. Прежние предложения, касающиеся развития этого района, встречали активное сопротивление, связанное с обеспокоенностью, что малоимущие семьи будут выселены из своих домов, чтобы освободить территорию для дорогостоящих проектов.

Помимо социальных аспектов, существует проблема взвинченных цен на землю и нечеткость мест расположения территорий, которые зачастую находятся под контролем либо Министерства жилья, либо вооруженных сил. Согласно данным Middle East Institute, базирующегося в Вашингтоне, правительственный контроль над землей по всей стране в совокупности с устранением ограничений на иностранное владение привел к росту цен на 148% в течение 2007–2011 гг.¹⁰⁹ В результате завышенной оценки стоимости земли местные и международные девелоперы полагают, что финансовые условия для участия в проектах доступного жилья в Египте малопривлекательны. Наличие большого числа городских трущоб, перенаселенных территорий и непомерно высокие цены на землю приводят к тому, что Каир перестает быть объектом выбора застройщиками, которые уже начали искать новые жилищные проекты за пределами Дельты Нила.

Другой острой социально-экономической проблемой, стоящей перед Египтом, является необходимость существенного увеличения мощностей по производству электроэнергии. Важно отметить, что в 2011–2013 гг. в стране практически ежедневно происходили отключения электроэнергии из-за хронической нехватки топлива и дефицита генерирующих мощностей, который достигал 3 тыс. МВт¹¹⁰.

¹⁰⁸ Ibid.

¹⁰⁹ Special Report Egypt. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016, p. 28.

¹¹⁰ Middle East Power 2016. Middle East Economic Digest. London, p. 16, 17.

Однако, за последние годы в египетском энергетическом балансе произошли положительные сдвиги. Так, согласно некоторым оценкам, мощности по производству электроэнергии к концу 2016 г. на 15% превысили пиковые нагрузки. Улучшение ситуации, в частности, стало результатом завершения ряда отложенных проектов и введения в строй новых мощностей в объёме 3600 МВт. Кроме того, преодолению топливного кризиса в электроэнергетическом секторе способствовали регулярные поставки импортного сжиженного природного газа (СПГ), а в перспективе ожидаются дополнительные объёмы природного газа после ввода в строй месторождений в Средиземном море¹¹¹.

Необходимость удовлетворения быстро растущих потребностей в электроэнергии является одной из ключевых экономических проблем, которая стоит перед современным Египтом. Этот спрос повышается в результате значительного увеличения численности населения страны¹¹² и существенного промышленного роста за последние три десятилетия.

В центре программы страны по расширению электроэнергетических мощностей находится развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Это обусловлено тем, что правительство страны стремится диверсифицировать источники производства электроэнергии с целью сокращения зависимости от углеводородов и повышения энергетической и экологической безопасности. Кроме того, падение цен на технологии ВИЭ, которое произошло в текущем десятилетии, сделало эти источники более конкурентоспособными по отношению к объектам, использующим конвенциональные углеводороды в качестве топлива.

подавляющая часть потребляемой в стране электроэнергии в настоящее время поступает с тепловых электростанций, большинство которых спроектированы на использование природного газа в качестве их основного топлива. Правительство

¹¹¹ Ibid.

¹¹² Согласно данным Государственного статистического центра Египта, в ноябре 2015 г. египетское население достигло 90 млн чел.

Египта планирует уменьшить долю газа в производстве электроэнергии с 90% до менее 80% в течение предстоящих десяти лет¹¹³. При этом, как ожидается, удельный вес возобновляемой энергетики в энергетическом балансе страны возрастет до 20% к 2022 г. и 37% к 2035 г. В настоящее время доля ВИЭ в производстве электроэнергии составляет лишь 3%¹¹⁴.

Планы АРЕ по развитию возобновляемой энергетики в 2010 – е годы включают государственные проекты (общая мощность 3,2 ГВт), строительство объектов на условиях ВОО (build-operate-own) – 1,25 ГВт и третья категория – это независимые энергетические проекты (independent power projects – IPPs), базирующиеся на проектном финансировании, гарантируемом доходами, полученными фирмой-оператором (920 МВт). Кроме того, в январе 2017 г. Египет отобрал 67 компаний для участия в развитии проектов возобновляемой энергетики общей мощностью 4,3 ГВт¹¹⁵. Важную роль в реализации планов страны по развитию ВИЭ играет Управление по новой и возобновляемой энергии (the New & Renewable Energy Authority – NREA).

Египетское государство вплоть до последнего времени строило и управляло подавляющим большинством электростанций в стране. В 2010-е годы ситуация существенно изменилась. Необходимость удовлетворения быстро растущего спроса на электроэнергию и диверсификация энергетического сектора требуют крупных капиталовложений, которые государство не может обеспечить без привлечения местных и иностранных частных инвесторов. Министерство электроэнергии и возобновляемой энергии Египта (The Ministry of Electricity and Renewable Energy) планирует за счёт увеличения участия частного сектора получить около 67% прироста установленной мощности, использующей ВИЭ¹¹⁶.

¹¹³ Ibid.

¹¹⁴ Egypt to invest billions in renewable energy plan. 16.05.2017 (www.climateactionprogramme.org/news/egypt).

¹¹⁵ Egypt-Renewable Energy (<https://www.export.gov>. 27.07.2017).

¹¹⁶ Egypt-Renewable Energy, 27.07.2017 (<https://www.export.gov>).

Реализация многих проектов в сфере развития возобновляемой энергетики столкнулась со значительным ухудшением финансово-экономической ситуации в Египте после событий «арабской весны» в январе-феврале 2011 г. Так, дефицит государственного бюджета на 2014/2015 фин. г. вырос на 44% по сравнению с предыдущим годом и достиг 37,2 млрд долл., что привело к росту государственного долга с 76,6% ВВП в 2010/2011 фин. г. приблизительно до 92,7% в 2014/2015 фин. г., по оценке МВФ¹¹⁷. Неблагоприятная финансовая ситуация частично была связана также с тем, что государство расходовало крупные суммы на топливные субсидии. Оно тратило на субсидирование электроэнергии больше чем на образование, здравоохранение и социальное обеспечение вместе взятые.

Важно отметить, что с целью ускорения диверсификации электроэнергетического сектора в 2015 г. был введен в действие Law-Decree No. 87. Новый закон призван способствовать увеличению инвестиций в электроэнергетику в целом и в том числе в развитие возобновляемых источников энергии путём приватизации генерации и распределения электроэнергии, оставляя за государством лишь функции регулирования и формирования политики в этой сфере¹¹⁸.

Правительство Египта стремится обеспечить 12% (7,2 ГВт) общего объёма генерируемой электроэнергии к 2022 г. за счёт развития ветровой энергетики. Важно отметить, что эта арабская страна обладает значительным ветровым потенциалом: скорость ветров, дующих вдоль египетского побережья, составляет в среднем 7–12 метров в секунду.

В настоящее время в ведении NREA находится ряд действующих ветровых ферм (общая мощность 500 МВт), а также под контролем этого ведомства ведётся строительство и модернизация нескольких объектов общей мощностью 1340 МВт. Кроме того, в этом секторе возобновляемой энергетики Египта имеется серия так называемых независимых энергетических

¹¹⁷ Middle East Economic Digest. London. 13.06-19.06.2014.

¹¹⁸ Aboushadi N., Zaki Ch. Investment Climate and firm's exports in Egypt: When Politics Matter. Economic Research Forum. Cairo, 2016, p. 4.

проектов (IPPs), принадлежащих частным владельцам, с общей генерирующей мощностью примерно в 2,5 ГВт, которые начали функционировать ещё в 2002–2003 гг.

Согласно египетской программе развития солнечной генерации к 2027 г., в стране должны быть введены в строй 3,5 ГВт. При этом предполагается, что 2,8 ГВт обеспечат электростанции, использующие солнечные батареи с фотогальваническим элементом (photovoltaic – PV). Ещё 700 МВт планируется получить за счёт особого вида станций геотермальной энергетики, работающих на основе солнечных систем концентрированного типа – concentrated solar power – CSP. В этих установках энергия солнечных лучей с помощью системы линз и зеркал фокусируется в конечный луч света, который используется как источник тепловой энергии.

Следует подчеркнуть, что Египет обладает прекрасными природными условиями для достижения поставленных целей, поскольку является страной «солнечного пояса» («sun belt») при 2–3 тыс. киловатт/час на кв. м в год прямой солнечной радиации. Солнце освещает практически всю территорию (с севера до юга) 9–11 часов в день, при этом облачная погода в течение года бывает весьма редко.

Первая электростанция солнечно-термального цикла (solar thermal power plant) была построена в Египте в 2011 г. в Kuraymat. Она имеет общую установленную мощность в 140 МВт, на солнечную генерацию приходится 20 МВт. Финансирование электростанции обеспечивают Global Environmental Facility (GEF) и Японский банк международного развития (the Japan Bank for International Development).

В 2014 г. правительство Египта при поддержке Всемирного банка разработало программу, предусматривающую реформирование электроэнергетики и поощрение участия частных компаний в развитии этого сектора, включая возобновляемую энергетику. Для осуществления этой программы Всемирный банк предоставил Египту 3 млрд долл.¹¹⁹

¹¹⁹ Raven A. A New Solar Park Shines a Light on Egypt's Energy Potential. October 2017, p. 4. (www.ifc.org/infrastructure).

Одно из подразделений Всемирного банка – Международная финансовая корпорация (International Finance Corporation – IFC), а также консорциум других кредиторов (включая девять международных банков) выделили APE 653 млн долл. в качестве поддержки проекта Benban Solar Park, который реализуется вблизи гидроэлектростанции на Высотной Асуанской плотине, то есть на территории, изобилующей инфраструктурой для передачи энергии.

В рамках проекта Benban Solar Park построено 32 электростанции, общая мощность которых к середине 2019 г. достигла 1650 МВт. Этот проект позволит Египту сократить использование дорогого и загрязняющего окружающую среду углеводородного топлива. В частности, он способствует уменьшению на 2 млн т вредных выбросов от эксплуатации автомобильного транспорта. Кроме того, Benban Solar Park вносит вклад в создание рабочих мест, что жизненно важно для южных районов страны, где безработица находится на весьма высоком уровне¹²⁰.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (The Asian Infrastructure Investment Bank – AIIB) в сентябре 2017 г. обнародовал своё решение предоставить Египту 210 млн долл. для развития возобновляемой энергетики. Проекты, предусмотренные кредитным соглашением, будут включать сооружение одиннадцати солнечных электростанций с общей мощностью в 490 МВт¹²¹.

В соответствии с египетской программой развития возобновляемой энергетики, осуществляемой в стране в настоящее время на условиях системы гарантий «feed-in-tariff», планируется ввод в действие в ближайшем будущем солнечных и ветровых электростанций с общей установленной мощностью 4300 МВт. При этом 2000 МВт предполагается получить за счёт строительства средних и крупных станций солнечной генерации, такой же объём – за счёт средних и крупных ветровых ферм, остальные 300 МВт – за счёт небольших солнечных

¹²⁰ Ibid.

¹²¹ Frangoul A. Egypt. Renewable energy projects. 5.09.2017 (<https://www.cnn.com>).

объектов. Одним из инвесторов данной программы является самая крупная компания электроэнергетического сектора Египта – El-Sewedy Electric. Лидирующую роль в реализации планируемых объектов играет норвежская Scatec Solar, которая обязалась инвестировать 600 млн долл. в пять проектов солнечной генерации (50 МВт каждый): три – в Benban и два – в Laafarana. Scatec Solar является ведущим девелопером одного из этих проектов, а в остальных – партнёром египетских и других инвесторов. Продавцом энергии после завершения строительства станций солнечной генерации будет Egyptian Electricity Transmission Company (EETC).

Важной составляющей стратегии Египта, направленной на диверсификацию энергетического сектора, является также развитие ядерной энергетики. Так, в ноябре 2015 г. Египет подписал с российской компанией «Росатом» контракт, который предусматривает строительство комплекса, включающего четыре реактора (1200 МВт каждый) в Ад-Дабаа, западнее Александрии. Ожидается, что первый реактор войдёт в строй в 2024 г. Вначале египетским компаниям будет принадлежать 20% акций, затем доля вырастет до 35%. В контракте прописана аналогичная доля местного вклада в проект (оборудование, материалы, рабочая сила и др.)¹²².

«Росатом» взял на себя обязательство покрыть все издержки в иностранной валюте за счёт кредита сроком на 35 лет. Под объект будет предоставлена гарантия на сорок лет, и российская компания будет нести ответственность за поставки топлива и утилизацию отходов. Другие коммерческие условия, например, такие, как тариф на продажу электроэнергии, которая будет производиться атомной станцией, не были раскрыты в средствах массовой информации.

Активное продвижение производства солнечной и ветровой энергии в Египте, а также запуск первого атомного проекта представляют собой основную часть стратегии, направленной на развитие альтернативной энергетики, являющейся «экологически чистой», то есть не производящей вредных

¹²² Butter D. Egypt tackles energy crisis. Middle East Power 2016. London, p. 17.

отходов во время активной фазы использования. Развитие ВИЭ создаёт условия для позиционирования АРЕ в качестве регионального энергетического хаба, что могло бы предоставить экономические выгоды всему региону Ближнего Востока и Северной Африки.

Египет, прилагая усилия с целью диверсификации энергетического сектора, находится в русле глобальных трендов развития электроэнергетики. Так, эксперты Международного энергетического агентства (International Energy Agency – IEA) полагают, что к 2040 г. возобновляемые источники энергии будут удовлетворять 40% прироста спроса на электроэнергию. К этому времени доля всех ВИЭ в общем производстве электроэнергии достигнет также 40%. На возобновляемые источники энергии будет приходиться две трети глобальных инвестиций в электроэнергетический сектор к 2040 г., поскольку ВИЭ для многих стран превратятся в самый экономичный ресурс для альтернативной генерации.

Что касается солнечной энергетики, то Международное энергетическое агентство прогнозирует, что через 40 лет при соответствующем уровне распространения передовых технологий с её помощью будет вырабатываться около 9 тыс. тера-ватт-часов или 20–25% всего необходимого электричества, что обеспечит сокращение выбросов углекислого газа на 6 млрд тонн ежегодно¹²³.

Активное продвижение производства солнечной и ветровой энергии является частью стратегии, направленной на снижение зависимости Египта от природного газа и нефти для генерации электроэнергии. Другой элемент стратегии – это развитие ядерной энергетики.

По данным на начало 2016 г., около 9% потребляемой электроэнергии в стране приходится на ВИЭ, при этом 8% дают гидроэлектростанции и только 1% ветровые фермы. Остальная часть поступает с тепловых электростанций, большинство которых спроектированы на использование природ-

¹²³ International Energy Agency. World Energy Outlook 2017, p. 4, 5.

ного газа в качестве их основного топлива. Стратегия правительства заключается в том, чтобы снизить долю газа в производстве электроэнергии до менее 80% в течение предстоящих десяти лет¹²⁴.

Развитие возобновляемых источников энергии и ядерный проект привлекают внимание, так как они привносят нечто новое в египетский энергетический баланс. Тем не менее, на тепловые электростанции все еще будет приходиться подавляющая часть производства электроэнергии в Египте в предстоящий неопределенный период.

Проекты объектов, работающих на природном газе, которые в настоящее время реализуются в стране, можно разделить на три категории в зависимости от модели их финансирования. Первая – это традиционная модель развития с финансированием через государственные структуры, она применяется, в частности, при реализации проекта South Helman (1950 МВт). Данная модель в условиях острой нехватки валютных средств влечет за собой необходимость разделения проекта на несколько пакетов, финансируемых различными комбинациями агентств.

Для некоторых последних проектов, включая три электростанции (4500 МВт), которые должны быть построены компанией Siemens, определена модель финансирования EPC plus (engineering, procurement and construction plus), которая является формой корпоративного финансирования, страхуемого правительственными гарантиями и экспортными кредитными агентствами.

Третья категория – это независимые энергетические проекты (independent power projects – IPPs), базирующиеся на проектном финансировании, гарантируемым доходами, полученными фирмой-оператором. Тендер по Dairut combined-cycle IPP (2250 МВт) был проведен впервые в 2010 г., обозначив возвращение IPP модели после забвения почти в двадцать лет. Однако, единственная заявка была предоставлена лишь в начале 2015 г. компанией Acwa Power.

¹²⁴ Middle East Power 2016. Middle East Economic Digest. London, p. 16, 17.

Согласно данным Egyptian Electricity Holding Company, правительство планирует довести установленную мощность по производству электроэнергии с 36 ГВт до 60 ГВт к 2020 г. Возможно, данная цифра будет скромнее, учитывая масштаб этой цели и трудности, связанные с обеспечением финансирования. Тем не менее, оно заложило основу для существенного увеличения мощностей, подкрепленную более сильной финансовой базой для промышленности в результате постепенного сокращения энергетических субсидий.

Еще одной животрепещущей проблемой, с которой сталкивается правительство АРЕ, является сильная зависимость страны от импорта продовольствия. Как известно, страна является крупнейшим импортером пшеницы в мире, при этом государственный покупатель General Authority for Supply Commodities (GASC) закупал этот вид зерна в последние годы главным образом в России и Украине. В частности, на ввоз российской пшеницы приходилось 40% общих поставок зерновых в Египет, согласно GASC¹²⁵.

В начале 2015 г. президент АРЕ, высказывая озабоченность относительно продовольственной безопасности страны, заявил, что, как показали исследования, почти половина импортируемой Египтом пшеницы уходит в отходы из-за нехватки транспортной и складской инфраструктуры. С целью уменьшения отходов пшеницы правительство приняло ряд мер. Например, к началу 2016 г. был завершен проект по развитию сети складов для хранения зерновых. Детали этого проекта слабо освещались в египетских СМИ, но анонимный правительственный источник сообщил MEED, что в соответствии с ним были приватно заключены контракты между вооруженными силами Египта и российскими, а также украинскими компаниями, которые построили новые и модернизировали существующие склады. Правительственный источник подчеркнул, при этом, что участие армии было обусловлено желанием избежать бюрократических проволочек, с которыми часто сталкиваются иностранные компании.

¹²⁵ Middle East Economic Digest. London. 2-8.12.2015, p. 22.

Понятно также, что вооруженные силы Египта располагают долларовыми ресурсами и поэтому смогли очень быстро профинансировать проект¹²⁶.

Важно отметить, что в рамках борьбы с коррупцией в ноябре 2015 г. правительство АРЕ решило положить конец политике закупок местной пшеницы на торгах по фиксированным и субсидируемым ценам. Эксперты приветствовали этот шаг, который, как им представляется, является частью более широких планов Египта ограничить субсидии фермерам и стимулировать их к расширению производства зерна. Однако, местные фермеры негативно отнеслись к этому решению, заявляя, что их операционные издержки слишком высоки, чтобы конкурировать с глобальными ценами. В то же время Middle East Economic Digest сообщал, ссылаясь на анонимного местного торговца, что Египет сталкивается с проблемой контрабанды пшеницы египетскими фермерами, которые нелегально ввозят иностранную пшеницу и оформляют ее как египетское зерно с целью получения субсидий¹²⁷.

Россия в течение ряда лет являлась ведущим поставщиком пшеницы в АРЕ, однако, в последние годы в египетском импорте этого зерна произошли существенные сдвиги. Египетское правительство 27 августа 2015 г. распространило отмену контроля за качеством импортируемых товаров на государственные закупки через проведение тендеров. Это решение пошло на пользу поставщикам французской пшеницы, содержание влаги в которой зачастую выше 13-процентного лимита, установленного Египтом. В результате в ноябре 2015 г. французские фирмы выиграли половину пшеничных контрактов, выставленных на торги GASC, поскольку повышенный лимит влажности до 13,5% позволил Франции продать пшеницу по более низким ценам (ранее французские поставщики платили штраф за превышение лимита влажности). По данным GASC, Египет купил 60 тыс. т французской пшеницы у Groupe Soufflet и Bunge

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Middle East Economic Digest. London. 2-8.12.2015, p. 22.

по 211,76 долл. и 209,86 долл. за тонну соответственно. Он также приобрел аналогичное количество польской пшеницы у Archer Daniels Midland, базирующейся в США, по 209,17 долл. за тонну и румынское зерно у Амегора AG по 206,86 долл. за тонну.

Представленные цифры за ноябрь 2015 г. показывают значительный рост цен по сравнению с августовским тендером того же года, когда АРЕ закупила российскую пшеницу по 190,07 долл. за тонну, включая фрахт. Это была самая низкая цена, которую GASC заплатил за пшеницу за многие годы.

Решение правительства АРЕ по уменьшению пшеничных субсидий фермерам может привести к тому, что ряд фермеров прекратит выращивать зерно в Египте, что, в свою очередь, повысит давление на государственного покупателя – GASC, а также усилит зависимость АРЕ от импорта иностранной пшеницы в условиях валютного кризиса, переживаемого страной.

Поскольку Египет стремится продвигать крайне важные реформы, связанные с его продовольственной безопасностью, ему необходимо соблюдать при этом осторожность, избегая возникновения социально-политического недовольства и протестов, зачастую ассоциируемых с отменой или сокращением субсидий на хлеб.

Реализация многих программ и проектов, призванных преодолеть острые социально-экономические проблемы Египта, столкнулась в 2015–2016 гг. со значительной нехваткой иностранной валюты в стране, которую многие эксперты и аналитики определяли как валютный кризис.

В октябре 2015 г. чистые египетские валютные резервы упали до 16,4 млрд долл., то есть они едва покрывали трехмесячный импорт страны. Внешнеторговый дефицит в 2014/2015 фин.г., согласно данным Центрального банка АРЕ, составлял 38,8 млрд долл., а необходимость выполнения обязательств по обслуживанию внешнего долга означала, что активы упадут еще сильнее в предстоящие месяцы¹²⁸.

¹²⁸ Middle East Economic Digest. London. 18-24.11.2015.

В этих условиях Центральный банк Египта в ноябре 2015 г. принял решение снизить обменный курс национальной валюты по отношению к доллару и повысить процентные ставки на депозиты. В результате на 11.11.2015 г. курс египетского фунта равнялся 7,83 за 1 долл. против 8,03 за 1 долл. на 10.11.2015 г. Кроме того, Центральный банк провел валютную интервенцию в объеме 1 млрд долл., чтобы облегчить ситуацию с нехваткой свободно конвертируемой валюты, в которой нуждалась четверть импортеров и банков.

Однако, предпринятые египетскими финансовыми властями шаги не принесли желаемых результатов. В этих условиях Центральный банк страны в ноябре 2016 г. принял решение о переходе к плавающему курсу национальной валюты, что привело к падению египетского фунта на 50% по отношению к доллару. Так, на 6 декабря 2017 г. 1 долл. США равнялся 17,75 ег. ф. тогда как накануне либерализации курса доллар США стоил 9 ег.ф.¹²⁹ Ослабление египетского фунта позволило смягчить проблему дефицита иностранной валюты, повысить конкурентоспособность Египта на внешних рынках. Международные резервы стран выросли до 37 млрд долл. в 2017 г. против 19 млрд долл. в 2016 г.¹³⁰

Важную роль в успешной реализации намеченных планов экономического развития страны руководство Египта отводит улучшению инвестиционного климата, состояние которого представляет особый интерес с тех пор, как в докладах Всемирного банка «Doing Business» в 2006–2010 гг. АРЕ была отнесена к числу ведущих государств мира по проведению экономических реформ¹³¹. Это признание явилось следствием успешных преобразований египетского правительства во главе с А. Назифом, которое было сформировано в июле 2004 г.

Реформаторская активность данного кабинета министров проявилась, прежде всего, в принятии нового налого-

¹²⁹ <http://coinmill.com>; www.bbc.com/russian/news-37863023.

¹³⁰ Egypt Overview. World Bank Group. October 11, 2017.

¹³¹ Doing Business 2006-2016. World Bank Group (<http://doingbusiness.org>).

вого кодекса который вступил в силу 1 января 2006 г. В соответствии с ним, максимальная ставка налога на прибыль была снижена с 42% до 20%, а подоходного налога – с 32% до 20% (минимальная ставка – с 20% до 10%). Исключение было сделано лишь для компаний нефтегазового сектора, которые по-прежнему должны были платить 40,55%. Помимо этого, налоговая система Египта в целом была упрощена. Так, в частности, была облегчена процедура подачи налоговых деклараций, а также снят ряд бюрократических барьеров, связанных со сбором подоходного налога.

В 2004–2010 гг. заметно активизировалась деятельность правительства по совершенствованию законодательства Арабской Республики Египет в сфере экономики. Так, был принят ряд важных нормативных документов, включая закон о конкуренции, антидемпинговый и антитрестовский закон, новый закон о рынке капиталов, закон о таможенной службе, о защите потребителя, об электронной подписи. Кроме того, были внесены дополнения в экспортно-импортное регулирование. Все эти нормативные акты, наряду с налоговой реформой, были призваны способствовать продвижению рыночных реформ и улучшению инвестиционного и делового климата в стране. В результате в докладе МБРР «Doing Business 2010» Египет поднялся за год в итоговом рейтинге, учитывающем условия ведения бизнеса, сразу на десять позиций, что во многом было обусловлено достижениями по следующим направлениям: снижение минимума капитала, необходимого для начала бизнеса, с 50 тыс. ег. ф. до 1000 ег. ф., наряду с уменьшением на 50% стартового времени и расходов на учреждение компании; создание частных бюро кредитов с целью облегчения доступа к заёмным средствам; существенное сокращение сборов за регистрацию собственности; внедрение принципа «одного окна» (one stop shop) в египетских портах, что сократило время на осуществление импортных операций на семь дней, а экспортных – на пять дней.

Массовые протестные выступления, начавшиеся в Египте в 2011 г., крайне негативно отразились на инвестиционном

климате страны. Согласно данным МВФ, приток прямых иностранных инвестиций в АРЕ в 2011 г. упал до 482,7 млн долл. по сравнению с 6,4 млрд долл. в 2010 г. Иностранные инвесторы, опасаясь эскалации нестабильности, интенсивно выводили капиталы из Египта.

В 2012–2014 гг. возвращение в страну зарубежных капиталовложений помогла стимулировать финансовая поддержка внешних доноров, в роли которых выступали главным образом арабские страны Персидского залива. Наряду с этим, важное значение имели реформы, направленные на восстановление экономики, пострадавшей в результате событий «арабской весны», и улучшение инвестиционного климата Египта.

С целью улучшения условий для ведения бизнеса и поощрения инвестиций, особенно в сектора экономики, ориентированные на экспорт, египетское правительство провело серию реформ. Так, в марте 2014 г. была создана специальная структура – Egyptian Regulatory Reform and Development Activity (ERRADA) – для пересмотра и совершенствования законодательства, регулирующего частный сектор, и сведения к минимуму обременительных административных процедур. В мае 2015 г. был введен в действие Law-Decree No. 17, одобренный ERRADA и предусматривающий стандартизацию инвестиционных инициатив и облегчение прохождения бюрократических процедур для инвесторов. Этот закон дополнил Law No. 8 от 1997 г. об инвестиционных гарантиях, а также соответствующие статьи Corporate Law No. 59 от 1981 г. и Tax Law No. 91 от 2005 г.¹³²

Измененное и дополненное инвестиционное законодательство включает специальные стимулы для экспортно-ориентированной деятельности и новые механизмы урегулирования споров между государством и инвесторами, а также укрепляет роль Генерального управления по инвестициям Египта (General Authority for Investment – GAFI), которое

¹³² Aboushady N., Zaki Ch. Investment Climate and firms' exports in Egypt: when politics matter. Economic Research Forum. Cairo. 2016, p. 3.

контролирует предоставление услуг «одного окна» для инвесторов.

Новые законодательные акты предоставляют право на сниженный налог с продаж на машины и оборудование (5% вместо 10%) и на единообразную ставку тарифа на импортное оборудование, используемое в производстве, на уровне 2%. Освобождение от налогов предусмотрено для проектов с интенсивным использованием трудовых ресурсов, для инвестиций на отдаленных территориях, а также для секторов экономики, имеющих национальный приоритет. Налоговые льготы для последних включают бесплатное предоставление земельных участков и их свободный выбор, сниженный тариф на электроэнергию и возмещение расходов на инфраструктуру, возведенную инвесторами.

Лицензионная система была также усовершенствована, учитывая, что период её выдачи был ограничен 15 днями, исчисленными с момента предоставления всех необходимых документов и завершения соответствующих процедур. Наконец, были введены новые механизмы урегулирования инвестиционных споров путем создания ряда специализированных комитетов.

Дополнительно к отмеченным инициативам был повышен уровень доходов, освобождаемых от налогообложения, с 5000 ег. ф. до 6500 ег.ф. Потолок ставки корпоративного налога в 22,5% был распространен на все компании, оперирующие в Египте. Кроме того, взимание налога с доходов на капитал было отложено на два года. В качестве шага вперёд на пути реструктуризации таможенной системы исполнительное регулирование (executive regulations) к закону о таможенных пошлинах (the Customs Law) было дополнено разрешением на предоставление ряда документов в электронном виде.

В закон о защите прав интеллектуальной собственности (the Law on Intellectual Property Rights Protection No. 82 от 2002 г.) было внесено дополнение, предусматривающее создание юридической базы для защиты новых форм пред-

приятый. В свою очередь, закон о конкуренции № 3 от 2005 г. был дополнен Decree-Law No. 56 от 2014 г. с целью гарантирования независимости Управления по вопросам конкуренции Египта (the Egyptian Competition Authority – ECA) и решения проблемы несогласованности между властными структурами разного уровня.

Важно отметить, что для улучшения инвестиционного климата Египта существенное значение имел ввод в действие в 2015 г. Law-Decree No. 87 с целью реформирования электроэнергетического сектора. Новый закон призван способствовать увеличению инвестиций в данную отрасль экономики для удовлетворения быстро растущего спроса путем приватизации генерации и распределения электроэнергии, оставляя за государством лишь функции регулирования и формирования политики в этой сфере¹³³.

Благодаря изменениям, внесённым в инвестиционное законодательство Египта в рассматриваемый период, приток прямых иностранных инвестиций в страну, согласно данным Министерства инвестиций и международного развития АРЕ, увеличился в 2017/2018 фин. г. до 10 млрд долл. по сравнению с 8,7 млрд долл. в 2016/2017 фин. г.¹³⁴

Несмотря на предпринятые египетским правительством реформы, следует отметить, что инвестиционный климат Египта требует дальнейшего укрепления. Так, согласно докладу Всемирного банка «Doing Business 2018», Египет занял всего лишь 128 место в рейтинге среди 190 стран, учитывая условия ведения бизнеса, по сравнению со 122 позицией в предшествующем году.

АРЕ существенно отстаёт от других арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки в том, что касается создания благоприятных возможностей для оплаты налогов. Согласно the Doing Business Reports, египетские фирмы

¹³³ Aboushadi N., Zaki Ch. Investment Climate and firm's exports in Egypt: when politics matter. Economic Research Forum. Cairo, p. 4.

¹³⁴ The Report: Egypt 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/egypt-2018/economy>).

осуществляют 29 налоговых платежей и тратят 392 часа в год на заполнение налоговых деклараций и погашение налогов.

Обременительные бюрократические процедуры, высокий уровень налогообложения (в целом на налоги приходится 45% прибыли) и коррупции, наряду с другими причинами, являются важными факторами распространения неформальной экономики в Египте. Около 90% фирм АРЕ, участвовавших в опросе, проведенном экспертами Всемирного банка в 2013 г., сообщили, что начали свой бизнес без формальной регистрации¹³⁵. Действительно, конкуренция, исходящая от «теневого» сектора, может оказывать негативный эффект на деятельность компаний, так как у неформальных фирм более низкая стоимость продукции, что даёт им преимущество по сравнению с легальными компаниями. Поэтому некоторые частные структуры отметили в упомянутом выше опросе, что конкуренция со стороны «теневого» сектора является одной из серьезных проблем.

С точки зрения доступа к кредитованию египетские фирмы, функционирующие в сфере торговли, получали в последние годы не более 18–20% общих негосударственных кредитных ресурсов. Еще более важная особенность заключается в том, что доля в кредитовании 97% всех предприятий обрабатывающего сектора страны (они относятся к категории малых и средних предприятий – *small and medium enterprises* – SMEs) ограничивается 25%¹³⁶.

Как представляется, трудности доступа к финансированию обусловлены нежеланием банков кредитовать малые и средние предприятия из-за высокой степени риска и низкого уровня доходов от этих операций. Кроме того, определенную роль играет отсутствие у небольших структур осведомленности относительно прохождения необходимых процедур и

¹³⁵ World Bank Enterprise Survey (2013): Enterprise Surveys-Egypt Country Profile 2013, World Bank Group.

¹³⁶ Aboushady N., Zaki. Ch. Investment Climate and firm's exports in Egypt: when politics matter. Economic Research Forum. Cairo. 2016, p. 5.

предоставления обязательных документов, а также в целом их слабая финансовая грамотность.

Опрос представителей египетских предприятий обнаружил, что 89,1% фирм полагаются на внутренние резервы и неформальные источники (например, семья) для финансирования своей деятельности по сравнению с 72% в других странах арабского региона. Лишь 6% компаний имеют банковские займы или другие формы кредита, а 59,6% – банковские счета¹³⁷.

Важное значение для оценки состояния инвестиционного климата, помимо отмеченных факторов, имеет проблема дефицита мощностей по производству электроэнергии. В результате количество отключений электроэнергии в обычный месяц в середине 2010-х годов составляло 16,3, что существенно выше, чем в группе стран мира со средним уровнем дохода на душу населения. Между тем, потери в объёме продаж египетских компаний в сфере торговли из-за отключений равнялись 5,6% общей их стоимости, что превышало их масштаб в других странах Ближнего Востока и Северной Африки (4,7%)¹³⁸. Задержки в получении доступа к электроэнергии для инвесторов в Египте также были заметно выше, чем в других странах региона (76 и 41 день соответственно).

Представители египетских экспортных фирм, которые участвовали в опросе Всемирного банка, заявили, что прохождение их товаров через таможенную занимает в среднем 7,4 дня. Это на один день больше среднего показателя в других арабских странах. Между тем, компаниям, осуществляющим ввоз товаров, требовалось в среднем 9,2 дня для таможенной очистки импорта, что меньше среднего показателя для стран региона¹³⁹.

Анализ, проведенный на базе «World Bank Enterprise Survey for Egypt», показал, в частности, что, несмотря на

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Aboushadi N., Zaki. Ch. Investment Climate and firm's exports in Egypt: when politics matter, Economic Research Forum. Cairo. 2010, p. 5.

¹³⁹ Ibid.

реформы, о которых говорилось выше, ни объем египетского экспорта, ни число фирм-экспортеров за последние годы не увеличилось. В этой связи следует отметить, что экспортные компании продолжают испытывать серьезные трудности, требующие дальнейшего улучшения инвестиционного климата в стране.

Результаты исследования дают основание полагать, что в Египте форма собственности оказывает существенное влияние на принятие той или иной фирмой решения выйти со своими товарами на внешние рынки. Так, существенно повышает возможности стать экспортером государственная форма собственности, затем следует частное иностранное владение. Дело в том, что компании, принадлежащие государству, а также фирмы с иностранным участием пользуются привилегированным и облегченным доступом на внешние рынки благодаря природе своей формы собственности. Это, в свою очередь, ставит в сравнительно невыгодное положение местный частный сектор.

Наряду с этим, на возможности компании начать экспорт своей продукции негативное влияние оказывает египетский неформальный сектор. Число «теневых» структур заметно выросло в Египте в последние годы. Их продукция дешевле, чем у официальных фирм-конкурентов. В результате продажи легальных компаний внутри страны снижаются, что оказывает негативный эффект на их продуктивность и уменьшает вероятность выхода на внешний рынок.

Определенный парадокс заключается в том, что хотя египетские государственные компании пользуются привилегированным доступом к экспорту благодаря отсутствию для них административных барьеров, благоприятным возможностям получать информацию, формальным и неформальным каналам коммуникации с властями разного уровня, они, тем не менее, зачастую неспособны успешно конкурировать на внешних рынках и расширять свою экспортную активность. В то же время иностранные фирмы, работающие в АРЕ, выходя со своей продукцией на экспортные рынки, показывают более

высокие результаты по сравнению с государственными и местными частными компаниями. В этой связи важно отметить, что зарубежные структуры, создавая филиалы или дочерние компании в обрабатывающем секторе Египта, преследуют цель обслуживать региональный рынок в целом и использовать эту локацию в качестве экспортного хаба¹⁴⁰.

Предпринятые египетским правительством реформы, а также финансовая поддержка иностранных доноров (в частности, МВФ в ноябре 2016 г. одобрил предоставление Египту займа в 12 млрд долл. на трёхлетний период) способствовали макроэкономической стабилизации в стране и повышению темпов экономического роста. Так, прирост ВВП в реальном выражении в 2017/2018 фин. г. составил, согласно оценке МВФ, 5,3% (в 2016/2017 фин. г. – 4,2%) по сравнению со средним показателем за 2011–2014 гг. в 2%¹⁴¹. Снижение энергетических субсидий и увеличение государственных доходов способствовали уменьшению дефицита государственного бюджета страны в первой половине 2017 г. до 5,4% ВВП против 6,4% ВВП за соответствующий период 2016 г.¹⁴²

Благодаря росту доходов от экспорта товаров, туристической деятельности, а также объёма денежных переводов египтян, работающих за рубежом, улучшилось состояние платёжного баланса Египта, реформирование инвестиционного законодательства способствовало увеличению притока прямых иностранных инвестиций в страну.

Оценивая экономическую деятельность египетского руководства в 2010-е годы, следует отметить, что им сделаны лишь первые шаги по исправлению ситуации в экономике и финансах. Для достижения устойчивых темпов прироста ВВП, дальнейшего укрепления финансовой системы, разви-

¹⁴⁰ Aboushady N/, Zaki Ch. Investment climate and firm's exrorts in Egypt: when politics matter. Economic Rsearch Forum. Cairo. 2016, p. 8,9.

¹⁴¹ The Report: Egypt 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/egypt-2018/economy>); www.worldbank.org/en/country/Egypt/overview.

¹⁴² www.worldbank.org/en/country/egypt/overview.

тия современной конкурентоспособной рыночной экономики и решения таких острых социальных проблем как массовая бедность, безработица и социальное неравенство Египту необходимо продолжение структурных преобразований. В этой связи важно упомянуть, что доля населения страны, живущего за чертой бедности, по оценке, составляет более 20%, причём в сельских районах она выше – около 30%. К малоимущим слоям относится более 40% населения. Что касается безработицы, то по официальным данным, она в возрастной категории от 15 до 24 лет составляет 30%.

Однако, реализация важных экономических мер, особенно непопулярных, сопряжена с серьёзными социальными, экономическими и политическими рисками. Поэтому продолжение, а тем более углубление реформаторских усилий, безусловно, требует от президента и правительства Египта сильной политической воли, а также взвешенности и осторожности при принятии социально чувствительных решений. В частности, это касается реформирования системы энергетических и продовольственных субсидий, которое с экономической точки зрения крайне необходимо, так как без постепенного их снижения невозможно существенно уменьшить дефицит госбюджета, который остаётся весьма высоким. В то же время резкое ограничение ассигнований на субсидии при отсутствии действенных страховочных механизмов может ещё больше обострить проблему бедности в стране. Необходимо также учитывать то обстоятельство, что социальное неравенство и бедность способствуют радикализации политических взглядов части египтян, выступающих с позиций традиционализма против социально-экономических преобразований, проводимых в Египте.

Непоследовательность, нерешительность египетских властей в проведении реформ равно как и необоснованное их форсирование могут привести к замедлению темпов экономического роста, нарастанию финансово-экономических и социальных проблем и в результате недовольства широких слоёв населения страны, что, в свою очередь, чревато повторением событий 2011 г.

Иордания

Региональная политическая нестабильность отразилась на росте валового внутреннего продукта Иордании. Так, темп прироста ВВП в 2017 г. составил 2,16%. В то же время этот показатель в 2000–2009 гг. равнялся 6,5 %¹⁴³. Более того, иорданский государственный долг увеличивался темпами, которые превышали экономический рост. В результате, по данным Центрального банка королевства, на конец 2016 г. он составлял 95% ВВП по сравнению с 61% в 2010 г.¹⁴⁴

Некоторое улучшение макроэкономической ситуации в Иордании, согласно оценке экспертов Всемирного банка, произошло в 2018 г. При этом прирост ВВП составил 2,4%¹⁴⁵. Двигателем некоторого роста стала активизация деятельности в сфере туризма и добывающей промышленности. Однако, экономика королевства по-прежнему обременена проблемами, связанными с политической нестабильностью в Сирии, медленным восстановлением внешнеэкономических связей с Ираком¹⁴⁶, уменьшением денежных переводов от иорданцев, работающих за рубежом, ростом расходов на обеспечение безопасности, увеличением цен на продовольствие и нефть, а также сокращением финансовой поддержки со стороны стран Персидского залива.

Помимо слабого экономического роста и долгового бремени, Иордания в последние годы сталкивается с ухудшением ситуации в сфере занятости в связи с притоком сирийских беженцев. По данным Департамента статистики королевства, безработица в стране выросла до 18,5% самодель-

¹⁴³ <https://theodora.com/wfbcurent/jordan/jordaneconomy.html>. February 28, 2018; Jordan Economic Growth Plan 2018-2022 (JEGP), May 2017, p. 5 (www.jordanembassy.us.org).

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Jordan's Economic Outlook. World Bank Group, April 16, 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/jordan/publication>).

¹⁴⁶ Важно отметить, что до блокады торговых путей в связи с гражданской войной в Сирии на поставки товаров в Ирак приходилось 20% всего иорданского экспорта.

ного населения по сравнению с 12,5% в 2010 г., а среди молодёжи она оценивается в 25%. На начало 2016 г. число сирийских беженцев составило, согласно иорданской официальной переписи, 1,3 млн чел., около 90% которых проживали в городах королевства, конкурируя за рабочие места с иорданцами.

Правительство страны в 2016-2017 гг. предпринимало усилия, направленные, прежде всего, на снижение уровня иорданского долга и смягчение дисбалансов государственного бюджета и платёжного баланса. В августе 2016 г. Иордания подписала соглашение с МВФ (Extended Fund Facility – EFF), которое предусматривало предоставление Фондом королевству 723 млн долл. на трёхлетний период в качестве помощи для урегулирования финансовых проблем¹⁴⁷ и снижения государственного долга Иордании до 77% ВВП в 2021 г. Во исполнение этого соглашения иорданский кабинет министров в 2017 г. предпринял ряд трудных структурных фискальных мер, чтобы повысить государственные доходы на 635 млн долл. В частности, в рамках новой политики было принято решение предоставлять субсидии на хлеб ограниченному кругу иорданских потребителей (qualified Jordanian consumers), которые, покупая этот товар по не субсидируемой цене, должны получать денежную компенсацию¹⁴⁸. Иными словами, обеспеченные иорданцы и все жители, не являющиеся гражданами королевства, лишались данной компенсации. Помимо этого, закон о государственном бюджете на 2018 г. устанавливал налог с продаж на сахар, чай, рис, молоко и ряд других товаров, которые ранее были исключены из налогообложения. Ожидалось также введение нового закона о подоходном налоге, который должен способствовать улучшению собираемости налогов и предотвращать уклонение от них¹⁴⁹.

¹⁴⁷ <https://www.theodora.com/wfbcurent/jordan/jordaneconomy.html>. February 28, 2018.

¹⁴⁸ The Jordanian economy in 2018. The Jordanian Times. January 22, 2018.

¹⁴⁹ Ibid.

В мае 2017 г. парламент королевства одобрил пятилетний план экономического развития Иордании (Jordan Economic Growth Plan 2018–2022 – JEGP 2018–2022). В преамбуле этого документа говорится о том, что JEGP преследует цель дать толчок экономическому росту и таким образом реализовать потенциал развития страны. План содержит стратегии продвижения практически всех секторов национального хозяйства Иордании, при этом в нём определена роль государства, намечены государственные проекты и частные инвестиции, которые необходимы для реализации задач, стоящих перед экономикой в целом и отдельными отраслями, в частности.

В плане развития экономики декларируется обязательство иорданского правительства продолжать проведение жёсткой политики в сфере государственных расходов путём сокращения неприоритетных текущих трат и переноса акцента на социальные и капитальные ассигнования, а также урегулирование проблем с сирийскими беженцами. В то же время особое внимание уделяется мерам по дальнейшему укреплению системы управления финансовой сферой, включая реализацию программы «Государственное инвестирование в развитие менеджмента» (Public Investment Management Framework) с целью повышения эффективности капитальных расходов, определения приоритетов в сфере инвестирования и максимального использования государственно-частного партнёрства при осуществлении планируемых проектов.

Как показывает практическая деятельность кабинета министров в последние годы, иорданская правящая элита осознаёт важность улучшения условий для ведения бизнеса в стране, снижения степени бюрократизации, модернизации юридической системы и законодательства, особенно в области экономического регулирования. Правительство уже предприняло ряд шагов в рамках каждого из упомянутых направлений, которые могут существенно укрепить возможности королевства привлекать и осваивать инвестиции.

В частности, был подготовлен и представлен парламенту ряд новых законов, а также дополнений и изменений в существующие законодательные акты, например, касающиеся банкротства и неплатёжеспособности, юридической защиты соглашений с акционерами, законов о движимом имуществе, о компаниях и др.¹⁵⁰ Кроме того, Иордания планирует учредить специализированную юридическую палату по экономическим спорам и применять электронные повестки для упорядочивания работы судебных органов.

В русле современных трендов Иордания постепенно отходит от взгляда на информационно-коммуникационные технологии как на изолированный сектор и движется в сторону развития в стране цифровой экономики с акцентом на так называемые нишевые рынки и глобальные ценовые цепочки. Такое видение изложено в Национальной цифровой стратегии REACH 2025, в которой содержатся пути и методы внедрения высоких технологий в различные сферы деятельности ведущих иорданских экономических секторов. Более того, королевство стремится в процессе цифровизации капитализировать свои конкурентные преимущества. Так, обладая высококвалифицированным человеческим капиталом, адекватным уровнем заработной платы и расположением в удобном часовом поясе, эта страна может стать цифровым аутсорсинговым хабом в ближневосточном регионе. Для достижения этой цели правительство предприняло серию проектов, которые включают развитие Национального широкополосного интернета (National Broadband Network), который призван объединить различные государственные, медицинские и образовательные учреждения с помощью оптоволоконных сетей, продвинуть создание электронного правительства, привлечь консорциум компаний для строительства необходимой инфраструктуры.

В плане экономического развития Иордании (JEGP 2018–2022) утверждается, что главным двигателем экономи-

¹⁵⁰ Jordan Economic Growth Plan 2018-2022 (JEGP), May 2017, p. 11 (www.jordanembassy.us.org).

ческого роста королевства является частный сектор. Поэтому правительство берёт на себя обязательство осуществлять справедливое партнёрство с частным предпринимательством для достижения поставленных целей. В данной связи декларируется оказание поддержки бизнесам, находящимся в стадии «start-up», и развитие существующих сверхмалых (микро), малых и средних предприятий (MSMEs), сокращение юридических и регулятивных препятствий с целью ускорения роста и развития всех типов предпринимательства, предоставление консультационных услуг для увеличения их продуктивности и повышения конкурентоспособности, а также обеспечение доступа к устойчивому финансированию на благоприятных и приемлемых условиях.

Важно отметить, что реализация намеченных целей требует, прежде всего, подготовки и принятия ряда законодательных актов, в частности, закона о малых и средних предприятиях (SMEs). Удвоение объёма банковских займов, предоставляемых SMEs, с 10% до 20% к концу 2020 г., что предусмотрено в Национальной стратегии развития предпринимательства и сверхмалых предприятий в 2017–2020 гг. (The National Strategy for Entrepreneurship and Developing MSMEs 2017–2020), в свою очередь, вызывает необходимость: 1) увеличения размера первоначального и венчурного капиталов, имеющихся для развития перспективных start-ups; 2) повышения квалификации начинающих предпринимателей (особенно среди женщин и молодёжи); 3) создания Центров поддержки инновационной деятельности (Innovation Support Centers) при Министерстве промышленности и торговли. Кроме того, в JEGP 2018–2022 предусматривается, что стимулирование развития частного сектора должно способствовать увеличению производства продукции с добавленной стоимостью, выявлению потенциальных рынков сбыта и их освоению. Созданию жизнеспособных бизнесов может помочь осуществление программ Entrepreneurship Support/Business Programs, а привлечению инвестиций в малые и средние предприятия (создающиеся или уже действующие),

которые преследуют цель начать или расширить свою деятельность в обрабатывающей промышленности, секторе услуг и агропромышленной сфере – The Governorates Development Fund¹⁵¹.

Наряду с анализом основных целей и задач, поставленных в экономической программе правительства на предстоящий пятилетний период, важное значение имеет рассмотрение перспектив развития ключевых секторов экономики Иордании.

Энергетика. Иордания практически полностью зависит от импорта энергоносителей, главным образом природного газа, на закупки которого приходится 25-30% стоимости иорданского ввоза. С целью диверсификации своего энергетического импорта Иордания в последние годы подписала ряд контрактов на поставку сжиженного природного газа (СПГ), разрабатывает заброшенные залежи сланцевой нефти¹⁵². Планируется проведение работ по добыче нефти и газа на вновь открытых месторождениях : Azraq, West Safawi, Jafr, Sirhan, Dead Sea, Rum, Petra, Northern Highlands. Наряду с этим, предпринимаются усилия по увеличению производительности существующих скважин, в частности разработка месторождения Risha с целью максимизации местной добычи природного газа. Для расширения стратегических запасов нефти и её производных в Акабе ведётся строительство подземных нефтяных хранилищ. В плане экономического развития Иордании предусматривается реализация проекта сооружения подземных хранилищ для нефтепродуктов и сжиженного природного газа в Аммане мощностью 250–300 kt и 8 kt соответственно. Кроме того, планируется строительство нефтепровода между Larga и Aqaba¹⁵³.

¹⁵¹ Jordan Economic Growth Plan 2018-2022 (JEGP), May 2017, p. 77-80 (www.jordanembassy.us.org).

¹⁵² [https://www.theodora.com/wfbcurrent/jordan/jordan economy.html](https://www.theodora.com/wfbcurrent/jordan/jordan%20economy.html). February 28, 2018.

¹⁵³ Jordan Economic Growth Plan 2018–2022, May 2017, p.56, 57 (www.jordanembassy.us.org).

Электроэнергетика и водоснабжение. В текущем десятилетии инвестирование в электроэнергетику и водоснабжение королевства приобрело особое значение, учитывая увеличение численности жителей за счёт роста коренного населения и притока сирийских беженцев. В результате спрос на эти базовые услуги заметно возрос. В то же время устойчивое снабжение энергоресурсами и водой может в перспективе обеспечить рост других ключевых секторов экономики, в частности обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства.

Принимая во внимание сложное финансовое положение страны, капиталовложения в электроэнергетику и водоснабжение могли бы осуществляться за счёт долгосрочных многосторонних займов. Однако, опора только на заёмные средства представляется достаточно уязвимой, поскольку повышает зависимость Иордании от внешнего финансирования. Исходя из этого, в плане экономического развития делается акцент на развитие государственно-частного партнёрства в этой области (public-private partnership – PPP), а также использование других моделей, например, «строительство-управление-передача» (build-operate-transfer).

Планируется, что развитие национальной электроэнергетической системы позволит увеличить установленную мощность с 500 МВт до 1450 МВт к концу 2019 г. Для реализации поставленной задачи необходимо расширение использования природного газа в производстве электроэнергии, что, в свою очередь, требует подписания ряда соглашений с крупными поставщиками для обеспечения потребностей в СПГ в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Наряду с этим, намечено строительство электростанции мощностью в 470 МВт, работающей на базе прямого сжигания сланцевой нефти для производства электроэнергии. Для реализации проекта иорданское правительство подписало в марте 2017 г. соглашения с эстоно-малайзийско-китайским консорциумом, в соответствии с которыми вступление в строй электростанции планируется в первой половине 2020 г.

Кроме того, в JEGP предусматриваются меры по стимулированию использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в производстве электроэнергии. В частности, осуществление программ, субсидируемых Иорданским фондом по возобновляемой энергетике и энергетической эффективности (The Jordan Renewable Energy and Energy Efficiency Fund-JREEEF), включает: поддержку домохозяйств с целью установки ими солнечных водонагревателей (Solar Water Heaters), энергоэффективных осветительных приборов (Solar, PV Systems, LED efficient lighting) и замены бытовой техники; предоставление технической и финансовой поддержки малым и средним предприятиям, особенно в промышленном и туристическом секторах для реализации мер по повышению энергетической эффективности и проектов ВИЭ.

Что касается сферы водоснабжения, то увеличение запасов водных ресурсов страны предполагается осуществить путём реализации проектов по развитию нетрадиционных источников воды (обессоливание морской воды, повторное использование водных ресурсов, продвижение the Red Sea-Dead Sea Water Conveyance project и др.), а также за счёт увеличения мощности хранилищ на всех имеющихся плотинах для достижения объёма в 400 млн куб. м¹⁵⁴. В пятилетнем плане развития экономики Иордании подчёркивается, что для улучшения качества воды и услуг канализации важно осуществить создание Национальной водопроводной сети (the National Water Pipeline), которая соединила бы южные провинции с северными и позволила обеспечить гибкость в снабжении водой и её перераспределении. При этом планируется довести сокращение потерь воды до 30% к 2025 г. благодаря реструктуризации и ремонту действующих водопроводных сетей. В плане также поставлена задача повысить долю населения королевства, охваченного канализацией до 80% к 2025 г.¹⁵⁵

¹⁵⁴ Jordan Economic Growth Plan 2018–2022 (JEGP), May 2017, p. 52. (www.jordan-embassy.us.org).

¹⁵⁵ Ibid, p. 52, 53.

Обрабатывающая промышленность. Ситуация в обрабатывающей промышленности королевства и экспорте готовой продукции заметно улучшилась после подписания соглашения о свободной торговле с США в 2001 г., а также выполнения правил происхождения товаров, существующих в Европейском Союзе. В итоге удельный вес этой отрасли в ВВП Иордании поднялся в 2016 г. до 18%¹⁵⁶. Однако, в настоящее время перед страной остро стоят задачи повышения качества местной продукции, адаптации его к международным требованиям, перехода от традиционных производств к изготовлению товаров с более высоким уровнем добавленной стоимости в рамках глобальных отраслей промышленности (Product Space Strategy).

В JEGP 2018–2022 для решения упомянутого комплекса проблем предлагается принятие ряда мер, в частности, создание фонда поддержки и финансирования промышленного развития и повышения конкурентоспособности, который, помимо предоставления необходимых финансовых ресурсов, помог бы укреплению технологической базы и увеличению добавленной стоимости промышленной продукции и услуг путём подготовки и реализации специализированной программы внедрения современных технологий в обрабатывающий сектор¹⁵⁷. Важную роль в стимулировании роста малых и средних предприятий (SMEs) в сфере обрабатывающей промышленности страны и повышению их конкурентоспособности могла бы сыграть Иорданская корпорация по развитию предприятий (the Jordan Enterprise Development Corporation – JEDCO), а также осуществление программы полной модернизации и развития двадцати промышленных SMEs каждый год в течение пяти лет. При этом в JEGP подчёркивается, что в течение предстоящих трёх лет необходимо активизировать реализацию The National Linkages Program с целью финансовой и технической поддержки повышения

¹⁵⁶ Department of Statistics. Jordan, 2016.

¹⁵⁷ Jordan Economic Growth Plan 2018–2022, May 2017, p. 66, 67 (www.jordanembassy.us.org).

качества иорданской промышленной продукции. Создание новых индустриальных инкубаторов планируется в губернаторствах Al Balq'a, Tafila и Aqaba.

Безусловно, инвестиционный климат Иордании, от состояния которого во многом зависит расширение возможностей для привлечения прямых иностранных инвестиций, а также финансовых средств от иорданцев, живущих за границей, в развитие обрабатывающего сектора королевства, требует существенного улучшения. Этой цели призвана способствовать модернизация законодательной базы, регулирующей деятельность бизнеса и условий привлечения инвестиций. В частности, назрела необходимость упрощения и более чёткой регламентации административных процедур в сфере регулирования экономики и инвестирования.

Мониторинг состояния промышленного производства в Иордании в современных условиях приобретает особое значение. Поэтому в плане экономического развития страны предусматривается создание специальных структур – The National Industrial Observatory, а также Исполнительного комитета по промышленной политике (The Executive Committee for Industrial Policy) для контроля и оценки промышленной деятельности.

Сельское хозяйство. Сельскохозяйственное производство в течение последних пяти лет росло сравнительно быстрыми темпами, в результате его вклад в ВВП королевства увеличился с 2% до 4 %¹⁵⁸. Тем не менее, Иордания остаётся крупным импортёром продовольствия, включая практически полное покрытие внутренних потребностей в зерновых за счёт поставок из-за границы. Поскольку подавляющая доля стоимости иорданского импорта приходится на продовольственные товары, то это ложится тяжёлым бременем на баланс текущих операций страны. Поэтому в пятилетнем плане экономического развития королевства существенное внимание уделяется мерам по повышению продуктивности сельского хозяйства, среди которых следует выделить следующие:

¹⁵⁸ Ibid, p. 15.

- предоставление бесплатных или субсидируемых услуг фермерам, особенно тех видов, которые частный сектор предоставлять не в состоянии (поддержка сельскохозяйственных исследований, стимулирование применения современных технологий в агросфере: ирригация, подкормка сельскохозяйственных культур и др.; поощрение использования улучшенных и устойчивых к засухе семян, вакцинация против сельскохозяйственных болезней, внедрение системы профилактики с целью предотвращения распространения трансграничных заболеваний и сельскохозяйственных вредителей и др.;

- повышение роли местных жителей в сельскохозяйственном развитии через участие в различных объединениях и кооперативах;

- поддержка семейных бизнесов, обеспечивая тем самым продовольственную безопасность (особенно для экономически отсталых и пустынных районов страны);

- развитие партнёрства государства с частным сектором в формировании и реализации аграрной политики путём: создания стимулов для частного сектора участвовать в работе The National Center for Agricultural Research and Extension (NCARE), The Jordan Cooperative Corporation, The Agricultural Credit Corporation;

- увеличение числа представителей частного сектора в специализированных технических комитетах;

- представительство частного сектора в советах, комитетах и подкомитетах в губернаторствах страны в дополнение к структурам, руководящим осуществлением сельскохозяйственных проектов;

- гарантирование права частного сектора на доступ к информации, касающейся сельскохозяйственного производства;

- профессиональная подготовка местной рабочей силы в сотрудничестве с Министерством труда с целью постепенной замены иностранных работников иорданскими гражданами в аграрном секторе страны;

- создание соответствующих механизмов для улучшения положения иорданских сельскохозяйственных работни-

ков путём совершенствования социального страхования и внедрения системы медицинского страхования;

- повышение самообеспеченности Иордании сельскохозяйственной продукцией, конкурентоспособной по сравнению с импортной;

- стимулирование фермеров производить продукцию с более высокой добавленной стоимостью;

- поощрение фермеров культивировать продукцию, отвечающую спросу как на местном, так и внешнем рынке;

- развитие фермерства в районе пустыни Бадиа, чтобы повысить обеспеченность кормами животноводческих хозяйств;

- совершенствование законодательства, регулирующего работу сельскохозяйственных кооперативов;

- создание Генерального союза кооперативов (the General Cooperation Union) и его региональных федераций, предоставление им главной роли в контроле за работой кооперативных обществ;

- стимулирование расширения возможностей сбыта продукции кооперативами, помощь в продаже сельскохозяйственных товаров внутри страны и на международных рынках;

- поддержка финансирования проектов, осуществляемых кооперативными обществами и их членами, включая предоставление грантов и займов¹⁵⁹.

Туризм. Иордания обладает весьма привлекательными условиями (благоприятный климат, природные и исторические достопримечательности) для развития туристического сектора. Важно отметить, что его вклад в производство ВВП страны достаточно весом: в 2016 г. он оценивался в 10%¹⁶⁰. Однако, несмотря на то, что данные за последние годы показывают некоторый рост числа туристов, посещающих королевство, для поддержания этого тренда необходимо дальнейшее инвестирование в поддержание и модернизацию тури-

¹⁵⁹ Jordan Economic Growth Plan 2018-2022, May 2017, p. 10, 11, 27-31 (www.jordanembassy.us.org).

¹⁶⁰ Department of Statistics. Jordan, 2016.

стических мест и соответствующей инфраструктуры, Безусловно, значительное улучшение ситуации в иорданском туризме во многом зависит от политической стабилизации на Ближнем Востоке.

В JEGP 2018–2022 подчёркивается, что для стимулирования инвестиций и привлечения туристов в Иорданию, в первую очередь требуется создание основ законодательства, регулирующего деятельность туристической отрасли. Наряду с этим, указывается, что развитию туризма могло бы способствовать укрепление партнёрства между the Ministry of Tourism and Antiquities и частным сектором, поддержка туристических ассоциаций с целью повышения качества услуг, предоставляемых их членами¹⁶¹.

Внешнеэкономические связи. В области внешнеэкономических связей в пятилетнем плане экономического развития Иордании делается упор на расширение направлений внешнеторговой деятельности, стимулирование экспорта товаров на традиционные рынки, а также на освоение новых возможностей для вывоза национальной продукции, что вместе взятое позволило бы снизить хронический дефицит внешней торговли королевства. С целью достижения поставленных задач правительством намечен комплекс мер, среди которых следует упомянуть следующие:

- проведение исследований по оценке экономической эффективности действующих торговых соглашений и пересмотр, исходя из этого, некоторых договорённостей, не отвечающих интересам национальной экономики страны;
- укрепление торгово-экономических связей с ключевыми партнёрами (США, страны ЕС, ССАГПЗ и др.);
- разработка законодательной и юридической базы для усиления проникновения иорданских товаров и услуг на нетрадиционные рынки;
- создание фонда, ответственного за поддержку и финансирование экспорта;

¹⁶¹ Jordan Economic Growth Plan 2018-2022, May 2017, p. 11, 26, 27 (www.jordan-embassy.us.org).

- усиление роли The Jordan Loan Guarantee Corporation (JLDC);
- развитие партнёрской институциональной системы с частным сектором для принятия решений, которые благоприятствуют активности иорданского бизнеса во внешней торговле;
- упрощение и уменьшение количества бюрократических процедур путём ограничения препятствий, с которыми сталкиваются экспортные компании; периодическая ревизия импортного регулирования и процедур в области ввоза товаров, а также улучшение деятельности the National Committee for Trade and Transport Facilitation (NCTTF);
- активизация исследовательской деятельности в области торговой политики путём кооперации с ведущими специалистами, университетами и профильными институтами; повышение роли бизнес-инкубаторов в университетах и ценности научной экспертизы в их развитии.

Анализ задач, поставленных в пятилетнем плане экономического развития Иордании, показывает, что правительство королевства стремится осваивать новые, нетрадиционные рынки сбыта иорданских товаров с целью стимулирования экономического роста и привлечения инвестиций. В качестве таких перспективных рынков правящий иорданский режим рассматривает Российскую Федерацию.

За последние десять лет между Россией и Иорданией был подписан ряд важных документов, в том числе следующие соглашения: о создании Российско-иорданского делового совета (2007 г.); о поощрении и взаимной защите капиталовложений (2007 г.); о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях (2009 г.); о разведке нефтяных и газовых месторождений на территории Иордании (2011 г.). С 2013 г. сотрудничество между странами координирует Межправительственная российско-иорданская комиссия по развитию торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

Товарооборот России с Иорданией в 2016 г., по данным Федеральной таможенной службы РФ, составлял 175 млн долл., а в 2017 г. – 124 млн долл.¹⁶² Россия экспортирует в королевство сельскохозяйственные товары, а также продукцию нефтепереработки, чёрные металлы, транспортное оборудование, она также осуществляет поставки охлаждённого и замороженного мяса, птицы, живого мелкого рогатого скота. Иордания ввозит в РФ продукцию фармацевтической промышленности, неорганической химии, одежду, овощи.

Одной из основных сфер двустороннего экономического взаимодействия является атомная энергетика. Так, российская государственная корпорация «Росатом» 1 ноября 2013 г. выиграла тендер на строительство первой АЭС в Иордании. Планируется, что атомную электростанцию, состоящую из двух энергоблоков общей мощностью 2000 МВт, будет строить совместное предприятие, в котором 51% получит королевство, а 49% – «Росатом» или одна из его дочерних компаний. Общая стоимость строительства двух блоков АЭС оценивается в 10 млрд долл. В настоящее время технические и технологические условия проекта полностью согласованы. Для заключения контракта остаётся решить только вопрос финансирования.

Кроме того, в сентябре 2016 г. на полях 60-й конференции МАГАТЭ Россия и Иордания подписали меморандум о взаимопонимании по подготовке кадров для атомной энергетики и других смежных областей. 13 декабря 2017 г. Rusatom Overseas (входит в структуру госкорпорации «Росатом») и Комиссия по атомной энергии Иордании заключили соглашение о сотрудничестве в области реакторов малой мощности. Стороны договорились о возможности подготовки совместного технико-экономического обоснования строительства реактора малой мощности на территории Иордании.

Важно отметить, что в последние два года на российско-иорданских встречах и переговорах обсуждались перспективы дальнейшего развития и углубления торгово-экономических

¹⁶² <https://tass.ru/info/4960467>; www.politrussia.com/world/rossiya-iordaniya-984.

связей. Так, иорданская сторона, помимо расширения обмена поставками готовой аграрной продукции, предлагала создать на территории королевства промышленную зону, в рамках которой организовать производство сельскохозяйственной техники и оборудования. В качестве дополнительного аргумента в пользу такой формы сотрудничества она указывала на то, что собранная техника будет иметь экспортный потенциал не только для Иордании, но и для всего региона, так как арабские страны связаны между собой договорами, облегчающими взаимную торговлю.

Россия и Иордания договорились также изучить возможность использования иорданского порта Акаба для продвижения российских товаров на рынки Ближнего Востока и Северной Африки. Иордания, в свою очередь, стремится расширить экспорт своей продукции не только в Россию, но и в другие страны, входящие в Евразийский экономический союз, с которым в 2017 г. она подписала меморандум о взаимопонимании. Более того, королевство намерено обратиться в ЕАЭС с предложением о заключении соглашения о свободной торговле и о создании зоны свободной торговли на территории Иордании¹⁶³.

Ливан

Сирийский военный конфликт, включая приток более 1 млн зарегистрированных беженцев, привёл к усилению внутриполитической напряжённости и замедлению среднегодовых темпов экономического роста в Ливане в 2011–2018 гг. до 1–2% в год¹⁶⁴. В результате хронического дефицита бюджета страны государственный долг повысился до 148% ВВП, и по этому показателю Ливан занял третье место в мире.

¹⁶³ Jordan, Russia to hold regular meetings on cooperation ([www.jordantimes.com/news/local/May 27, 2018](http://www.jordantimes.com/news/local/May%2027%2C%202018)).

¹⁶⁴ Lebanon Economy Profile 2018. January 20, 2018 (https://www.indexmundi.com/lebanon/economy_profile.html); Lebanon-Economic Forecasts – 2018–2020 Outlook (<https://www.tradingeconomics.com/lebanon>).

Слабая экономическая активность ограничивает налоговые поступления, в то время как крупнейшими статьями государственных расходов остаются: обслуживание огромного ливанского долга, заработная плата госслужащих и трансферты электроэнергетическому сектору. Всё это вместе взятое ограничивает возможности по инвестированию в жизненно важные проекты в сфере развития водоснабжения, электроэнергетики и транспорта.

В этой связи важно отметить, что нехватка воды является проблемой даже для Бейрута, особенно в конце летнего сезона. Отключения электроэнергии превратились в последние годы в довольно частое явление, во внутренних районах Бейрута они продолжаются обычно три часа в день, а в сельских регионах доходят до 12 часов. Учитывая, что объём электроэнергии, поставлявшейся из Египта и Сирии резко снизился, в обозримом будущем эта ситуация может ещё более ухудшиться.

Присутствие значительного числа сирийских беженцев усугубило и так существующие серьёзные проблемы в социальной сфере. Сотни школ страны вынуждены работать в две смены (утром и после обеда), чтобы обеспечить базовое образование каждому ученику. Тем не менее, около 300 тыс. детей не могут получить доступ к образованию и здравоохранению, которое также испытывает беспрецедентное давление со стороны растущего населения. Наиболее острой социально-экономической проблемой современного Ливана является бедность. Согласно данным Всемирного банка, 1,2 млн чел. (около 27% населения страны) живут на менее чем 4 долл. в день¹⁶⁵.

Несмотря на серьёзные трудности, ливанская экономика не находится на грани банкротства, в частности, благодаря существующему в стране отлаженному механизму рефинансирования государственного долга. Так, к началу 2018 г. правительству удалось повысить резервы иностранной валюты

¹⁶⁵ Lebanon Country Report. BTI 2018 (<https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/LBN>).

Центрального банка до 42 млрд долл. частично в результате пересчёта долга, номинированного в ливанских фунтах, в задолженность в евробондах¹⁶⁶. Заметим, что национальная валюта страны – ливанский фунт – является свободно конвертируемой, поскольку Ливан обладает небольшим, но либеральным рынком капиталов. В стране практически не существует ограничений на приток и отток инвестиций. Счета резидентов полностью конвертируются в иностранную валюту.

Важную роль в сохранении относительной финансовой стабильности традиционно играет хорошо развитая банковская система страны. Международный валютный фонд в 2016 г. провёл оценку состояния ливанских банков и пришёл к заключению, что банковская система находится в благоприятном положении, несмотря на серьёзную внутреннюю и региональную турбулентность. Некоторые критические аспекты, отмеченные в докладе МВФ, включают растущую концентрацию капитала в банковском секторе из-за большого числа слияний и поглощений в течение последних десяти лет, а также преимущественный рост крупных банков. В 2016 г. на три крупнейшие ливанские банки – Bank Audi, Bloom, Byblos Bank – приходилось две трети всех депозитов и займов, при этом на банковские структуры с депозитами не более 200 млн долл. – лишь 1,3%. МВФ в своём докладе подчёркивал, что столь высокая концентрация депозитов повышает уязвимость банковского сектора, учитывая, что половина общей суммы вкладов в ливанских банках сосредоточены на 1% всех счетов¹⁶⁷.

Кроме того, необходимо отметить, что банковская система Ливана сталкивается с рядом жёстких регулирующих правил со стороны других государств. Так, международные санкции, введённые против сирийского режима, затра-

¹⁶⁶ Butter D. Is Lebanon Heading towards Economic Bankruptcy? October 2017. Carnegie Middle East Center, October 2017(www.carnegie-mec.org/diwan/73280).

¹⁶⁷ Lebanon Country Report. BTI 2018 (<https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/LBN>).

гивают и ливанские банки и компании. Например, США внесли в «чёрный список» компании, которые ведут бизнес с сирийским правительством или при его поддержке. Тем не менее, до последнего времени многие ливанские фирмы всё ещё функционировали в Сирии. Что касается банков Ливана, то они могут дистанцироваться от этих компаний, чтобы не оказаться в «чёрном списке».

Неэффективность и нестабильность ливанских правительств, а также ограниченный доступ к финансированию являются главными проблемами для ведения частного бизнеса в стране. Слабо развитый фондовый рынок и отсутствие возможностей для инвестирования помимо монополизированной банковской системы ещё более затрудняет создание и развитие малых и средних предприятий. Неформальная («теневая») экономика рассматривается правящим режимом Ливана в качестве важного хозяйственного компонента, что показывает неадекватность системы управления экономикой страны. Согласно данным World Bank Enterprise Survey, 57% ливанских компаний, обследованных в 2013 г., заявили, что они испытывают жёсткую конкуренцию со стороны незарегистрированных и нелегальных бизнесов. Важно упомянуть, что аналогичный индикатор в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки равен 42%, то есть уровень неформальной экономики в Ливане более высок¹⁶⁸.

Антимонопольная политика пользуется в стране лишь ограниченной поддержкой из-за тесных внутренних связей среди политических и бизнес-элит. Парламент Ливана в течение десяти лет не может принять закон о конкуренции из-за противоречий между двумя влиятельными депутатскими коалициями – «March 14» и «March 8» Первая из них выступает за более существенное дерегулирование и развитие рыночноориентированной модели экономики. «March 8», в свою очередь, предпочитает государственный сектор и контролируемые государством предприятия. Без-

¹⁶⁸ Ibid.

успешные дебаты вокруг закона о конкуренции – это всего лишь один пример нежелания проводить экономические реформы даже среди политиков, ориентирующихся на частный бизнес.

Правительство страны, учитывая небольшой размер ливанского рынка, пытается защитить экономику путём тарифных и нетарифных методов. При этом экспорт поддерживается и субсидируется, в первую очередь, за счёт преференциальных торговых соглашений (главным образом с Саудовской Аравией), а также присоединения к региональным свободным торговым зонам. Следует напомнить, что Ливан является страной-учредителем Большой арабской торговой зоны (Greater Arab Free Trade Area-GAFTA), объединяющей 18 государств.

Эксперты Всемирного банка и Carnegie Middle East Center оценивают среднесрочные экономические перспективы Ливана достаточно пессимистично, учитывая высокий уровень финансовых рисков. Их прогноз годового прироста ВВП колеблется вокруг 2% в обозримом будущем. Фискальный дефицит, как ожидается, может вырасти до 10% ВВП. Растущий внешнеторговый дефицит, наряду с трудностями с привлечением иностранного капитала, может негативно отразиться на курсе ливанского фунта. Международные аналитики полагают, что ливанские правящие элиты должны найти консенсус по многим важным вопросам, касающимся выхода из сложной экономической ситуации, в частности, это относится к назревшей необходимости принятия закона о конкуренции. Проблема снижения дефицита бюджета и крупного государственного долга, в свою очередь, требует принятия таких жёстких мер, как приватизация национальной электроэнергетической компании Electricite' du Liban, которая ответственна за значительную долю финансовых трудностей страны¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Lebanon's Economic Outlook. April 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/lebanon>); Carnegie Middle East Center (www.carnegie-mec.org/diwan/73280).

Марокко

В Марокко вслед за резким падением темпа прироста ВВП в реальном исчислении в 2016 г. до 1,2% этот макроэкономический показатель в 2017 г. поднялся до 4%, что было обусловлено существенным скачком в сельскохозяйственном производстве страны. Заметное оживление в аграрном секторе произошло благодаря урожаю зерновых, превысившему среднегодовой уровень, при этом общий темп сельскохозяйственного роста достиг 15,1%. В то же время прирост ВВП в других отраслях экономики оставался на низком уровне, то есть составил приблизительно 2,8%. Помимо сельского хозяйства, достаточно весомый вклад в экономический рост в 2017 г. внесла добывающая промышленность главным образом за счёт улучшения ситуации в добыче фосфатов¹⁷⁰.

Благодаря жёсткой фискальной политике правительства дефицит бюджета Марокко в 2017 г. сократился до 3,5% ВВП, а доля государственного долга по отношению к валовому внутреннему продукту стабилизировалась на отметке 65,1%. Что касается отрицательного сальдо счёта текущих операций, то он, согласно оценке, снизился до 4% ВВП против 4,4% в 2016 г. Однако дефицит внешней торговли королевства вырос, несмотря на увеличение экспорта фосфатов на 9,4%. Это произошло в результате роста стоимости марокканского импорта, который отразил резкое повышение глобальных нефтяных цен.

По оценке Всемирного банка, экономический рост Марокко в 2018 г. снизился до 3%. Тем не менее, при условии сохранения устойчивого увеличения экспорта, доходов от туризма и денежных переводов от марокканцев, работающих за рубежом, ожидается, что дефицит счёта текущих операций вырастет незначительно – примерно до 4,3% ВВП в среднем в 2018–2020 гг.¹⁷¹

¹⁷⁰ <https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview>).

¹⁷¹ Ibid.

Коалиционное правительство Марокко, возглавляемое Партией справедливости и развития (The Justice and Development Party), после прихода к власти в апреле 2017 г. продолжило проводить реформы, инициированные предыдущим кабинетом министров. При этом основной акцент делается на реализацию программ социальной защиты, на создание рабочих мест и сокращение экономического неравенства между различными регионами страны. Важное место в деятельности нового руководства также занимают меры по стабилизации финансового положения королевства. Так, Центральный банк Марокко одобрил преобразования, направленные на создание более гибкого валютного режима. Они, в частности, включают расширение диапазона колебаний национальной валюты с плюс-минус 0,3% до 2,5%¹⁷². В конце 2014 г. Марокко отменило субсидии на бензин, дизельное топливо и мазут, что позволило существенно сократить расходы, которые тяжёлым бременем ложились на государственный бюджет и платёжный баланс королевства¹⁷³. Однако субсидии на газ бутан и определённые виды продовольствия остались в силе. С целью повышения энергетической безопасности Марокко предпринимает активные усилия по развитию альтернативной энергетики, использующей возобновляемые источники энергии (ВИЭ), чтобы к 2030 г. доля ВИЭ в установленной мощности по производству электроэнергии превысила 50%¹⁷⁴.

Несмотря на экономический прогресс, достигнутый в последние годы, страна продолжает страдать от высокой безработицы, бедности и неграмотности, особенно в сельских районах. Так, безработица поднялась с 9,9% в 2016 г. до 10,2% в 2017 г., особенно она преобладает среди молодёжи,

¹⁷² [https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview/April 16/ 2018](https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview/April%2016/2018).

¹⁷³ Morocco-Economic Forecasts – 2018–2020 Outlook (<https://www.tradingeconomics.com/morocco/forecast>).

¹⁷⁴ Morocco Economy Profile 2018. January 20, 2018 (https://indexmundi.com/morocco/economy_profile.html).

образованного населения и женщин (26,5%, 17,9% и 14,7% соответственно)¹⁷⁵.

В среднесрочной перспективе, как полагают эксперты Всемирного банка, макроэкономический прогноз может улучшиться. По их мнению, это произойдёт, если власти Марокко продолжат фискальную консолидацию, гибкое управление курсом национальной валюты, реализацию последовательных и масштабных структурных реформ в ключевых областях экономики и социальной сферы с целью сокращения безработицы, особенно среди молодёжи, улучшения бизнес-среды, укрепления человеческого капитала для достижения более высоких темпов экономического роста.

Тунис

Экономическая активность в Тунисе в течение практически всего периода 2010-х годов находилась на весьма низком уровне из-за резкого ухудшения политической ситуации с момента начала «арабской весны» в 2011 г. и следовавших за этим многочисленных изменений в руководстве страны. Так, после смещения бывшего президента Бен Али в Тунисе сменилось семь премьер-министров.

В 2011–2014 гг. в сельскохозяйственном производстве и нефтегазовом секторе наблюдалось падение, в то время как промышленность страны находилась в застое. Уровень безработицы оставался достаточно высоким – более 15%, по данным на конец 2013 г. Особое беспокойство вызывало отсутствие работы среди молодых выпускников учебных заведений – 34%¹⁷⁶. Важно подчеркнуть, что высокий уровень безработицы сохранялся, несмотря на увеличение численности занятых в государственном секторе и росте заработных плат госслужащих, это взвинтило расходы госбюджета на эти цели на 40% по сравнению с 2010 г.

¹⁷⁵ [https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview/April 16/2018](https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview/April%2016/2018)).

¹⁷⁶ Middle East Economic Digest. London. 8-21.08.2014.

Повышение ассигнований на субсидии и заработные платы привело к быстрому увеличению дефицита бюджета, что, в свою очередь, подтолкнуло рост государственного долга до 45,4% ВВП в 2013 г. против 44,3% в 2012 г.¹⁷⁷

Политический кризис, продолжавшийся в стране, нанёс ущерб валютным резервам, при этом дефицит счёта текущих операций платёжного баланса вырос на 8,4% ВВП в 2013 г. Резервы иностранной валюты упали в указанном году на 1 млрд долл., составив 6,8 млрд долл. и снизившись до 6,5 млрд долл. в апреле 2014 г., то есть до уровня, достаточного для покрытия импорта лишь в течение трёх месяцев. В связи с этим управляющий Центральным банком Туниса охарактеризовал состояние валютных запасов страны как угрожающее¹⁷⁸.

Несмотря на низкие темпы экономического роста и крупный дефицит государственного бюджета, значительная поддержка со стороны международных финансовых институтов и кредиторов по двусторонним соглашениям помогла Тунису избежать дефолта. В апреле 2014 г. МВФ предоставил ему третий транш в рамках займа в 1,7 млрд долл. Однако продолжение получения финансовой помощи от таких структур как МВФ зависело во многом от того насколько чётко тунисское правительство будет придерживаться строгого графика проведения реформ.

В то время как Фонд оказывал содействие в нормализации макроэкономических проблем и улучшении ситуации в финансовом секторе Туниса, другие иностранные кредиторы, в частности Africa Development Bank, Japan International Cooperation Agency и германский государственный инвестиционный банк KfW были сфокусированы на поддержке частного сектора, сельского хозяйства и транспорта. Кроме того, Тунис заключил ряд двусторонних заёмных сделок с США и Японией, которые позволили ему получить финансовые ресурсы по ставкам более низким, чем рыночные.

¹⁷⁷ Middle East Economic Digest. London. 8-21.08.2014.

¹⁷⁸ Ibid.

Помимо получения дешёвых кредитов, давление со стороны финансовых институтов, предоставивших Тунису помощь, привело к принятию руководством страны ряда решений, которые могут привести в долгосрочном плане к повышению экономической активности, включая шаги в направлении сдерживания крупных расходов на субсидии.

Тунисское правительство 1 июля 2014 г. сократило объем топливных субсидий, что привело к росту цены на 6,3% до 1,7 тунисских динаров (ТД) за литр бензина. Министр промышленности Туниса в беседе с государственным новостным агентством страны (ТАР) заявил, что в результате сокращения расходов на субсидии экономия составит 350 млн ТД в течение 2014 г. Кроме того, он отметил, что правительство поставило задачу уменьшить объем энергетических субсидий с 3,6 млрд ТД в 2013 г. до 2,5 млрд ТД в 2014 г.¹⁷⁹

Важно подчеркнуть, что тунисские власти наряду с реформой системы субсидий разработали программу поддержки наиболее уязвимых домашних хозяйств с целью смягчения воздействия растущих расходов на малоимущие слои населения. Эта программа включала повышение уровня минимальной оплаты труда, а также шаги по внедрению социального идентификационного номера, с помощью которого правительство надеялось сделать более действенной систему социальной поддержки. Однако, критики правительства, представляющие различные слои тунисского общества, высказывали сомнение в том, что поддержка бедных будет осуществляться достаточно эффективно.

Оздоровление банковской системы по сравнению с реформами в других областях экономики Туниса оказалось особенно трудным. Дело в том, что при Бен Али финансовые учреждения плохо контролировались. Крупные государственные банки, на которые приходилось 36% банковского сектора, использовались в качестве политических инструментов, кредитуя проекты и бизнесы, пользовавшиеся покровительством существовавшего тогда режима, незави-

¹⁷⁹ Middle East Economic Digest. London. 8-21.08.2014.

симо от их кредитоспособности. Хаос, наступивший во время «арабской весны», еще более серьезно подорвал банковские балансы, поскольку за их счет поддерживались такие сектора, как, например, туризм и компании, которыми владела семья Бен Али и ее окружение.

Все это в совокупности привело к тому, что доля непогашенных кредитов возросла до 21% , по данным на конец июня 2013 г. С целью восстановления кредитоспособности банков тунисское правительство провело рекапитализацию трех крупных государственных структур, пытаясь повысить уровень кредитования частного сектора¹⁸⁰.

Реформы, начатые тунисским правительством, включая систему субсидий, достаточно быстро трансформировались в весьма чувствительную социально-политическую проблему страны. Так, уже в январе 2014 г. забастовки, вспыхивавшие в различных районах страны, превратились в бунты после попытки повысить налоги. В результате правительство было вынуждено отложить своё решение.

В конце 2014 г. в Тунисе состоялись выборы, в результате которых основатель партии «Нидаа» стал первым избранным президентом страны. Новое правительство во главе с Хабибом Ессидом, которое было сформировано в январе 2015 г., поставило перед собой задачу продвинуть дальше процесс экономических реформ. Так, в частности, оно планировало подвергнуть ревизии законодательство в следующих сферах: финансы и банки, инвестиции и государственно-частное партнерство (РРР), а также образование и здравоохранение.

В этой связи важно отметить, что Тунис крайне нуждается в стабильном инвестиционном законодательстве и регулировании, чтобы формировать доверие у потенциальных инвесторов и привлекать как местные, так и прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в необходимых объемах. Заметим, что приток ПИИ в страну в 2010–2014 гг. сокращался в среднем на 21% в год, он начал восстанавливаться лишь

¹⁸⁰ Middle East Economic Digest. London. 8-21.08.2014.

в первом квартале 2015 г., увеличившись на 24% по сравнению с соответствующим периодом 2014 г., согласно Moody's Investors Service¹⁸¹.

Доля непогашенных кредитов составляла в 2015 г., по данным МВФ, 16%. С целью восстановления кредитоспособности банков и повышения уровня кредитования частного сектора тунисское правительство планировало провести реструктуризацию трех крупных государственных структур¹⁸².

Территории Туниса за пределами побережья Средиземного моря игнорировались прежними правительствами. Падение объема добычи фосфатов в Гафса с 983 тыс. т в первом квартале 2014 г. до 604 тыс. т за тот же период 2015 г. или на 39% серьезно усугубило ситуацию во внутренних районах страны.

Руководство Туниса надеялось, что социально-экономическое положение в этом регионе страны позволит улучшить реализация ряда жизненно важных проектов, включая модернизацию сотен километров дорог и мостов, а также строительство домов, школ, больниц и объектов по обессоливанию морской воды. В 2015 г. были проведены тендеры по сооружению двух электростанций в Motnaguia и Rades. Кроме того, была возобновлена программа по развитию солнечной генерации. Железнодорожные проекты стоимостью 400 млн долл. осуществляются при финансировании со стороны нескольких европейских банков.

Расходы на импорт углеводородов в период 2010–2014 гг. являлись главным двигателем растущего дисбаланса внешних платежей Туниса. Реформа субсидий помогла остановить этот процесс, а снижение глобальных нефтяных цен в 2014 г. сделало ситуацию менее критичной. Газовый проект Nawara (679 млн долл.), реализуемый австрийской компанией OMV, призван решить две основные задачи: способствовать развитию добычи газа, а также внести вклад в обеспечение энергетической независимости страны.

¹⁸¹ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London, 2017, p. 47, 48.

¹⁸² Ibid.

В целом меры по оживлению экономики в Тунисе в 2010-е годы сводились к наращиванию государственных расходов, что породило существенные макроэкономические дисбалансы, которые нашли отражение, прежде всего, в создании значительных дефицитов государственного бюджета и счёта текущих операций платёжного баланса. Эти дефициты были непосредственно связаны с ростом текущих бюджетных расходов, в частности, на заработную плату в сфере государственных услуг (41% бюджетных расходов в 2017 г.)¹⁸³. Увеличение текущих расходов привело к нарастанию государственного долга (70% ВВП в 2017 г.; в 2010 г. – 39,7%), а также к обесценению тунисского динара по отношению к американскому доллару на 104% в 2017 г.¹⁸⁴ Столь резкое падение подстегнуло инфляцию за счёт роста стоимости импорта. В этих условиях Центральный банк Туниса ужесточил монетарную политику путём повышения процентной ставки (the money market rate) в сентябре 2017 г. до 5,22% против 3,9% в 2012 г.¹⁸⁵ Несмотря на эти меры, инфляция продолжала расти и в 2018 г. в результате увеличения цен на продовольствие и на сырую нефть и нефтепродукты, а также ослабления национальной валюты, что негативно отразилось на доходах местных домохозяйств.

В то же время ряд позитивных факторов поддержал экономический рост, наметившийся в 2017 г. (согласно Macrobond, прирост ВВП составил 1,9%). По оценке экспертов Африканского банка развития, темпы прироста ВВП Туниса составили в 2018 г. 2,8%, благодаря ускорению структурных реформ, оживлению туристической индустрии, скачку промышленного производства, ориентирующегося на удовлетворение внешнего спроса и смягчению циклической природы роста сельскохозяйственного производства. Достижение более высоких темпов будет во многом зависеть от способ-

¹⁸³ Tunisia Economic Outlook – African Development Bank. htm (<https://www.afdb.org/en/cookies-privacy-policy>).

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Ibid.

ности страны консолидировать и поддержать рост реальной экономики, особенно в обрабатывающей промышленности, добыче фосфатов, нефти и газа, а также в сфере рыночных услуг. Кроме того, экономика Туниса, по всей вероятности, продолжит получать выгоды от ускорения экономического роста в зоне евро, в частности, во Франции, Германии и Испании, что будет стимулировать тунисский экспорт. Важно напомнить, что Тунис является первой страной в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, которая заключила в 2008 г. соглашение о свободной торговле промышленными товарами с Евросоюзом вслед за подписанием в 1995 г. меморандума об ассоциации с ЕС (An Association Agreement). В апреле 2018 г. начались переговоры о заключении Соглашения о свободной торговле (A Deep and Comprehensive Free Trade Agreement - DCFTA) между Тунисом и ЕС. После завершения первого раунда переговоров проект этого документа находится в стадии обсуждения, учитывая существенные различия между экономиками стран Евросоюза и Туниса.

Правительство страны надеется дать толчок экономическому росту страны, увеличить число рабочих мест, особенно для молодёжи, путём проведения, в первую очередь, фискальных и монетарных преобразований, перехода на плавающий курс тунисского динара, сокращения бюджетного дефицита, уменьшения сильно разросшейся бюрократии, снижения субсидий, реструктуризации убыточных государственных предприятий и сдерживания нарастания государственного долга.

Закон о конкуренции, одобренный парламентом в сентябре 2015 г., предусматривает снижение барьеров для вхождения на тунисский рынок как местных, так и иностранных компаний, а также ограничивает избирательное применение законодательства. Согласно новому инвестиционному закону от 30 сентября 2016 г., был создан Высший совет по инвестированию (A High Council for Investment), который возглавил премьер-министр Туниса. Этот орган призван стимулировать

процесс инвестирования в соответствии со Стратегическим планом развития на 2016–2020 гг. (The Strategic Development Plan 2016–2020), в котором намечена цель повысить уровень инвестиций с 19% ВВП в 2016 г. до 24% в 2020 г. Наряду с этим, поставлена задача снизить количество административных процедур и разрешений, необходимых для осуществления капиталовложений. Тем не менее, ограничения на иностранное инвестирование в так называемых стратегических секторах экономики было сохранено. Они включают энергетику, транспорт, водоснабжение и владение сельскохозяйственными землями¹⁸⁶.

В апреле 2016 г. туниcский парламент одобрил новый закон о Центральном банке, который предусматривает механизм принятия банковских решений, порядок предоставления займов, создание фонда гарантий депозитов, а также реформирование режима банкротства. В то же время отставание положений этого законодательного акта от лучших мировых практик сохраняется, так как в данном документе разрешается присутствие членов кабинета министров на Совете ЦБ. Кроме того, не узаконен запрет на получение ЦБ Туниса инструкций от правительства. При этом Центральный банк Туниса сократил своё вмешательство в деятельность валютного рынка. В частности, он стремится проводить более гибкую политику в сфере регулирования валютного курса с целью защиты международных резервов. Так, ЦБ ввёл ряд операционных изменений в деятельность на валютном рынке. Например, система валютных аукционов должна способствовать большей гибкости валютного курса и таким образом уменьшить возможности для завышенной оценки курса туниcского динара, а также улучшить ситуацию с ликвидностью и конкурентоспособностью.

Несмотря на реформаторские усилия, предпринятые в последние годы, в экономике в целом и финансовом секторе, в частности, продолжает доминировать государство,

¹⁸⁶ BTI 2018: Tunisia Country Report. <http://www.afdb.org/en/cookies-privacy-policy>.

доступ к кредитам остаётся ограниченным, а фондовый рынок недостаточно развит. Тунисский динар может находиться в обороте только на местном рынке, вывоз национальной валюты из страны является незаконным. Однако, национальная валюта может переводиться в свободно конвертируемую для осуществления транзакций в рамках счёта текущих операций, хотя для некоторых сделок с иностранной валютой необходимо получить разрешение Центрального банка. Иностранные инвесторы могут переводить валюту без специальных разрешений, так как нерезиденты исключены из большинства правил валютного регулирования. Однако, процедуры репатриации капитала и дивидендов достаточно сложны и являются предметом рассмотрения Центральным банком Туниса¹⁸⁷.

Коррупция, nepотизм и уклонение от налогов, снижают конкурентоспособность тунисской экономики. В то же время масштабы этих явлений трудно оценить. Согласно World Bank 2014 Investment Climate Assessment, 24% фирм, работавших в стране, сообщили, что были обязаны осуществлять в определённой форме неформальные платежи, чтобы ускорить решение тех или иных проблем. Этот показатель оказался одним из самых высоких в мире. Вместе с тем, 44,5% всех занятых были трудоустроены неформально. Однако эта доля снизилась по сравнению с 2007 г., что явилось реакцией на ужесточение трудового законодательства Туниса¹⁸⁸.

В стране сохраняется высокий уровень безработицы: в 2016 г. она составляла 15,6% трудоспособного населения, при этом среди мужчин – 12,4%, а среди женщин – 23,5%. Выпускники учебных заведений чаще других категорий населения оказываются без работы, уровень безработицы среди них оценивается в 30,5% (для мужчин-выпускников – 19,4%, для женщин – 40,4%). По оценке МВФ, Тунис нуждается в создании 90 тыс. рабочих мест ежегодно, чтобы абсорбировать растущую рабочую силу (данная оценка не включает

¹⁸⁷ BTI 2018: Tunisia Country Report.htm.

¹⁸⁸ Ibid.

уже имеющееся количество безработных). Важно отметить, что рабочие места в стране создаются главным образом в секторах, производящих продукцию с низкой добавленной стоимостью, таких как торговля, строительство и услуги (за исключением финансовых)¹⁸⁹.

Несмотря на то, что гендерные проблемы в сфере занятости в Тунисе менее остры, чем в других странах Ближнего Востока и Северной Африки, уровень женской безработицы намного выше, чем мужской. Кроме того, женщины зачастую имеют менее квалифицированную работу, чем мужчины.

Продолжающаяся политическая нестабильность в Ливии является серьёзной проблемой для Туниса. Вооружённый конфликт толкает многочисленные группы ливийцев искать убежище в соседней стране, которая одновременно лишилась источника денежных переводов от тунисцев, работавших в Ливии. Более того, власти Туниса вынуждены тратить внушительные финансовые средства на обеспечение внутренней и приграничной безопасности.

В 2016 г. правительство страны завершило подготовку пятилетней стратегии развития (Five-Year Economic Vision) и представило детальный план развития (Tunisia 2020), принятие которого сопровождалось международной инвестиционной конференцией в ноябре 2016 г. В этой связи важно отметить, что за период с 2010–2011 гг. и по декабрь 2015 г. Тунис получил, по оценке правительственных источников, 7 млрд долл. от различных международных финансовых институтов, банков развития и иностранных партнёров, включая США и ЕС, для осуществления задач, поставленных в пятилетней программе развития страны. В 2016 г. Всемирный банк и МВФ одобрили предоставление новых финансовых средств. Так, Всемирный банк создал Отдел по вопросам сотрудничества с Тунисом (A Country Partnership Framework for Tunisia) с капиталом в 5 млрд долл., а МВФ одобрил предоставление 2,9 млрд долл. в рамках программы

¹⁸⁹ Economic Survey of Tunisia 2018 – OECD. [htm](#); BTI 2018: Tunisia. Country Report. [htm](#).

кредитования сроком на 48 месяцев (A 48-Month Extended-Fund-Facility)¹⁹⁰.

Однако, несмотря на некоторые сдвиги, прогресс в реализации плана экономического развития и структурных реформ пока остаётся ограниченным во многом из-за сопротивления переменам политических партий и влиятельных профсоюзов. Тем не менее, ускорение процесса преобразований объективно необходимо для восстановления экономического роста и решения многих социальных проблем Туниса. В этих условиях страна будет получать выгоды от поддержки иностранных партнёров, оказывающих финансовую помощь развитию, и от сохранения доверия глобальных рынков, а также иметь возможности обслуживать государственный долг. Среди негативных факторов, которые могут оказать влияние на экономическое положение в Тунисе в среднесрочной перспективе, следует выделить ухудшение ситуации в Ливии и возможное возобновление социальных конфликтов, связанных с экономическими реформами и снижением покупательной способности населения.

¹⁹⁰ BTI 2018: Tunisia Country Report. [htm](#).

Глава III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАКЕ, ЛИВИИ, СИРИИ И ЙЕМЕНЕ

В 2010-е годы на экономическую ситуацию в Ираке, Ливии, Сирии и Йемене крайне негативное влияние оказывали внутривнутриполитическая дестабилизация и сохранявшаяся в течение всего десятилетия военная напряжённость в этих странах.

Ирак

Экономический рост в Ираке в 2011–2012 гг. был одним из самых высоких среди стран Ближнего Востока и Северной Африки. Прирост его ВВП в реальном исчислении в указанные годы равнялся 8,6% и 8,4% соответственно, по оценке экспертов МВФ.

Безусловно, столь высокие темпы роста объяснялись во многом низкой исходной базой. Десятилетия военных конфликтов, иностранная интервенция, разгул терроризма и насилия, санкции и недостаток инвестиций нанесли тяжелый урон иракской экономике. Практически каждый сектор – от здравоохранения, образования, жилищного строительства и до электро- и водоснабжения – требовал восстановления и огромных капиталовложений. Более 30% трудоспособного населения оказались без работы. Недостаток электроэнергии и слабость инфраструктуры, которая была разрушена или полностью отсутствовала, препятствовали развитию

промышленности. Значительная часть жителей Ирака находилась в бедственном положении: доходы более 20% иракцев исчислялись на уровне ниже черты бедности.

В 2010 г. в Ираке началась реализация пятилетнего плана национального развития (National Development Plan – NDP), предусматривавшего инвестиции в объеме 186 млрд долл. Предполагалось, что 100 млрд из этой суммы будут получены за счет федерального бюджета, а остальные 86 млрд вложат инвесторы, иностранные и местные.

В плане развития был поставлен ряд достаточно амбициозных, но, как считали некоторые независимые эксперты, достижимых задач, выполнение которых позволило бы вывести экономику страны из плачевного состояния.

Отрасли, которым в NDP отдавался приоритет с точки зрения инвестиций, включали нефтедобычу, электроэнергетику, сельское хозяйство, транспорт и связь. Наряду с этим, планом развития предусматривалось решение ряда социальных проблем, в частности, создание 3–4,5 млн рабочих мест с целью снижения безработицы, сокращение бедности на 30% против уровня 2007 г., обеспечение жильем малоимущих слоёв населения. Диверсификация иракской экономики, снижение чрезмерной зависимости от углеводородов и развитие других отраслей (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство и др.) – это еще один важнейший приоритет, который подчеркивался в NDP.

В рамках плана развития иракское правительство в качестве первоочередной задачи выделило организацию регулярного энергоснабжения населения и предприятий страны. В 2011 г. были проведены тендеры по четырем проектам в сфере электроэнергетики. Новые объекты должны были добавить 2750 МВт к общей мощности по производству электроэнергии Ирака. Ожидалось, что это даст толчок восстановлению и дальнейшему развитию промышленного сектора. Эта отрасль также была весьма важна для улучшения ситуации с занятостью иракского населения.

Реализация всех заявленных в Национальном плане развития задач в значительной степени зависела от темпов увеличения добычи и экспорта иракской нефти, поступления от которых формируют более 90% всех государственных доходов страны. В 2011 г. Ирак получил от вывоза этого углеводорода около 83 млрд долл. по сравнению с 52 млрд долл. в 2010 г.¹

Другим важнейшим условием осуществления намеченных проектов в нефтяном секторе и других сферах иракской экономики являлось привлечение иностранных инвестиций в необходимых объемах. В 2011 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Ирак, по данным американской исследовательской фирмы Dunia Frontier Consultants, выросли до 55,7 млрд долл., что на 40% превысило показатель 2010 г. При этом в нефтегазовый сектор было вложено 23% общей суммы ПИИ².

Однако процесс восстановления экономики Ирака существенно замедлился из-за серьезного обострения политической ситуации в стране в результате захвата в 2014 г. террористической организацией «Исламское государство» (ИГ), созданной на территории страны еще в 2006 г. под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)³, почти трети страны, что сделало Ирак одной из наиболее опасных стран в мире для ведения бизнеса. Даже самые рядовые деловые поездки требовали принятия серьезных мер безопасности, что добавляло 20–25% к бюджету компании, осуществляющей свою деятельность, например, в Центральном Ираке.

Помимо серьезного осложнения внутривнутриполитической ситуации, заметное негативное влияние на экономику страны в рассматриваемый период оказало падение глобальных

¹ Руденко Л. Н. Нефтяные амбиции Ирака. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 16.11.2012.

² Руденко Л. Н. Восстановление экономики Ирака – сложный и долгий процесс. Интернет-журнал «Новое восточное обозрение». 06.10.2012.

³ Эта террористическая организация запрещена в России.

нефтяных цен. Эти факторы вместе взятые свели практически на нет и так недостаточно решительные усилия властей Ирака по восстановлению хозяйства страны.

Поскольку экономические проблемы Ирака в 2015–2016 гг. продолжали обостряться, правительство оказалось неспособно погашать долги международным нефтяным компаниям, которые накопились за предшествующий период. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), Ирак задолжал иностранным компаниям более 9 млрд долл., начиная с 2014 г., а также должен был выплатить около 18 млрд долл. зарубежным инвесторам в 2015 г. Однако в госбюджете на этот год были ассигнованы лишь 12 млрд долл. на платежи в счет погашения издержек и возмещения расходов на заработную плату. В мае 2015 г. в СМИ появилось сообщение о том, что British Petroleum договорилась с Министерством нефти о сокращении своего бюджета на разработку нефтяного месторождения Румейла в Южном Ираке с 3,5 млрд долл. до 2,5 млрд долл. из-за проблем с погашением иракского долга.

Курдское региональное правительство (Kurdistan Regional Government – KRG) испытывало проблемы, аналогичные тем, что вызывали беспокойство иракского федерального центра, а именно: получало более низкие доходы с барреля нефти, финансировало борьбу с «Исламским государством» и пыталось расплатиться с нефтяными компаниями, действующими в Курдистане.

Ираку потребовалось три года, чтобы вытеснить вооружённые отряды ИГИЛ с контролируемой ими территории страны и начать процесс преодоления последствий войны с террористами. Заметное улучшение ситуации в сфере безопасности и повышение глобальных нефтяных цен способствовали тому, что после падения ВВП в 2017 г. на 1,7%, его прирост в 2018 г. составил 0,6%. При этом, нефтефтяной сектор иракской экономики увеличился на 4%⁴.

⁴ Iraq Overview. World Bank Group. April 2019 (<https://www.worldbank.org/en/country/iraq/overview>).

Баланс государственного бюджета Ирака в 2018 г. трансформировался из дефицитного (1,7% в 2017 г.) в профицитный (6,2%). Положительное сальдо счёта текущих операций платёжного баланса в указанном году оценивалось экспертами Всемирного банка в 4,9%. Рост нефтяных цен в рассматриваемый период способствовал увеличению международных резервов страны с 49 млрд долл. в 2017 г. до 64 млрд долл. в 2018 г., что улучшало условия для защиты экономики от внешних шоков. Общее укрепление валютно-финансового положения Ирака привело к снижению доли государственного долга в ВВП до 48,4% в 2018 г. по сравнению с 66,0% в 2017 г.⁵

В то же время, дальнейшее улучшение экономической ситуации в Ираке во многом зависит от сохранения политической стабильности и достигнутых позитивных сдвигов в сфере безопасности. Ускорение темпов восстановления экономики после военных действий с ИГИЛ, в свою очередь, требует повышения доли инвестиций в бюджете страны, которая существенно уступает удельному весу ассигнований, прежде всего, на заработную плату в госсекторе и на другие текущие расходы.

Падение экономической активности на территориях, затронутых вооружённым конфликтом с ИГИЛ, привело к значительному снижению уровня жизни местного населения. Состояние рынка труда Ирака также вызывает серьёзное беспокойство, учитывая, что более 20% экономически активной молодёжи в возрасте от 15 до 24 лет не имеют работы. В этой связи важно подчеркнуть, что ключом к решению острых социально-экономических проблем, стоящих перед страной, и к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе является продвижение экономической диверсификации, которое, безусловно, возможно лишь в условиях политической стабильности.

⁵ Iraq Overview. World Bank Group. April 2019 (<https://worldbank.org/en/country/iraq/overview>).

Ливия

Сокращение валового внутреннего продукта Ливии в 2011 г. из-за начавшейся гражданской войны, согласно большинству оценок, варьировалось в пределах 30-50%. Эксперты МВФ были более пессимистичны, они склонялись к оценке в 60%. При этом, они исходили из того, что активность нефтяного сектора в указанном году упала более чем на 70%, тогда как производство в ненефтяных отраслях сократилось на 50%⁶. Последние пострадали в результате отъезда из Ливии экспатриантов, ограниченного доступа к иностранной валюте, а также разрушения важных инфраструктурных объектов. Согласно данным Центрального банка страны, среднегодовой уровень инфляции в 2011 г. повысился до 16%. Это произошло главным образом из-за нехватки продовольствия, подавляющая часть которого импортировалась.

В последующий период внутренний политический конфликт в Ливии продолжал расширяться. Накануне всеобщих выборов, состоявшихся в июне 2014 г., правительство страны раскололось на две враждующие администрации. Одна из них – The House of Representatives - базировалась в портовом городе Тобрук (на востоке страны), тогда как возглавляемый исламистами General National Congress господствовал в Триполи. В последующий период столкновения происходили между вооруженными группами, связанными с этими двумя коалициями, при этом они затрагивали ключевые регионы страны, включая второй важнейший ливийский город – Бенгази, а также западные районы Ливии.

Вооруженное насилие приводило к дезорганизации добычи нефти, объем которой испытывал в рассматриваемый период резкие колебания. Так, в июне 2018 г. вслед за атакой на нефтяные месторождения и главные терминалы добыча рухнула с почти 1 млн баррелей в сутки (б/с) до 400 тыс. б/с в октябре и ноябре этого года (1,6 млн. б/с в 2010 г.)⁷. Наряду

⁶ 2012 Economic Review. Middle East Economic Digest. London.

⁷ African Development Bank. Libya Economic Outlook 2018 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/libya-economic-outlook>).

с этим, доходы Ливии резко уменьшились из-за снижения глобальных нефтяных цен. Важно напомнить в этой связи, что ливийская экономика практически полностью зависит от нефтегазовых доходов.

После революции 2011 г. ливийский частный сектор оказался в глубоком кризисе, в результате значительно выросла занятость в государственном секторе: примерно 25% населения страны находилось на гособеспечении, включая бойцов по обе стороны конфликта. По оценке Middle East Economic Digest, в 2015 г. заработная плата в государственном секторе выросла на 250% по сравнению с 2010 г.⁸ Тем не менее, Центральный банк Ливии продолжал в рассматриваемый период выплачивать государственную заработную плату большинству работающих ливийцев, а также обеспечивал предоставление субсидий на топливо и продовольствие, что привело к образованию значительного дефицита бюджета, который оценивался в 2017 г. в 43,2% ВВП⁹.

Макроэкономические показатели Ливии носят в значительной степени волатильный характер из-за сохраняющейся политической нестабильности, колебаний уровня добычи «чёрного золота», слабого развития инфраструктуры и напряжённой фискальной ситуации. В то же время, несмотря на крайне сложное экономическое положение, прирост ВВП в реальном исчислении в 2017–2018 гг., согласно оценке экспертов Африканского банка развития, составлял 10–11%, благодаря повышению глобальных нефтяных цен. Увеличение притока в страну свободно конвертируемой валюты способствовало снижению инфляции с 28,5% в 2017 г. до 13,1% в 2018 г., то есть более чем в два раза. Рост нефтяных доходов, в свою очередь, привёл к существенному уменьшению дефицита государственного бюджета в 2018 г. до 4,2% ВВП против 43,2% в 2017 г. и 113% в 2016 г., согласно оценке¹⁰.

⁸ 2015 Economic Review. Middle East Economic Digest. London.

⁹ African Development Bank. Libya Economic Outlook 2018 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/libya/libya-economic-outlook>).

¹⁰ Ibid.

Ливия в 2010-е годы вошла в число так называемых несостоявшихся государств (fragile states), поскольку на протяжении практически всего десятилетия она находилась в условиях непрекращающегося политического кризиса. Гуманитарная ситуация в стране продолжает ухудшаться, учитывая, что более 1 миллиона ливийцев нуждаются в помощи и защите их жизней, по данным The January 2018 Humanitarian bulletin of the United Nations Support Mission in Libya. Население и экономика страдают от масштабных и частых отключений электроэнергии, связанных во многом с нехваткой топлива для производства электроэнергии. Ухудшение условий жизни в стране включает также трудности с доступом к чистой питьевой воде и медицинским услугам.

Ливия нуждается, в первую очередь, в восстановлении политической стабильности для решения острых социально-экономических проблем, включая высокую безработицу, низкий уровень жизни значительной части населения (доходы 30% ливийцев находятся ниже черты бедности), нехватку воды и электроэнергии, слабое развитие инфраструктуры и др.

Сирия

Гражданская война в Сирии оказала разрушительное воздействие на экономику страны. После начала военных действий в марте 2011 г. практически все правительственные органы прекратили предоставлять сведения об экономическом положении страны. В этих условиях получить достоверную информацию относительно прироста ВВП Сирии, фискального и торгового дефицита и какие-либо другие макроэкономические показатели стало крайне затруднительно. Поэтому, чтобы составить представление об экономической ситуации в этой стране приходится прибегать в основном к оценкам экспертов. Так, Институт международных финансов (Institute of International Finance) оценил падение ВВП САР в 2012 г. в 20 %. Согласно независимым источникам, быстро росла инфляция. В марте 2011 г., когда

начались массовые волнения, она находилась на среднем уровне в 3% в год. По данным Центрального статистического бюро Сирии (the Central Bureau of Statistics), в январе 2012 г. инфляция уже составляла 16%, а к середине указанного года она превысила 30%. Наряду с этим произошло обесценение национальной валюты (сирийского фунта) более чем в два раза по сравнению с началом политического кризиса.

Валовой внутренний продукт САР в 2013 г., согласно оценке Syrian Centre for Policy Research, уменьшился на 22,5% по сравнению с уровнем предыдущего года. Программа развития ООН (UN Development Programme) оценила общие экономические потери Сирии на середину 2013 г. в 103 млрд долл. Другая организация ООН – UN Relief and Works Agency (UNRWA) – подсчитала, что ущерб, нанесенный основному капиталу страны, составлял 41,2 млрд долл., при этом падение частных инвестиций в экономику страны превысило 80% по состоянию на июнь 2013 г.¹¹

В условиях неспособности получать достаточные налоговые поступления для поддержания военной экономики дефицит сирийского бюджета вырос с 3% ВВП в 2010 г. до 33%, по данным Европейского совета по международным отношениям (European Council on Foreign Relations – ECFR), опубликованным в сентябре 2013 г. Государственный долг достиг 126% ВВП, учитывая, что финансовая система испытывала серьезное напряжение из-за необходимости импортировать в страну подавляющую часть товаров первой необходимости.

Сложное внутривнутриполитическое положение привело к резкому сокращению экспорта, притока иностранных инвестиций, денежных переводов сирийцев, работающих за рубежом. Кризис затронул все сектора сирийской экономики – от туризма до добывающей и обрабатывающей промышленности, а также энергетики. Правительство Сирии оценивало прямые потери нефтяного сектора в 2011–2013 гг. в 3,4 млрд долл. в результате повреждения инфраструктур-

¹¹ Middle East Economic Digest. Londonб. 25.07-7.08.2014.

ных объектов и нефтепроводов во время военных действий. Страна перекачивала по трубопроводам до начала гражданской войны 400 тыс. баррелей в сутки (б/с) сырой нефти. Добыча «черного золота» в 2013 г. составила всего 30 тыс. б/с, при этом ее подавляющая часть находилась в руках сил, воюющих против режима Б. Асада.

В 2014–2016 гг. экономическое положение Сирии продолжало ухудшаться. По оценке, в 2016 г. ВВП страны сократился более чем на 50% по сравнению с 2011 г. и, как минимум, половина самостоятельного населения лишилась работы¹². При этом миллионы сирийских беженцев скитаются по всему региону. Так, в этой работе уже отмечалось что в Ливане число сирийских беженцев превысило 1,5 млн чел., в то же время значительные группы сирийцев каждый день пересекали подвижную границу между двумя странами в поисках работы. В Турции на начало 2016 г. насчитывалось более 1,7 млн сирийских беженцев, при этом многие сирийцы пытались через неё попасть в страны Евросоюза. По оценке Moody's Corporation, общее число беженцев возросло с 4,8 млн чел. в 2016 г. до 5,4 млн в 2017 г.¹³

Среди секторов сирийской экономики наиболее сильно пострадавшими в период военных действий являлись отрасли добывающей промышленности: добыча углеводородов и других минеральных ресурсов снизилась на 94%. Падение производства в обрабатывающей индустрии и строительстве, а также оборота внутренней торговли в рассматриваемый период оценивается в среднем в 70%. В 2016 г. до 90% промышленных предприятий в основных районах, затронутых вооружённым конфликтом, были закрыты, а оставшиеся функционировали лишь на 30% своей мощности¹⁴. Потери в сирийском сельско-

¹² Yearbook 2016. Middle East Economic Digest. London, p. 56, 57.

¹³ Syrian Arab Republic – Economic Indicators. Moody's Corporation (US). 2018 (<https://www.economy.com/syrian-arab-republic-economic-indicators>).

¹⁴ Daher J. The Political economic context of Syria's reconstruction: a prospective in light of a legacy of unequal development. The European University Institute. December 2018 (www.eui.eu/RSCAS/Publications/).

хозяйственном секторе за период с 2011 г. the World Food Programme оценила в 16 млрд долл.¹⁵

Общий уровень безработицы в Сирии в 2015 г. достиг 55%, при этом среди молодёжи она выросла с 69% в 2013 г. до 78% в 2015 г.¹⁶ В то же время, несмотря на обострение проблем с занятостью, частные предприниматели в различных отраслях экономики страны сетовали на нехватку рабочей силы. Это стало во многом результатом масштабной эмиграции квалифицированных специалистов в работоспособном возрасте и потери менее квалифицированных работников из-за болезней, ранений, арестов и других, связанных с войной факторов. Отсутствие внутренней мобильности сирийского населения в условиях сохранения напряжённости в сфере безопасности явилось ещё одной причиной усугубившегося дефицита рабочей силы. Так, в докладе, подготовленном FAO и the World Food Programme в 2017 г., отмечалась нехватка рабочей силы как достаточно острая проблема, с которой сталкивается аграрный сектор Сирии¹⁷.

Большинство экспертов по ближневосточной экономике сходятся во мнении, что в 2017 г. началась некоторая стабилизация макроэкономических показателей Сирии, включая курс национальной валюты и уровень инфляции. При этом, в стране возобновили свою деятельность инвестиционные центры (Алеппо, Хомс, Хама и др.), которые не подверглись катастрофическим разрушениям. Наряду с этим, они получали доходы от перемещения на их территорию компаний и промышленных предприятий. Государственные и частные инвестиции также заметно выросли в этих регионах. Экономическая ситуация заметно улучшилась в последние годы в провинции Сувейда (северо-западный прибрежный регион Сирии) главным образом в результате сохранения здесь

¹⁵ Ibid.

¹⁶ ESCWA and University of St Andrews. Syria at war, five years on. 2016, p. 28.

¹⁷ The Syria Report. Syrian businesses complain of labour shortages despite massive unemployment. November 2017 (<https://www.syria-report.com/news/economy/syrian-businesses-complain-of-labour-shortages-despite-massive-unemployment>).

относительной стабильности в период активных военных действий. Сувейда, Тартус и Латакия вместе взятые стали обладателями 68% всех проектов, лицензированных Сирийским инвестиционным агентством (the Syrian Investment Agency). Для сравнения следует отметить, что в 2010 г. их общая доля составляла лишь 11%¹⁸.

В 2017 г. также начало улучшаться положение некоторых частных компаний в определённых секторах экономики, например, в транспорте и логистике (Syrianair, Al-Ahliyah Transport, Lattakia International Container Terminal, Damascus Cargo Village). Сирийская компания Al-Badia Cement почти удвоила свои прибыли с 13,8 млрд сирийских фунтов в 2016 г. до 26,7 млрд в 2018 г.¹⁹ В Восточной Гуте (Eastern Ghouta) в конце 2018 г. велись интенсивные дискуссии между представителями правительственных кругов и промышленности вокруг проблемы необходимости ускорения восстановления и реконструкции сотен предприятий с целью подъёма сирийской экономики и уровня занятости. Согласно статистическим данным Министерства промышленности и Генерального управления химическими предприятиями Сирии, прямые убытки промышленных предприятий в одной только Восточной Гуте из-за разрушений в период военных действий составили 81 млрд сирийских фунтов, в то же время их восстановление потребует финансовых ресурсов в два раза больше²⁰.

В целом, учитывая, что сирийская экономика продолжает находиться в депрессивном состоянии, процесс ее восстановления и оздоровления будет, по всей вероятности, весьма сложным и длительным. Эксперты ООН,

¹⁸ Daher J. The Political economic context of Syria's reconstruction: a prospective in light of a legacy of unequal development. The European University Institute. December 2018 (www.eui.eu/RSCAS/Publications).

¹⁹ Transport, turism data confirm 2017 GDP growth trend. The Syria Report, 16 January 2018 (<https://www.Syria-report.com/news/economy>); Company filings confirm improved business activity in 2017. The Syria Report, 6 March 2018 (<https://www.syria-report.com/news/economy>).

²⁰ Baladi E. Assad's government aims at accelerating the economic cycle in Ghouta. 20 July 2018 (<https://englishenabbaladi.net/archives/2018/07/#ixzz5Q8JBuZH5>).

в частности, прогнозируют, что при ежегодном темпе экономического роста в 5% потребуется примерно тридцать лет для восстановления сирийского ВВП до предвоенного уровня (в ценах 2010 г.).

Йемен

Йеменская Республика относится к числу беднейших арабских стран. В 2011 г. её ВВП на душу населения, который, по данным МВФ, составлял 1340 долл., оказался самым низким среди государств Ближнего Востока и Северной Африки²¹.

Руководство страны в 1990–2000-е годы пыталось сглаживать племенные, религиозные и политические противоречия с помощью так называемой системы патронажа, подпитываемой нефтяными и газовыми доходами. Однако в условиях глобального финансово-экономического кризиса поступления от экспорта энергоносителей резко сократились. Кроме того, снизилась добыча на ряде крупных месторождений. В 2009 г. нефтяные доходы (на них приходилось около 80% общей стоимости экспорта страны) упали до 1,96 млрд долл., или более чем на 50% по сравнению с уровнем 2008 г. Внешний долг по состоянию на конец 2009 г. оценивался почти в 7 млрд долл. (24,2% ВВП). Правительство для покрытия дефицита бюджета и платежного баланса было вынуждено обратиться к внутренним источникам (резервы Центрального банка и продажа краткосрочных векселей). В результате резервы иностранной валюты страны в марте 2010 г. уменьшились до 6,2 млрд долл. (самый низкий показатель с 2005 г.). Это означало, что банковские резервы были достаточны для покрытия стоимости импорта в течение семи месяцев (в 2005 г. они могли обеспечить ввоз в пределах 14 месяцев). В этой связи необходимо отметить, что Йемен весьма сильно зависит от импорта товаров первой необходимости и, в первую очередь, продовольствия.

²¹ Middle East Economic Digest. London. 27.07-2.08.2012.

Накопившиеся в стране экономические проблемы серьезно усугубились из-за беспорядков, которые происходили в Йемене в 2011 г. Политическая нестабильность и протестные акции явились главными причинами падения валового внутреннего продукта в 2011 г., которое оценивалось различными источниками в пределах 5–10%. Добыча нефти упала в указанном году на 34% до 170 тыс. баррелей в сутки. В марте 2011 г. был взорван ключевой нефтепровод, соединяющий нефтяное месторождение Мариб с экспортным терминалом в Рас Исса и главным нефтеперерабатывающим заводом в Адене. Согласно оценке йеменского правительства, повреждение нефтепровода обошлось стране в 400 млн долл. в месяц. Его ремонт был завершен лишь в июле 2011 г. Дефицит топлива и электроэнергии на местном рынке, наряду с ухудшением ситуации с безопасностью, заставили большинство частных бизнесменов приостановить свою деятельность в Йемене.

Решение многочисленных экономических проблем, с которыми столкнулось новое руководство Йемена, было невозможно в условиях отсутствия необходимых финансовых ресурсов. В 2011 г. резервы иностранной валюты Центрального банка страны упали на 25% или до 4,3 млрд долл. по сравнению с 5,7 млрд долл. в 2010 г., а инфляция подскочила до 23,2%, в соответствии с официальными данными. В числе мер, принятых с целью борьбы с инфляцией, ЦБ повысил процентную ставку до 28%, что вызвало практически полное исчезновение ликвидности в стране²². Как результат, была либо приостановлена, либо прекращена реализация 51 проекта, включая нефтегазовый сектор, строительство, энергетику и обрабатывающую промышленность, согласно MEED Projects.

В условиях чрезвычайно слабой экономической активности уровень безработицы в Йемене оценивался примерно в 50% трудоспособного населения (среди молодежи в возрасте 16–25 лет она составляла, по данным «Yemen Times», 73,3%). При этом в некоторых районах страны безработица дости-

²² Middle East Economic Review 2012. London.

гала 80%. Отсутствие работы, наряду со значительными разрушениями инфраструктуры, привело к тому, что согласно официальным данным, 31% йеменцев страдали от недоедания. Однако эксперты World Food Programme считали, что в стране не доедали примерно 44,5% граждан²³.

На конференции финансовых доноров Йемена, которая состоялась в Эр-Рияде в сентябре 2012 г., был согласован пакет мер, направленных на поддержку этой страны. В общей сложности участники конференции приняли на себя обязательства в сумме 6,4 млрд долл. Из этой суммы 3,25 млрд долл. приходилось на помощь, выделенную Саудовской Аравией еще в мае 2012 г. США и Великобритания также входили в число стран-доноров. Соединенные Штаты выразили готовность предоставить помощь в размере 846 млн долл., при этом 345 млн долл. были предназначены для укрепления силовых структур Йемена, а также на гуманитарные цели и помощь развитию. Указанные средства должны были быть направлены по линии Агентства международного развития. Великобритания обязалась выделить 196 млн ф. ст. на безвозмездной основе.

Однако, из обещанных сумм финансовой помощи в последующие три года, прошедшие после конференции, фактически Йемену было предоставлено менее одной трети. При этом страны-доноры критиковали йеменские власти за крайне неэффективное использование уже предоставленных денежных средств.

В 2013–2018 гг. экономическая ситуация в Йемене продолжала ухудшаться на фоне дальнейшей политической дестабилизации в республике. Финансовые трудности страны еще более усугубились в результате падения глобальных нефтяных цен в 2014 г., учитывая сильную зависимость йеменской экономики от углеводородов (нефть и сжиженный природный газ). На них до событий 2011 г. приходилось более 50% всех государственных доходов и 80% экспортных поступлений.

²³ Middle East Economic Digest. London. 27.07-2.08.2012.

Вооружённый конфликт, начавшийся в Йемене в конце 2014 г. между вооружёнными отрядами хуситов, правительством и коалицией стран, возглавляемой Саудовской Аравией, обострение социально-экономических, племенных, межконфессиональных проблем, сепаратистских настроений на юге страны, непрекращающиеся террористические атаки – все это вместе взятое вылилось в масштабный политический и экономический кризис.

Поскольку официальная статистика отсутствует, то составить представление о современной экономической ситуации в республике можно лишь по отрывочным данным и оценкам международных источников и экспертов. Так, падение ВВП Йемена в 2014–2018 гг. оценивается примерно в 40%, что было вызвано, в первую очередь, снижением с 2015 г. добычи и экспорта нефти и газа почти наполовину. Ограниченное производство углеводородов сохранялось лишь на месторождениях Safer и Masila. Ухудшение экономического положения также стало результатом резкого спада активности государственного и частного секторов, существенного уменьшения инвестиций и рабочих мест. При этом, из-за нестабильности в сфере безопасности и в поставках сырья, материалов и оборудования в различных отраслях экономики отмечался многократный рост операционных расходов²⁴. Денежные переводы в республику йеменцев, работающих за рубежом, упали в связи с ограничениями на трансферты, введёнными правительством, а также с иммиграционной политикой, проводимой с 2016 г. странами ССАГПЗ.

Серьёзные опасения у международных наблюдателей вызывает тяжёлое валютно-финансовое положение республики. Резервы Центрального банка Йемена, которые необходимы для финансирования импорта топлива, продовольствия и других товаров первой необходимости, упали в третьем квартале 2018 г. до ничтожной величины²⁵, что привело к

²⁴ Yemen Economic Monitoring Brief-Winter 2019 (EN/AR). 12 March 2019 (<https://reliefweb.int/report/yemen>).

²⁵ На 31 декабря 2017 г. они оценивались в 245,1 млн долл.

быстрому обесценению йеменского риала, который потерял 30% своей стоимости. Это вынудило правительство страны создать новый механизм для импорта товаров первой необходимости через головной офис Центрального банка в Адене. Наряду с этим, был издан декрет № 75, в соответствии с которым ограничивалась деятельность предпринимателей, занимающихся валютным обменом. Однако, от введения новых правил регулирования ввоза в республику выиграли, прежде всего, трейдеры, приближённые к правительству, а компании, импортирующие товары через крупные порты на Красном море, оказались в менее благоприятных условиях²⁶.

Рост цен и острая нехватка продовольствия привели к тому, что более 80% населения нуждаются в гуманитарной помощи и более половины голодают. Разрушение санитарно-эпидемиологической системы и трудности доступа к безопасной питьевой воде способствуют распространению болезней. В Йемене ухудшается ситуация с бедностью: прожиточный минимум (рассчитанный по ППС) более трёх четвертей населения страны составляет менее 3,20 долл. в день, при этом, доходы половины йеменцев находятся на уровне ниже 1,90 долл. в день²⁷.

Большинство ближневосточных аналитиков сходятся во мнении, что Йемен продолжает скатываться к экономической и гуманитарной катастрофе. Резкое снижение государственных доходов и инвестиций, дефицит топлива и электроэнергии пагубно сказываются на экономической активности. Прекращение вооружённого конфликта и улучшение ситуации в сфере безопасности позволило бы начать процесс восстановления экономики и разрушенной инфраструктуры. Возвращение страны к мирной жизни создало бы условия для возобновления добычи нефти и газа, что, в свою оче-

²⁶ Final report of the Panel of experts on Yemen. UN. Security Council. 25 January 2019.

²⁷ Economic studies and country risks.Yemen (<https://www.coface.com/economic-studies-and-country-risks-yemen>); Yemen Economy Profile 2018 (https://www.indexmundi.com/yemen/economy_profile.html); Yemen Economic Update. World Bank Group. April 2019 (<https://www.worldbank.org/en/country/yemen/publications/yemen's-economic-update>).

редь. способствовало бы увеличению государственных доходов, уменьшению дефицитов бюджета и платёжного баланса и стабилизации курса национальной валюты. Но даже при условии реализации положительного политического сценария, по всей вероятности, будет весьма сложно в относительно короткие сроки вернуть экономику республики на предвоенный уровень. Поэтому Йемену необходима масштабная международная финансовая помощь не только в современный период, но и в обозримом будущем.

ГЛАВА IV

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ АРАБСКИХ СТРАН

В течение последних десятилетий трансграничный поток информации, связывающей арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки с остальным миром, согласно оценке международных экспертов в области высоких технологий, увеличился более чем в 150 раз. Это свидетельствует о том, что регион активно включился в глобальный процесс цифровой трансформации. Объединенные Арабские Эмираты, Катар и Бахрейн, например, по распространению в них смартфонов среди населения (около 100%) и использованию социальных сетей (свыше 70%) примыкают к ведущим странам мира. Кроме того, арабские государства занимают второе место в мире по числу просмотров видео в YouTube: более 310 млн ежедневно. Регион Ближнего Востока и Северной Африки в целом является самым быстро растущим потребителем видео в глобальном масштабе. Так, просмотр видео в Facebook на душу населения здесь в два раза превышает средний глобальный показатель¹.

Однако, использование цифровых технологий бизнесом в арабских странах заметно отстаёт от их освоения частными пользователями. В ОАЭ, например, в 2016 г. лишь 18% малых и средних предприятий присутствовало в Интернете, в Сау-

¹ MENA region is the fastest growing consumer of videos on Facebook. Dubai PR Network. 7 June 2015.

довской Аравии – 15%, а в Египте – лишь 7%². Тем не менее, информационно-коммуникационная практика различных предпринимательских структур на Ближнем Востоке высвечивает многообещающие перспективы в этой сфере в обозримом будущем.

Ряд арабских стран (Египет, Марокко, Иордания, ОАЭ и Тунис) успешно позиционируют себя на глобальном рынке информационно-коммуникационных технологий (information and communication technologies – ICT), в частности, в области сервисов и аутсорсинга. Например, Египет является популярным в ICT – аутсорсинге, в котором создано 90 тыс. рабочих мест. Данный сектор растёт ежегодными темпами в 7,5% частично благодаря деловым связям с бизнес-структурами Саудовской Аравии и других стран Персидского залива³.

Компании ENOC и EPPCO в Дубае, в частности, модернизировали систему «an RFID-enabled prepaid fuelling» таким образом, что она позволяет осуществлять бесплатно и без карточек автоматизированные платежи. Некоторые крупные нефтяные компании в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива стремятся сделать разработку своих нефтяных месторождений более «умной» («smarter») путём цифровизации ряда операций с помощью большого массива данных (big data), а также анализаторов, сенсоров и контрольных систем. Другой положительный пример – это таксомоторная компания Careem, которая в состоянии конкурировать с другими игроками на рынке Ближнего Востока, благодаря использованию стратегии, базирующейся на B2B integration и дополнительных инструментах таких как scheduled bookings, не только для своего штата водителей, но и, например, для шоферов Управ-

² Rafi, S. Three-quarters of Middle East – based SMEs have no online presence. September 2016 (www.customerservice.ae/three-quarters-of-middle-east-based-smes-have-no-online-presence).

³ MENA Infrastructure Key Themes for 2017. BMI 2017. Fitch Solutions. July 2017 (<https://www.fitchsolutions.com/node/179>).

ления дорог и транспорта (the Road and Transports Authority) Дубая⁴.

Ливанский Bank Audi начал использовать автономный мобильный робот Novot, который приглашает и обслуживает клиентов, а также рекламирует продукты и услуги банка. Таким образом Bank Audi повышает уровень цифровой грамотности клиентов и делает их взаимное общение интерактивным. Компания Souq.com, которая является лидером в сфере электронной коммерции на Ближнем Востоке, с рыночной капитализацией в 1 млрд долл. США, за последние годы облегчила 75 тысячам региональных коммерческих структур их контакты с покупателями⁵. В ОАЭ компании Etisalat и Du запустили несколько цифровых проектов, в том числе проект «умные города» («smart cities»)⁶.

Важно отметить, что ОАЭ занимают первое место среди арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки по адаптации к цифровым технологиям. По этому показателю Эмираты приближаются к передовым государствам мира. Кроме того, ОАЭ обладает самым высоким уровнем цифровой идентификации, которая измеряется с помощью различных индикаторов таких, например, как доступ к сервисам, электронная подпись и др. Эта страна продвигает ряд цифровизационных инициатив, в том числе расширение широкополостного покрытия, создание унифицированной платформы для обслуживания «smart cities» и т. д.

Что касается других стран рассматриваемого региона, то Катар и Бахрейн лидируют среди арабских стран в предложении информационно-коммуникационных услуг (ICT supply) и в сфере инноваций благодаря высокому уровню 3G покрытия своих территорий и низким ценам. Высокоразвитая

⁴ Digital Middle East – McKinsey & Company. October 2016. (<https://www.mckinsey.com/.../digital-middle-east-final-update>).

⁵ Attwood E., Mouchawar R. How I created Souq.com. Arabian Business. 5 April 2014 (www.arabianbusiness.com/ronaldo-mouchawar/how-i-created-souq-com-545057.html).

⁶ Burkitt-Gray A. Etisalat and Du announce OAE smart cities project. Capacity Media. 3 March 2016 (www.capacitymedia.com/Article/3534490.html).

Интернет- инфраструктура (с точки зрения покрытия и скорости) позволила Катару занять ведущую позицию на Ближнем Востоке в области предложения услуг ИСТ и инноваций. В то же время необходимо подчеркнуть, что Бахрейн и Катар благодаря их небольшой территории имеют преимущество для создания высокого уровня доступа к цифровым технологиям перед такими более крупными арабскими странами как Египет и Саудовская Аравия.

**Средние показатели состояния цифровизации в арабских
странах Ближнего Востока (2015 г., %)**

Малые и средние предприятия (присутствие в Интернете)	15
Частные лица (присутствие в социальных сетях)	36
Арабоязычные пользователи социальных сетей	45
Просмотр видео в Интернете ежедневно (ОАЭ и Саудовская Аравия)	47
Домохозяйства, имеющие доступ к Интернету	30
Пользователи Интернетом в ежедневном режиме	88
Подписчики Facebook в ежедневном доступе	89
Покрытие сетями 3G	97

Источники: Networked Readiness Index 2015; World Economic Forum. 2016 Digital Yearbook. We are Social; Digital Adoption Index; World Bank. The Connected Consumer Survey 2015; McKinsey analyses.

В современном обществе, в том числе и в арабских странах, социальные сети Интернета в их различных форматах превратились в важное явление общественной коммуникации, особенно среди молодёжи, не только для частных целей, но и всё более значительную роль они начинают играть в развитии бизнеса, в образовании, здравоохранении и других сферах жизни. Активных пользователей социальных сетей в мире насчитывается около 3,1 млрд чел. (примерно 42% численности глобального населения). В то же время на Ближнем Востоке ими является приблизительно 130 млн чел.

(52% всего населения). Важно отметить, что эта цифра увеличилась с января 2017 г. на 39%, или 37 млн чел. Что касается Северной Африки, то в этом субрегионе число активных пользователей соцсетей достигло в 2018 г. 90 млн чел. (38% общей численности населения)⁷.

Среди арабских стран самый высокий уровень распространения социальных сетей был отмечен в 2018 г. в Катаре – 99% и в ОАЭ – 99%, в Кувейте – 98%, Бахрейне – 92%, Саудовской Аравии – 75%, Марокко – 44%, Египте – 40%⁸. Несмотря на различия между отдельными странами, уровень использования социальных сетей в большинстве государств Ближнего Востока и Северной Африки сравнительно высок. Примерно 93% потребителей заходят в Интернет через мобильную связь, затрачивая при этом 26 часов в неделю на online по сравнению с 19 часами на просмотр телепередач⁹. В арабском регионе из интернет-платформ наиболее часто используется Facebook: 56 млн активных пользователей. Так, после событий «арабской весны» более 2 млн новых аккаунтов в Facebook было создано в Египте. В настоящее время в этой стране активных пользователей Facebook в ежедневном режиме насчитывается более 27 млн чел.¹⁰ Twitter – вторая по популярности социальная сеть в арабских странах, ею пользовалось в середине текущего десятилетия около 4 млн чел., которые отправляли более 10 млн твитов (tweets) в день¹¹.

Несмотря на широкое распространение смартфонов в ОАЭ, Бахрейне и Катаре (о чём уже говорилось выше), из-за

⁷ We Are Social and Hootsuite. Global Digital Report 2018 (<https://digitalreport.wearesocial.com>).

⁸ Ibid.

⁹ Innovation Group. The Future 100: MENA Trends and Change to Watch in 2017 (<https://www.jwtintelligence.com/trend-reports/the-future-100-mena-2017>).

¹⁰ Dosari S. Social Media Usage in the Middle East. Arab News. 29 February 2016 (<http://www.arabnews.com/node/888271>).

¹¹ Technological Trends in the MENA Region: The Cases of Digitalization and Information and Communications Technology (ICT). MENARA Working Papers No 23. November 2018 (https://www.iai.it/sites/default/files/menara_wp_23.pdf).

более слабого их использования в большинстве других арабских государств Ближнего Востока и Северной Африки средний региональный показатель достаточно низок. Так, в 2016 г., он не превышал 20%¹². Вклад цифровых технологий в создание совокупного ВВП арабского региона аналитики McKinsey & Company на середину текущего десятилетия оценили в 4,1%, в том числе (в %): Бахрейн – 8,0; Кувейт – 5,1; Египет – 4,4; ОАЭ – 4,3, Саудовская Аравия – 3,6; Оман – 0,9; Катар – 0,4¹³. Эти оценки сделаны на базе расчётов цифровой доли в государственных расходах, в частном потреблении, частном инвестировании, а также в экспорте и импорте. Приведённый средний показатель скрывает значительные различия в степени цифровизации между отдельно взятыми арабскими странами. При этом государства ССАГПЗ обладают более цифровизированной экономикой, чем их соседи. К этому следует добавить, что в рассматриваемый период только 6% населения Ближнего Востока находилось под управлением цифровизированных «smart governments»¹⁴.

Важным условием инновационного развития в современном мире является состояние базовой и так называемой новой инфраструктуры. Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки в течение последнего десятилетия инвестировали в инфраструктурные проекты 3–5% ВВП, что превышало данный показатель в Латинской Америке, Европе и Центральной Азии, в то же время по сравнению с Юго-Восточной Азией он был ниже. Однако потребности развития инфраструктуры в арабском регионе до 2020 г. оцениваются в более 100 млрд долл. США в год, что составляет примерно 6% регионального годового ВВП¹⁵.

¹² Analyses Mason Database; World Market Monitor Database; Strategy Analytics 2015.

¹³ Digital Middle East. McKinsey & Company. October 2016 (www.mckinsey.com/.../digital-middle-east-final-update).

¹⁴ World Market Monitor 2015.

¹⁵ Technological Trends in the MENA Region: The cases of Digitalization and Information and Communications Technology (ICT). Menara Working Papers No 23. November 2018, p. 2, 3 (<https://www.iai.it/sites/default/files/menara-wp-23.pdf>).

В настоящее время арабские государства разрабатывают различные стратегии развития цифровой экономики. Правительства осознают положительное воздействие, которое цифровизация может оказать на их страны. Действительно, ускорение процесса внедрения информационно-коммуникационных технологий могло бы иметь существенное влияние на развитие малых и средних предприятий, создание новых рабочих мест, повышение экономической продуктивности и эффективности управления, на социальную вовлечённость населения (social inclusion). Иными словами, высокие технологии призваны сыграть важную роль в реализации важнейших целей социально-экономического развития арабских стран.

Ряд правительств государств Ближнего Востока и Северной Африки в последние годы представили программы и проекты развития цифровой экономики и инноваций. Ниже мы остановимся на некоторых из них.

Национальная инновационная стратегия **ОАЭ** (The National Innovation Strategy) является частью программы Vision 2021. В данной программе цифровые технологии определены как один из семи приоритетных национальных секторов. Акцент в цифровизации при этом делается на развитие «умных» городов, программного обеспечения, а также на инициативы, включающие продвинутые технологии, например, такие как искусственный интеллект, нано-технологии, быстрое внедрение высоких технологий в различные отрасли экономики. В частности, план правительства по развитию Smart Dubai и Smart Abu Dhabi предусматривает сотрудничество между частными и государственными партнёрами с целью продвижения эффективного городского опыта, который позволяет обеспечить безопасные и комфортные условия для резидентов и визитёров¹⁶.

Саудовская Аравия в своей программе Vision 2030 декларирует весьма амбициозную цель: войти в число веду-

¹⁶ www.smartdubai.ae; Abu Dhabi E-Government Programmes and Digital Transformation Initiatives discusses key digital transformation plans, projects. Emirates News Agency. 4 September 2016 (www.wam.ae/en/news/emirates/1395293883743.html).

щих стран мира, устанавливаемых на основе E-Government Survey Index. Кроме того, в соответствии с Планом национальной трансформации 2020 королевства, цифровизация включена в число четырёх приоритетных задач. В этом документе намечено создание 5 цифровых платформ, осуществление 29 информационно-коммуникационных инициатив в ключевых секторах экономики страны. Наряду с этим, National Transformation Program 2020 предусматривает решение, например, таких важных практических задач как повышение эффективности здравоохранения путём использования цифровых технологий, создание технологических компаний для участия в развитии местного ИТ-сектора.

С целью достижения задач, поставленных в Vision 2030, в королевстве была запущена the Digital Transformation Program, в соответствии с которой, создана платформа Fekra Tech для решения, в первую очередь, проблем в сфере саудовского здравоохранения. В результате было предложено пятнадцать предпринимательских моделей для цифровизации медицинских услуг, которые с помощью внедрения «умных» больниц и клиник, телемедицины и мобильной скорой помощи «Sehhi» позволили сократить наполовину личные визиты врачей к пациентам, время ожидания консультаций и помощи с месяцев до недель, а в ряде случаев и до пяти минут¹⁷. В дополнение платформа Digital Saudi контролирует деятельность the National Committee for Digital Transformation, чтобы обеспечить приемлемый экономический и социальный эффект от проектов цифровой трансформации в партнёрстве с частным сектором и предпринимателями.

Саудовская Аравия в последние годы добилась определённых успехов в области электронного правительства путём реализации нескольких цифровых программ и инициатив по обслуживанию пользователей на достаточно высоком уровне. Одной из таких программ является Maras program, которая

¹⁷ <https://www.mcit.gov.sa/en/media-center/news/99864>.

внесла вклад в организацию доступа к более чем сорока электронным сервисам, сократив таким образом время для проведения той или иной сделки с 81 дней до 24 часов и зарегистрировав более 90 тыс. операторов. Другая программа – крупнейшая электронная платформа Etimad – работает с 450 правительственными структурами, которые используют её портал. Действует также Absher program, которая осуществляет связь с более чем 130 государственными услугами, используемыми гражданами королевства. Например, благодаря этой программе удалось сократить процедуру обновления паспорта с восьми до одного дня¹⁸.

В Vision 2030 **Катара** в качестве приоритета предусматривается формирование «экономики знаний», базирующейся на инновациях, развитом частном предпринимательстве, высоком качестве образования, инфраструктуре мирового уровня, эффективной сфере государственных услуг, прозрачном и подконтрольном управлении. Основными целями программы Vision 2030 **Египта** является создание конкурентоспособной, сбалансированной и диверсифицированной экономики, построенной на инновациях и знаниях, на праве, социальных гарантиях и участии всех слоёв населения¹⁹. В то же время в ICT 2030 Strategy Египта акцент делается на трёх главных направлениях: на трансформации страны в цифровое общество; развитии ICT-индустрии и на превращении Египта в глобальный цифровой хаб.

Иордания базирует свою программу по внедрению высоких технологий на инициативах и предложениях, связанных с электронными услугами, определением и развитием соответствующей технологической инфраструктуры, адекватным юридическим и регулятивным обеспечением, реформированием сферы образования и профессиональной подготовки, а также со сдвигами в управлении и реструктуризацией государственных институтов.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Digital Middle East. McKinsey & Company. October 2016 (<https://www.mckinsey.com/digital-middle-east-final-update>).

Цифровая стратегия **Бахрейна** сфокусирована на восьми основных моментах: расширении участия общества; развитии партнёрства между государством и частным сектором в продвижении информационно-коммуникационных услуг; повышении цифровой грамотности населения и государственных служащих; достижении более высокого уровня исполнительства; способности к сотрудничеству; эффективности правительства; предложении качественных услуг и укреплении каналов связи с электронным правительством; развитии инноваций и предпринимательства.

Правительства ряда арабских стран в настоящее время изучают огромный потенциал высоких технологий для повышения эффективности медицинской помощи, поскольку цифровизация этой области могла бы способствовать более эффективному управлению расходами на здравоохранение и их снижению. В частности, пять из четырнадцати стран ближневосточного региона уже разработали чёткие планы цифровых преобразований в здравоохранении. Так, согласно национальной программе трансформации, в Саудовской Аравии к 2020 г. 70% граждан королевства получают единую цифровую медицинскую карту (record 2), с помощью которой будет поддерживаться оцифровка медицинских услуг²⁰.

Однако, планы цифровой трансформации арабских государств остаются во многом нереализованными. Так, странам Ближнего Востока, согласно анализу и оценкам экспертов McKinsey & Company, пока удалось реализовать лишь 8% своего цифрового потенциала. Для сравнения укажем, что для Западной Европы этот показатель равняется 15%, а для США – 18%²¹. Между тем, по расчётам аналитиков, рынок информационных технологий Ближнего Востока, который они оценивают в 160 миллионов потенциальных пользователей, мог бы вносить около 4% в совокупный

²⁰ Digital Transformation in the Middle East. 1 May 2018 (www.eiu.com/industry/article/266685610).

²¹ Digital Middle East. McKinsey & Company. October 2016 (<https://www.mckinsey.com/digital-middle-east-final-update>).

региональный ВВП ежегодно, что приблизительно равно 95 млрд долл. США²².

Одна из важных причин отставания арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в рассматриваемой области заключается в том, что одна тысяча глобальных информационно-коммуникационных компаний только 1% своей ежегодной прибыли вкладывает в развитие цифровой экономики этих государств. В результате в рассматриваемом регионе практически отсутствуют крупные цифровые компании. В частности, на Ближнем Востоке функционируют всего лишь две фирмы с рыночной капитализацией в 1 млрд долл. США: это – Souq.com в ОАЭ и Fumia в Египте²³. Что касается инвестиций в цифровой венчурный капитал (digital venture capital funding) в рассматриваемой группе государств, то их объём весьма незначителен. Так, доля вложений в венчурный капитал одной тысячи информационно-коммуникационных стартапов (ICT-start-ups), действующих в странах ССАГПЗ, в ВВП составляет лишь 10%. Этот показатель даже цифрового лидера региона – ОАЭ не превышает 20%. Эксперты в области цифровых технологий полагают, что это во многом связано с преобладанием в информационно-коммуникационном секторе Ближнего Востока семейных бизнесов, которые обычно концентрируют собственность и основную долю капитала в своих руках. Процесс цифровизации арабских стран также существенно сдерживает дефицит квалифицированных профессионалов, владеющих цифровыми технологиями: их доля в общих трудовых ресурсах рассматриваемых государств составляет не более 2%²⁴.

²² Эти расчёты базируются на прогнозе численности населения девяти арабских стран (Бахрейн, Египет, Иордания, Катар, Кувейт, Ливан, Оман, Объединённые Арабские Эмираты и Саудовская Аравия) к 2025 г. и на оценке доли пользователей Интернетом в их населении в 85%. Источник: Digital Middle East: Transforming the region into a leading digital economy. Digital McKinsey. 2016, p. 55.

²³ Digital Middle East. McKinsey & Company. October 2016 (<https://www.mckinsey.com/.../digital-middle-east-final-update>).

²⁴ US Bureau of Labor Statistics; McKinsey analyses.

В итоге регион в целом является в основном импортёром и потребителем высоких технологий. Правительства арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки расходуют достаточно крупные финансовые средства на информационные технологии и их обслуживание. Так, суммарные ассигнования ближневосточных государств на эти цели превышали в 2015 г. 8 млрд долл.²⁵ При этом подавляющая их часть приходилась на продукцию и сервисы международных компаний. Однако арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки могут изменить эту ситуацию с помощью совместных усилий всех заинтересованных сторон – правительств, государственных и частных компаний, граждан и общества в целом. Учитывая демографические особенности региона (примерно 50% населения в возрасте моложе 24 лет²⁶), продвинутая молодёжь будет в предстоящие годы, по всей вероятности, стимулировать более высокие темпы цифрового развития арабских стран. По прогнозам некоторых специалистов, к 2020 г. в распоряжении Ближнего Востока может оказаться около 2 зеттабайт данных (zettabytes data), то есть «больше, чем число песчинок, покрывающих Аравийскую пустыню»²⁷.

Эксперты в сфере цифровых технологий полагают также, что мобильная связь является краеугольным камнем для любого арабского государства, стремящегося к ускорению процесса цифровизации. Регион Ближнего Востока и Северной Африки с его тесными связями между государством и бизнесом имеет уникальные возможности объединить все заинтересованные стороны на унифицированной

²⁵ Расходы на информационные технологии включают ассигнования на местные сервисы, программное обеспечение, телекоммуникационные услуги, дивайсы и системы центров данных (data centre systems). Источник: Enterprise IT Spending by Vertical Industry Market World wide, 2014 –2020. Gartner 2016.

²⁶ World Market Monitor 2015.

²⁷ Gantz J., Reinsel D. The digital universe in 2020: Big data, bigger digital shadows, and bigger growth in the Far East. IDC country brief. February 2013 (www.emc.com/collateral/analyst-reports/idc-digital-universe-united-states.pdf); Forbes; McKinsey analyses.

масштабной платформе и продвигать инновации в области мобильной связи. Эти рекомендации специалистов нашли отражение в некоторых программах, которые уже действуют в ряде арабских стран. Так, Дубай продвигает проект «бесплатное общество» (cashless society) с помощью консорциума, состоящего из банков, ритейлеров, платёжных сетей и государственных агентств и возглавляемого Dubai Smart Government²⁸.

Прогноз на предстоящие годы весьма оптимистичен: согласно обзору, подготовленному Mastercard, 70% респондентов в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки готовы использовать свои смартфоны для осуществления платежей по сравнению с 38% в Европе²⁹. Здравоохранение арабских стран также может получить выигрыш от использования цифровых технологий. Важно отметить, что государственные структуры Ближнего Востока являются региональным преимуществом для осуществления этих целей. Например, в ОАЭ проект Министерства здравоохранения – National Unified Medical Record project – уже прототипировал путь для создания интегрированной системы на национальном уровне.

По мнению ряда цифровых экспертов, правительства стран ССАГПЗ могли бы облегчить трансграничную электронную коммерцию (e-commerce) за счёт ревизии таможенных пошлин и логистической политики. Подобные меры помогли бы региональным компаниям заниматься электронной коммерцией, расширять свою деятельность, преодолевая привязку к рынкам небольшого размера.

В докладе «Youth, Tech, and Entrepreneurship: Unlocking the Middle East's Economic Potential», подготовленном The Atlantic Council, отмечается необходимость совершенствования законодательного регулирования процесса инноваций в

²⁸ Sutton M. Dubai Smart Government signs deal for smart payments. ITP.net. December 2015 (www.itp.net/605888-dubai-smart-government-signs-smart-government-deal-for-smart-payments).

²⁹ Doing business. Measuring business regulations. World Bank Group. 2016 (www.doingbusiness.org).

арабских странах. В частности, правила, регулирующие создание компаний и объявление об их банкротстве должны быть существенно облегчены с целью стимулирования предпринимательства. В этой связи уместно напомнить, что согласно данным Всемирного банка, для начала бизнеса на Ближнем Востоке требуется 11 дней, тогда как в США – 6, в Великобритании – 5 и менее одного дня в Новой Зеландии³⁰. В ОАЭ в 2017 г. вступил в силу новый федеральный закон о банкротстве, который, как ожидается, позволит сделать бизнес-среду более лояльной к инвесторам. Так, этот нормативный акт даёт возможность частным компаниям, испытывающим финансовые затруднения реструктурировать свой долг, чтобы избежать судебных процедур и ареста. Учитывая введение налога на добавленную стоимость в странах ССАГПЗ, налоговые льготы для цифровых сервисов также должны быть предусмотрены в их законодательстве³¹.

В настоящее время рынок цифровых технологий арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в значительной степени фрагментирован. Практически ни одна региональная компания не в состоянии достичь необходимого уровня экономической эффективности, так как каждая из них поддерживает своего собственного провайдера услуг. Информационные эксперты полагают, что для преодоления раздробленности этого рынка правительствам арабских государств необходимо продвигать консолидацию местных провайдеров и поддерживать создание совместных предприятий.

Унификации информационного рынка арабского региона также способствует стремление ближневосточных стран установить внутренние требования к контенту компаний. Кроме того, регулирование контента должно стимулировать усиление поддержки предприятиям и фирмам, которые имеют шансы добиться успеха при условии сохранения

³⁰ Doing business. Measuring business regulations. World Bank Group. 2016 (www.doingbusiness.org).

³¹ New UAE bankruptcy law to be operational in early 2017. Gulf News. September 6, 2016 (<http://gulfnews.com/business/economy/new-uae-bankruptcy-law-to-be-operational-in-early-2017/1892150>).

издержек на конкурентном уровне. Например, Саудовская Аравия в декабре 2015 г. запустила инициативу, озаглавленную «In – Kingdom Total Value Add (IKTVA)» с целью увеличения инвестиций, продвижения экономической диверсификации, создания рабочих мест и развития человеческого капитала в Саудовской Аравии³².

В арабских странах уровень вложений в венчурный капитал значительно отличается от страны к стране. При этом, лидером являются ОАЭ (например, в 2015 г. на эти вложения приходилось 55% всех инвестиций). В последние годы различные государственные структуры Эмиратов, в том числе муниципалитет Дубая, DEWA, RTA реализуют программу The Dubai Future Accelerators для поощрения инноваций³³. За ОАЭ следует Ливан, Центральный банк которого одобрил финансирование венчурных фирм через Circular 331. Этот документ гарантирует 75% банковских инвестиций в капитал startups или косвенную поддержку начинающих бизнесов. Важно отметить, что в 2010-е годы Ближний Восток демонстрировал быстрые темпы роста инвестиций в венчурный капитал. Так, в 2012–2016 гг. совокупный ежегодный темп роста этих вложений составил 124%, в том числе в ОАЭ – 142%, а в Ливане 115%³⁴. Другая проблема, которую необходимо преодолеть заключается в низкой прозрачности инвестиционных возможностей для начинающих бизнесов в сфере информационных технологий (start-ups). Как уже упоминалось, в арабских странах высока концентрация богатства вокруг семейных компаний и суверенных фондов, однако эти инвестиционные пулы зачастую не заинтересованы в поддержке инновационного предпринимательства, связанного, как правило, с рисками и убытками.

Цифровая трансформация, развивающаяся в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, предъявляет спрос на высококвалифицированных специалистов в области

³² [www.saudiaramco.com/en/home/news-media/news/IKTVA - PROGRAM.html](http://www.saudiaramco.com/en/home/news-media/news/IKTVA-PROGRAM.html).

³³ www.dubai-future-accelerators.com/en.

³⁴ Pitch Book database; McKinsey analyses.

информационно-коммуникационных технологий. Согласно обзору «Oxford Economic Survey» среди всех технических профессий специалисты цифрового бизнеса представляются наиболее востребованными. Учитывая дефицит местных и региональных кадров такого профиля, многие проекты в арабских странах осуществляются глобальными компаниями. Появлению цифровых специалистов в необходимом количестве могла бы способствовать переориентация процесса обучения (от начальной школы до высшего образования) на решение не только когнитивных, социальных и поведенческих проблем, но и получение технических знаний и навыков, а также развитие критического мышления. Этот сдвиг должен включать цифровизацию процесса обучения, начиная с оборудования классных комнат «умными» досками (smart boards) и столами. Во многом это могло бы стать одним из путей решения проблемы молодёжной безработицы в арабских странах. Дубай, например, уже начал изменять учебные планы в образовательных учреждениях, добиваясь включения в них технологических знаний, а также таких предметов как инновационный дизайн, управление бизнесом, критическое мышление³⁵.

Интересам частного сектора арабских стран отвечает стремление играть более активную роль в формировании планов цифрового обучения путём выстраивания взаимосвязей с руководством учебных заведений и с членами консультативных советов школ и университетов. Компании могли бы также сотрудничать со студентами вузов и учениками школ, предлагая им участие в проектах, связанных с их бизнесом. Подобное партнёрство могло бы обеспечить связь цифрового обучения с рыночным спросом, поскольку оно позволяет выстроить взаимодействие с будущими искателями работы.

Наконец, по мнению информационных аналитиков, для организации цифрового обучения в арабских странах необхо-

³⁵ Hanif N., Pennington R. Curriculum reforms will position the UAE well for the future. National UAE. August 2016.

можно использовать лучшие мировые практики. В частности, по инициативе Jordan Queen Rania Foundation, в королевстве действует проект – platform Edraak – массовый открытый Интернет-курс (МООС)³⁶. В Саудовской Аравии запущен проект Doroob, предоставляющий несколько образовательных программ (education-to-employment programs)³⁷. Кроме того, в регионе Ближнего Востока и Северной Африки действует множество образовательных технологических стартапов, которые преследуют цель стать частью цифровой образовательной экосистемы арабских стран.

Оценивая современные тренды в цифровой трансформации арабских стран, следует отметить, что общая картина весьма разнообразна. Это во многом связано с различиями в уровне социально-экономического развития и инвестиционных возможностей в отдельных частях региона Ближнего Востока и Северной Африки. Так, наибольшие инвестиции в базовую и высокотехнологичную инфраструктуру в текущем десятилетии осуществляли Саудовская Аравия, Катар, Кувейт и ОАЭ. Арабские страны-нефтеэкспортёры, как ожидается, в предстоящие годы будут вкладывать в модернизацию и поддержку инфраструктуры почти 11% своих ВВП. Что касается стран-нефтеимпортёров региона, то, по оценке экспертов, им на эти цели будет необходимо инвестировать около 6% ВВП³⁸.

Помимо сохраняющихся политических трудностей в ряде арабских стран, продолжают увеличиваться некоторые экономические различия внутри самих государств региона, например, между городскими территориями с достаточной инфраструктурой и неплохим динамизмом развития ИТ-сектора на одном краю спектра и сельскими районами

³⁶ www.edraak.org.

³⁷ www.doroob.sa; Innovation in Gulf Cooperation Council (GCC) Governments. McKinsey Center for Government.

³⁸ Technological Trends in the MENA Region: The cases of Digitalization and Information and Communications Technology. MENARA Working Papers No 23. November 2018, p.3 (<https://www.iai.it/sites/default/files/menara-wp-23.pdf>).

с неразвитой инфраструктурой и весьма статичным технологическим развитием – на другом. Кроме того, такие факторы, как политика в сфере экономики и образования существенно отличаются в отдельных частях региона Ближнего Востока и Северной Африки, а также в субрегионах.

Практически все арабские страны находятся под значительным социальным прессом в связи с высоким уровнем безработицы, недостатками в системе образования и социальной защите населения. Так, среди 100 млн молодых мужчин и женщин региона безработица и неполная занятость очень высоки: почти одна треть молодёжи в активном возрасте не имеют работы. Более двух третей численности арабских женщин в возрасте от 15 до 29 лет не вовлечены в трудовую деятельность, что является самым высоким уровнем в мире. Отсутствие работы, особенно в среде молодёжи, представляет собой характерную черту социально-экономической ситуации в арабском мире в последние пятьдесят лет³⁹.

Численность населения стран Ближнего Востока и Северной Африки, которая в настоящее время оценивается примерно в 400 млн чел. как ожидается, возрастет до 600 млн чел. к 2050 г.⁴⁰ В то же время более половины населения региона находится в возрасте моложе 30 лет. Некоторые международные эксперты в сфере высоких технологий полагают, что процесс развития цифровой трансформации может оказать положительный эффект на рынок труда в арабских странах. Они ожидают, что стратегические инвестиции в ИТ-сектор будут играть серьёзную роль в создании новых рабочих мест. Например, Иордания, осуществив проект создания Национальной широкополосной сети (the National Broadband Network) заложила основу для цифровой трансформации королевства, которая будет обеспечивать высокоскоростную связь между государственными учреждениями,

³⁹ Ibid, p. 11, 12.

⁴⁰ FAO-United Nations Food and Agriculture Organization. Trends, Challenges and Priorities – Near East and North Africa (PC 119/2 Add 2) Annex 5 to the Review of the Strategic Framework and Preparation of the Medium Term Plan 2018-21 – Regional Priorities (<http://www.fao.org/3/a-mg647e.pdf>)

больницами, школами, агентствами и другими институциями страны. Подобная инфраструктура необходима для получения выигрышей от Интернета (и от четвертой промышленной революции), что обещает, в свою очередь, ускорение темпов экономического роста. Иордания, учитывая наличие 1500 использующих информационно-коммуникационные технологии компаний, в которых занято около 20 тыс. человек, уже стала технологическим хабом и может рассматриваться в качестве потенциальной модели для всего региона Ближнего Востока и Северной Африки⁴¹.

Поскольку рабочие места в сфере информационно-коммуникационных технологий требуют более высокой квалификации или, как минимум, новых знаний и навыков, возникает необходимость во внедрении образовательных программ таких, например, как Auto Technology Academy⁴². Арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки нуждаются в увеличении инвестиций в подготовку специалистов, в первую очередь, в следующих областях: наука, технологии, проектирование и математика (science, technology, engineering and mathematics – STEM subjects skills), чтобы квалификация представителей подрастающего поколения соответствовала требованиям рынка труда⁴³.

Несмотря на то, что в арабских странах существует достаточно много негативных факторов, которые блокируют быстрое улучшение социально-экономической ситуации, почти во всех из них формируются новые подходы, способствующие увеличению возможностей для использования высоких технологий, цифровой трансформации и, как минимум, развития потенциала части молодого поколения, которая успешнее и чаще взаимодействует с Интернетом и социальными сетями.

⁴¹ Chambers J. How Technology is Transforming in the Middle East. World Economic Forum Articles. 20 May 2015 (<https://www.weforum.org/agenda/2015/05/how-technology-is-transforming-the-middle-east>).

⁴² Ibid.

⁴³ McKee, Musa et al/ Demographic and Economic Material Factors in the MENA Region. MENARA Working Papers, No 3 (October), 2017 (<https://menaraproject.eu/?p=1040>).

Принимая во внимание сохранение серьёзных социально-экономических проблем (сравнительно низкие темпы экономического роста; высокий уровень безработицы, особенно среди молодёжи, рост численности населения и сдвиги в его структуре; ограничения в области энергоснабжения; проблемы продовольственного обеспечения и другие), арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки будут испытывать в предстоящий период растущее давление в поисках решений, связанных с условиями и поддержкой адекватной модернизации и инноваций. Представляется, что некоторые решения могут включать использование новых технологий (информационно-коммуникационных, цифровых и др.). В то же время, как полагают многие эксперты, для получения положительного результата цифровая трансформация в рассматриваемой группе государств должна сопровождаться социальными инновациями и некоторыми культурными сдвигами. При этом они подчёркивают, что достижение баланса между традиционными и современными культурными стандартами приобретает исключительную важность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ тенденций, развивавшихся в макроэкономической ситуации арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки в 2010-е годы, показал, что в условиях резкого падения глобальных нефтяных цен в 2014–2015 гг. и в последующий период среднегодовые темпы прироста совокупного ВВП в реальном исчислении находились на достаточно низком уровне. Так, по оценке Международного валютного фонда, среднегодовой показатель экономического роста государств арабского региона в 2018 г. составил 1,4% по сравнению с 2,5% в 2015 г.¹

Тем не менее, в последние годы рассматриваемого десятилетия региональная экономическая ситуация начала постепенно улучшаться. В этой связи международные эксперты прогнозировали увеличение кумулятивного ВВП в 2019 г. до 2,0% (для сравнения: в 2017 г. 1,2%), что было обусловлено главным образом повышением нефтяных цен в 2017–2018 гг. с почти 50 долл. до примерно 75 долл. за баррель в результате заключения соглашения между Организацией стран-экспортёров нефти и государствами, не входящими в ОПЕК, о сокращении общей добычи нефти².

Ухудшение конъюнктуры на глобальных рынках нефти и газа во второй половине 2010-х годов по сравнению с предшествующим периодом весьма негативно повлияло на эко-

¹ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. November 2018 (<https://www.imf.org>); IMF. World Economic Outlook. January 2016 (<https://www.imf.org/external/pubs/weo/2016/update/01/>).

² World Economic Forum. The Middle East and North Africa Risks Landscape. April 2019, p. 4–12 (www.weforum.org).

номику **арабских стран-экспортёров углеводородов**. Резкое снижение нефтяных цен повлекло за собой сокращение государственных доходов в этой группе государств, что, в свою очередь, отразилось на темпах экономического роста, которые в итоге замедлились до 2% в 2018 г. против 3,2% в 2015 г.³

В то же время в ряде аравийских монархий, в частности в Саудовской Аравии и ОАЭ, повышение нефтяных доходов в конце 2010-х годов во многом компенсировало рост государственных расходов, что способствовало уменьшению совокупного бюджетного дефицита стран ССАГПЗ, согласно оценке, с 5,1% ВВП в 2017 г. до 1,6% в 2018 г.⁴ При этом, важно подчеркнуть, что несмотря на наметившиеся положительные тренды в экономике арабских нефтеэкспортёров, нельзя не учитывать различия в финансовой ситуации между отдельными странами. Более того, непредсказуемость и волатильность нефтяных цен никуда не исчезла. Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что в среднесрочной перспективе все представители данной группы государств будут сталкиваться с одними и теми же фискальными вызовами. Высокая зависимость бюджетов и платёжных балансов от нефтегазовых доходов предопределяет сохранение уязвимости их экономик от колебаний глобальных нефтяных цен.

Как показано в предлагаемой монографии, правительства арабских экспортёров углеводородов предпринимали в 2010-е годы достаточно активные меры по сбалансированию своих государственных бюджетов. Однако, представляется, что дальнейшая фискальная консолидация может помочь обеспечить в обозримом будущем финансовое равновесие и устойчивость, что в результате поддержит экономическую активность в рассматриваемых странах.

³ <https://www.pwc.com/m1/en/publications/middle-east-economy-watch/>; Middle East Economic Digest. Yearbook 2016. London, p.11.

⁴ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. November 2018, p. 3 (<https://www.imf.org>).

Кроме того, в условиях определённой стабилизации нефтяных цен этим государствам предоставляется возможность перестроить и укрепить защитные механизмы, поскольку потенциальные глобальные угрозы (ужесточение финансовых условий, усиление напряжённости в международной торговле и др.) могут создать в среднесрочной перспективе дополнительное давление на нефтяные цены. Учитывая эти риски, руководству стран-производителей углеводородов необходимо проявлять строгий подход к текущим государственным расходам, в том числе к ассигнованиям на заработную плату и субсидии, поддерживая и развивая при этом системы социальной защиты уязвимых слоёв населения. Особого внимания требуют также усилия по повышению эффективности бюджетных расходов с акцентом на инвестиции с высокой степенью отдачи.

Укрепление фискальной устойчивости может стимулировать мобилизация и расширение источников ненефтяных доходов. В этой связи представляется важным дальнейшее реформирование налоговой политики арабских экспортёров углеводородов. Так, введение налога на добавленную стоимость в Саудовской Аравии, ОАЭ и Катаре может стать примером для других стран ССАГПЗ. В ряде стран рассматриваемой группы уже применяются некоторые новые для них виды налогов и сборов, что может получить более широкое распространение среди арабских производителей нефти и газа. В частности, это относится к подоходному налогу (особенно на корпорации), к налогу на имущество, а также к акцизам (там, где они ещё не взимаются).

Хотя благодаря росту нефтяных цен в последние годы улучшилась ситуация с банковской ликвидностью, кредитование частного сектора в арабских нефтеэкспортёрах пока остаётся на довольно низком уровне. Тем не менее, предполагается, что продолжение процесса восстановления экономической активности позволит в предстоящие два-три года увеличить долю малых и средних предприятий в общей стоимости предоставляемых заёмных средств. Достижению этой

цели, по всей вероятности, будет способствовать совершенствованию законодательства и регулирующей базы с целью защиты прав кредиторов и заёмщиков.

Развитие системы гарантирования транзакций и информирования также может привести к улучшению ситуации в сфере кредитования, наряду с активизацией и повышением эффективности деятельности внутренних финансовых рынков, что позволило бы создать новые источники капитальных ресурсов и каналы доступа к ним частного сектора.

Неопределённость траектории движения нефтяных цен в обозримом будущем, а также риски, исходящие от потенциальных глобальных угроз (в частности, эскалация напряжённости в международной торговле, ужесточение монетарной политики США, последствия экономической волатильности в странах с формирующимися рынками – Китай и др.) делают ещё более настоятельным продолжение усилий по диверсификации экономики и созданию рабочих мест для быстро растущего населения арабских экспортёров нефти и газа.

В процессе изучения различных аспектов экономической диверсификации в рассматриваемой группе стран особое место занимают две проблемы: реформирование рынков труда и улучшение условий для ведения бизнеса. Эксперты МВФ подсчитали, что арабские страны Персидского залива будут нуждаться в создании 1 млн новых рабочих мест в год, как минимум, в течение предстоящих пяти лет, чтобы абсорбировать предполагаемое число жителей, впервые вступающих на рынок труда⁵. В этой связи важно отметить, что в странах ССАГПЗ и в Алжире на госсектор приходится 25% рабочей силы по сравнению со средним показателем в 9% в экономиках с формирующимся рынком⁶. Поэтому в рамках структурных преобразований необходимо предпринимать

⁵ Tamirisa N., K. Duenwald. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia Region. International Monetary Fund. Washington. 2018.

⁶ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. November 2018, p. 7, 8 (<https://www.imf.org>).

шаги по углублению реформирования рынков труда и дальнейшему стимулированию создания рабочих мест. Инвестирование в образование и профессиональное обучение с целью повышения квалификации граждан должно стать приоритетом наряду с поощрением участия женщин и молодёжи в экономической жизни стран. Кроме того, пересмотр политики в сфере оплаты труда и предоставления различных льгот в государственном секторе могло бы сформировать адекватные стимулы для местного населения участвовать в конкуренции за рабочие места в частных компаниях.

Ряд арабских нефтеэкспортёров предприняли в 2010-е годы меры по устранению некоторых деформаций в деятельности рынков труда, например, путём установления равенства в предоставлении льгот гражданам и экспатриантам, а также сокращения занятости в государственном секторе. Дополнительно к этим мерам поощрялось создание рабочих мест для местных граждан путём осуществления программ, которые направлены на увеличение найма женщин и молодёжи (Саудовская Аравия, Бахрейн). Кроме того, были предприняты шаги по облегчению условий приёма на работу экспатриантов и изменению требований при выдаче виз (в частности, Катар теперь предоставляет вид на жительство иностранным работникам, а Саудовская Аравия провела визовую амнистию). В то же время некоторые страны (Оман, Кувейт), наоборот, усилили ограничения на использование иностранной рабочей силы, что может в краткосрочном плане оказать негативный эффект на экономическую активность, а в среднесрочной перспективе привести к снижению конкурентоспособности.

В этой связи важно отметить, что в странах ССАГПЗ и в Алжире на госсектор приходится 25% рабочей силы по сравнению со средним показателем в 9% в экономиках с формирующимся рынком⁷. Поэтому в рамках структурных преобразований необходимо предпринимать шаги по углублению

⁷ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. November 2018, p. 7, 8 (<https://www.imf.org>).

реформирования рынков труда и дальнейшему стимулированию создания рабочих мест. Инвестирование в образование и профессиональное обучение с целью повышения квалификации граждан должно стать приоритетом наряду с поощрением участия женщин и молодёжи в экономической жизни стран. Кроме того, пересмотр политики в сфере оплаты труда и предоставления различных льгот в государственном секторе могло бы сформировать адекватные стимулы для местного населения участвовать в конкуренции за рабочие места в частных компаниях.

Экономический рост в **арабских странах-импортёрах углеводов** в 2018 г. составил 4,5% против 4,1% в 2017 г.⁸ Двигателем умеренного роста стал заметный прирост ВВП Египта, который превышал средний показатель по этой группе государств, маскируя таким образом более слабую экономическую активность в других странах, особенно в тех из них, которые были затронуты региональными конфликтами или их последствиями (Иордания, Ливан).

Подъём государственного потребления в последние годы рассматриваемого периода и относительно стабильный уровень частного спроса дали некоторый толчок экономическому росту в арабских нефтеимпортёрах. Расширение кредитования (например, в Тунисе) также способствовало росту за счёт увеличения частного инвестирования. Всё это вместе взятое помогло компенсировать негативный эффект от снижения сельскохозяйственного производства (Марокко), определённую неуверенность в проведении экономической политики (Ливан, Тунис), а также риски в сфере безопасности (Тунис) и последствия региональных конфликтов (Сирия, Йемен, Иордания, Ливан).

Увеличение экспорта, в свою очередь, позволило уменьшить влияние повышения нефтяных цен на платёжные балансы арабских стран-импортёров нефти и газа. Так, дефицит счёта текущих операций снизился в 2018 г. до 6,5% ВВП (6,6% в 2017 г.). Совокупная годовая стоимость экспорта

⁸ Ibid, p. 16.

выросла на 15,4% по сравнению с предшествующим годом⁹. Этот взлёт был достигнут благодаря Египту, которому удалось в течение 2016–2017 гг. добиться некоторого смягчения макроэкономических дисбалансов, а также заметно улучшить условия для ведения бизнеса в стране. Более того, в указанные годы увеличилось число туристов, посещающих АРЕ, что свидетельствует о положительных сдвигах в сфере безопасности.

Показатель, отражающий средний уровень фискального дефицита в арабских нефтеимпортёрах упал с максимальной отметки в 9% ВВП в 2013 г. до 6,6% в 2018 г., согласно оценке, благодаря усилиям по увеличению государственных доходов¹⁰. В частности, были повышены или рационализированы ставки налога на добавленную стоимость и таможенных пошлин (Иордания, Ливан, Марокко, Тунис), отменён ряд налоговых изъятий (Иордания, Марокко), приняты меры по улучшению налогового администрирования (Марокко, Тунис). При условии дальнейшего улучшения ситуации с государственными доходами, снижения текущих ассигнований и рационализации государственных инвестиций предполагается, что бюджетный дефицит в изучаемой группе стран в обозримом будущем будет и дальше снижаться.

Ряд арабских нефтеимпортёров запустили процесс формирования законодательной базы с целью облегчения открытия, функционирования и закрытия бизнес-структур. Учитывая принятие новых законов о банкротстве и несостоятельности, Египет и Тунис стремятся сделать менее обременительной процедуру реструктуризации обанкротившихся компаний. Кроме того, АРЕ также предпринимает шаги по облегчению доступа бизнеса к промышленным зонам и продаже долей акций миноритарных акционеров в пяти государственных компаниях с целью снижения роли государства в экономике.

⁹ Purfield C., H. Finger, K. Ongley, B. Baduel, C. Castellanos, G. Pierre, V. V. Stepanyan, E. Roos. Opportunity for All: Promoting Growth and Inclusiveness in the Middle East and North Africa. International Monetary Fund. Washington, 2018.

¹⁰ Ibid.

Дефицит квалифицированных кадров, несоответствие уровня знаний и навыков современным требованиям тормозят рост производительности труда в рассматриваемой части арабского региона и ограничивают способность фирм и компаний эффективно конкурировать и создавать рабочие места. Уровень системы образования и стандарты профессионального обучения остаются более низкими по сравнению с другими странами с формирующимся рынком. Вместе с тем некоторые нефтеимпортёры, например, Марокко, начали перестраивать свои образовательные системы, учитывая потребности частного сектора в квалифицированных специалистах. Кроме того, реформирование системы регионального рынка труда может повысить динамизм в сфере занятости в отдельных странах, снизить нелегальную занятость и, следовательно, поддержать частный сектор. Преобразования пенсионной системы также стимулируют поиск рабочих мест в бизнес-структурах.

В значительном сегменте экономики рассматриваемой группы государств доминирует низкопродуктивный теневой сектор. Нелегальные бизнесы с числом наёмных работников пять и менее преобладают в частном секторе Египта (60%), Иордании (40%) и Туниса (37%)¹¹. В то же время теневой сектор сталкивается с трудностями в получении кредитов, в доступе к рыночным возможностям и государственным услугам, а это ограничивает развитие частного сектора в целом. Неоправданно жёсткое регулирование рынка труда в арабских странах-импортёрах нефти и газа сдерживает расширение компаний и получение ими экономии за счёт масштабов деятельности, вынуждая фирмы и предприятия небольшого размера уходить «в тень». При этом государство теряет доходы, поскольку нелегальный сектор является преимущественно безналоговым.

Сохранение макроэкономических дисбалансов в ряде арабских нефтеимпортёров, существование значительного числа рисков для частного инвестирования, наряду с жесто-

¹¹ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 22 (<https://www.imf.org>).

чением глобальных финансовых условий – всё это вызывает необходимость создания и использования сбалансированного и базирующегося на более широкой основе комплекса факторов экономического роста. Одним из важнейших приоритетов политики правительств данной группы государств в обозримой перспективе должно стать продолжение структурных реформ, чтобы придать процессу восстановления экономики устойчивый характер и заложить основы для повышения среднесрочных темпов прироста ВВП. Параллельно с постепенным решением проблемы макроэкономических дисбалансов в ряде государств завершение реформирования системы субсидий, повышение эффективности государственных институтов в сфере управления экономикой, ещё более заметное улучшение условий для ведения бизнеса позволило бы дать толчок повышению доверия со стороны местных и иностранных инвесторов.

Сильная зависимость от ввоза «чёрного золота» и продуктов его переработки делает многие арабские страны-импортёры углеводородов уязвимыми от возможного в перспективе роста глобальных цен на топливо. Так, согласно подсчётам экспертов МВФ, если нефтяные цены в ближайшие два года поднимутся на 10%, то общий дефицит рассматриваемой группы государств вырастет с 0,1% ВВП в 2018 г. до 1,6% их совокупного валового внутреннего продукта¹².

Иностранная двусторонняя и многосторонняя финансовая поддержка позволила улучшить в 2010-е годы балансы счёта текущих операций арабских нефтеимпортёров. Однако, несмотря на это, в некоторых странах международные резервы, начиная с 2018 г. продолжали снижаться. В перспективе потенциальный риск дальнейшего роста курса доллара и процентных ставок в США может спровоцировать отток капитала из данной группы стран, что вкупе с возможным повышением стоимости импорта топлива будет усиливать давление на их защитные финансовые механизмы.

¹² World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 17 (<https://www.imf.org>).

Арабские нефтеимпортёры в первой половине 2018 г. выпустили суверенные ценные бумаги на 12 млрд долл., что покрыло примерно две трети запланированной суммы заимствований на этот год, а также превысило на 3 млрд долл. уровень 2017 г. Важно отметить, что значительная часть долга (более 50%) деноминирована в иностранной валюте. Согласно оценке, в обозримом будущем государственная задолженность почти половины этих государств превысит 90% ВВП. Более того, платежи по обслуживанию долга весьма внушительны, и они растут: в 2017 г. на них приходилось более 20% государственных доходов по сравнению с 17% в 2016 г.¹³ Крупные обязательства по выплате процентов и основной части долга ограничивают возможности для использования имеющихся накоплений или дополнительных доходов на увеличение ассигнований, нацеленных на ускорение экономического роста.

Учитывая ухудшение внешних и внутренних финансовых условий решающее значение приобретают меры по увеличению государственных доходов, включая завершение реформирования системы субсидий (в том числе запуск автоматической установки цен на топливо), расширение налоговой базы, сокращение налоговых изъятий, использование высоких технологий для повышения собираемости налогов и др.

Монетарные власти в рассматриваемой части региона Ближнего Востока и Северной Африки в 2010-е годы занимали главным образом нейтральную или сдерживающую позицию в сфере денежной политики, которая остаётся предпочтительной и в предстоящие годы. Тем не менее, им, по всей вероятности, придётся проявлять бдительность по отношению к динамике инфляционных процессов в своих странах и быть готовыми снижать инфляционные ожидания, которые могут стать результатом нового раунда повышения цен на топливо и продовольствие. В ряде стран (например, в Ливане) дальнейшая фискальная консолидация

¹³ Ibid, p. 18, 19.

будет требовать вливаний в капитал центральных банков. Пространство для маневрирования в монетарной политике также будет ограничиваться необходимостью внимательно следить за сдвигами в экономике других стран с формирующимися и развивающимися рынками, которые могут вызвать отток капиталов или волатильность курсов национальных валют.

Ожидается, что процесс восстановления экономики в арабских нефтеимпортёрах в среднесрочной перспективе будет происходить постепенно и более медленно, чем в истекший период. Прогнозируется, что среднегодовой темп экономического роста в этой группе составит около 4,3% в течение 2020–2023 гг., что заметно ниже аналогичного индикатора в период с 2000-го по 2010-й год, который равнялся 5%¹⁴.

Рост ВВП на душу населения, подсчитанного по паритету покупательной способности (ППС), в арабских нефтеимпортёрах был в течение последнего десятилетия ниже аналогичного среднего показателя по группе государств с формирующимся рынком и развивающейся экономикой, хотя в конце 2010-х годов он начал постепенно увеличиваться. Вместе с тем, в большинстве рассматриваемых стран сохраняется высокий уровень безработицы, что вызывает существенную озабоченность, учитывая, что более половины их населения в возрасте моложе 30 лет. Поэтому, как полагают международные эксперты, чтобы поднять доход на душу населения до приемлемого уровня, абсорбировать уже существующую безработицу и прогнозируемое число вновь вступающих на рынок труда в долгосрочной перспективе среднегодовой экономический рост должен составлять не менее 7%. Среди факторов, которые ограничивают возможности для расширения занятости, можно выделить следующие: доминирующая роль государства в экономике; ненадлежащий уровень квалификации; низкая производительность труда.

¹⁴ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 20 (<https://www.imf.org>).

Как уже отмечалось, арабские страны Ближнего Востока и Северной Африки в 2010-е годы, на фоне изменений в глобальной экономической реальности, предпринимали меры, с одной стороны, по сокращению расходов, а, с другой, по стимулированию доходов. Ожидаемое дальнейшее ухудшение финансовых условий в мировой экономике в перспективе делает необходимость продолжения фискальных мер ещё более назревшей. В то же время, перед всеми государствами арабского региона стоит сложная задача совместить преобразования в фискальной сфере с решением проблемы ускорения экономического роста. Представляется, что одним из путей достижения этой цели могло бы стать переформатирование структуры государственных расходов в сторону увеличения ассигнований и инвестиций, направленных на социально-экономическое развитие. Создание условий для роста расходов на цели развития также важно для решения острых демографических проблем, связанных с быстро растущей численностью рабочей силы и высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи.

Сравнительный анализ ряда макроэкономических показателей арабских государств и группы стран с формирующимся рынком и развивающейся экономикой позволяет выделить некоторые приоритеты для более обоснованных реформ системы государственных расходов в рассматриваемом регионе.

В 2017 г. доля расходов в совокупном региональном ВВП составляла около 38% по сравнению с 31% в группе стран с формирующимся рынком. Вместе с тем, в ССАГПЗ эта доля была существенно выше. Важно отметить, что если ассигнования на инвестиционные цели, а также на товары и услуги в арабских нефтеэкспортёрах в основном сопоставимы с другими развивающимися экономиками, то расходы на оплату труда в государственном секторе, включая субсидии и социальные трансферты, выше¹⁵. Помимо упорядочивания расхо-

¹⁵ Tamirisa N., K. Duenwald. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia Region. International Monetary Fund. Washington, 2018.

дов на оплату труда госслужащих, реформирование системы льгот в аравийских монархиях также могло бы повысить стимулы для их граждан искать рабочие места в частном секторе, что, в свою очередь, способствовало бы продвижению экономической диверсификации и росту частного сектора.

Что касается арабских стран-импортёров углеводородов, то расходы на оплату труда государственных служащих в них примерно соответствуют аналогичным ассигнованиям в бюджетах других экономик с формирующимся рынком. Однако, капитальные расходы, которые, как правило, обладают более высоким мультипликационным эффектом на экономику, в среднем находятся на более низком уровне. Эти результаты сравнительного анализа позволяют сделать вывод о том, что поиск путей и способов увеличения государственных инвестиций на цели развития должно стать приоритетом будущих фискальных преобразований в рассматриваемой группе стран. Кроме того, более высокие издержки по обслуживанию государственного долга в арабских нефтеимпортёрах по сравнению с другими развивающимися экономиками подчёркивают важность решения проблемы долгового бремени этих государств.

Сравнительно крупные военные расходы на Ближнем Востоке и в Северной Африке обусловлены во многом политической нестабильностью и вооружёнными конфликтами, что наглядно демонстрирует потенциальные выигрыши от улучшения ситуации с безопасностью в регионе. Арабские страны в среднем тратят почти 5% ВВП на военные расходы по сравнению с 1,6% в группе развивающихся экономик¹⁶.

Помимо абсолютной величины бюджетных расходов, важное значение имеют их качественные характеристики, особенно в странах с ограниченными ресурсами, где уровень развития инфраструктуры, например, остаётся на низком уровне, несмотря на довольно значительные государственные инвестиции. Поэтому, как представляется, более серьёз-

¹⁶ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. November 2018, p. 45 (<https://www.imf.org.com>).

ное внимание следует обратить на повышение эффективности системы управления государственным инвестированием, включая оценку их проектной стоимости, обоснованность выбора и приоритетности различных объектов. В целом, адекватное управление в этой области могло бы обеспечить не только улучшение использования материальных, финансовых и человеческих ресурсов, но и способствовать продвижению экономического роста.

Аналогичная ситуация складывается в образовании и здравоохранении, расходы на которые пока не приводят к улучшению результатов деятельности в этих сферах. В частности, даже в странах, где подобные ассигнования соответствуют международным стандартам, они не транслируются в повышение качества образования и предоставляемых услуг в области здравоохранения¹⁷. Это вызывает настоятельную потребность в более эффективных и базирующихся на результатах деятельности вложениях в данные отрасли, чтобы стимулировать повышение качества человеческого капитала, рост производительности труда и таким образом создавать условия для достижения более высоких темпов прироста ВВП в арабских странах-импортёрах нефти и газа.

Международные эксперты сходятся во мнении, что в программах фискальных преобразований всех арабских государств на предстоящую среднесрочную перспективу важное место должны занять усилия по увеличению государственных доходов. Действительно, общая сумма их налоговых поступлений, например, существенно ниже, чем в других странах с формирующейся рыночной экономикой. При этом, наиболее заметное расхождение наблюдается в арабских нефтеэкспортёрах, где ненефтяные налоговые доходы составляют менее 10% ВВП против более 20% в группе стран с развивающейся экономикой в среднем¹⁸.

¹⁷ Tamirisa N., K. Duenwald. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia Region. International Monetary Fund. Washington, 2018.

¹⁸ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 43 (<https://www.imf.org>).

Важно отметить, что налоги, базирующиеся на потреблении (в том числе, налог на добавленную стоимость), являются основными источниками налоговых поступлений в арабских нефтеимпортёрах. В то же время в арабских нефтеэкспортёрах на них приходилось в 2017 г. лишь 17% общей суммы налоговых доходов¹⁹. Поэтому введение налога на добавленную стоимость в странах-производителях нефти и газа, в которых он ещё отсутствует, представляется весьма своевременным.

В экономиках с формирующимся рынком вклад персональных и корпоративных налогов достаточно сбалансирован, при этом на них приходится примерно 17% общей суммы налоговых поступлений. Что касается арабских нефтеимпортёров, то доля указанных налогов составляет 14% и 21% соответственно. В арабских нефтеэкспортёрах, как известно, подоходный налог с физических лиц не взимается, а доля налогов на корпорации достигает 35% всех налоговых поступлений (в странах ССАГПЗ она равняется 62%). Для арабских государств Персидского залива более характерно взимание различных сборов, например, гербового сбора, на который приходится 17% всех налоговых доходов по сравнению с 10% в среднем в группе экономик с формирующимся рынком²⁰. Постепенное введение налога на доходы физических лиц в странах ССАГПЗ позволило бы обеспечить возможности для отмены различных сборов, которые с точки зрения их администрирования достаточно затратны, а также приблизить баланс налоговых поступлений к другим экономикам с формирующимся рынком.

Другая важная часть государственных доходов – это социальные страховые взносы, на которые приходится 4% всех налоговых поступлений арабских стран по сравнению с 16% в группе развивающихся экономик.

¹⁹ Fouejieu A., S. Rodrigues, S. Shahid. Fiscal Adjustment in the Gulf Countries: Less Costly than Previously Thought. International Monetary Fund. Washington, 2018.

²⁰ World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 44 (<https://www.imf.org>); Jewell A., M. Mansour, P. Mitra, C. Sdralevich. Fair Taxation in the Middle East and North Africa. International Monetary Fund. Washington, 2015.

Существенная разница, вероятно, отражает наличие крупного неформального сектора в арабском регионе, но также обнаруживает неэффективность организации сбора налогов. В этой связи важно подчеркнуть, что увеличение социальных страховых взносов путём стимулирования роста формальной экономики, укрепления налогового администрирования, а также с помощью других мер позволило бы расширить возможности для увеличения расходов на страховые социальные пособия для граждан.

Налоговые реформы могут быть весьма болезненными в краткосрочном плане, так как итогом их проведения неизбежно должны стать изменения в социальном контракте между государством и его гражданами. Анализ макроэкономического эффекта налоговых реформ и их влияния на социальное обеспечение населения в арабских странах показывает, что масштабный пакет преобразований параллельно с совершенствованием системы социальной защиты могут дать более весомые результаты, чем частичные меры.

Как представляется, в рассматриваемом регионе имеются существенные возможности для расширения налоговой базы. Так, сокращение изъятий сделало бы налоговые режимы более понятными и менее запутанными за счёт уменьшения административных издержек и минимизации возможностей для уклонения от налогов. Например, широко распространённые изъятия корпоративного налога (особенно в странах ССАГПЗ, где подоходным налогом в подавляющей части облагаются не местные, а иностранные компании) ведут к фискальным потерям и делают систему более сложной, создавая при этом преимущества крупным компаниям и предприятия перед малыми и средними структурами.

Налоговые системы большинства арабских стран опираются на регрессивную шкалу налогообложения, тогда как введение или повышение налогов на обеспеченный сегмент населения (в том числе на собственность, дивиденды, проценты и т. п.) помогло бы сделать их более прогрессивными и справедливыми. В частности, в странах, где введение подо-

ходного налога с физических лиц в краткосрочной перспективе вряд ли возможно, так называемые налоги на богатство могли бы стать их частичной заменой²¹.

Завершение реформы системы субсидий в арабских странах помогло бы не только создать и сохранить фискальные защитные механизмы, но и повысить их устойчивость к спадам рыночной конъюнктуры в обозримом будущем, высвободить бюджетные ресурсы для увеличения социальных расходов, а также поднять уровень эффективности в сфере производства и потребления (в частности, энергии, воды, сельскохозяйственной продукции). Например, от экономически необоснованных тарифов на воду и электричество выигрывают зачастую обеспеченные слои населения, так как граждане с низкими доходами страдают, в первую очередь, от отсутствия достаточного доступа к этим ресурсам. В арабских нефтеэкспортёрах топливные субсидии стимулируют развитие капиталоемких предприятий за счёт трудоёмких отраслей, которые могли бы обеспечить рабочие места для быстро растущего трудоспособного населения. Ряд исследований подтверждают, что отмена субсидий на топливо и электроэнергию в регионе Ближнего Востока и Северной Африки позволила бы сберечь около 2% ВВП и повысить на 40% расходы на социальную защиту²². Как отмечалось в данной работе, ряд арабских стран в 2010-е годы достигли определённого прогресса в сокращении субсидий, особенно топливных и, следовательно, в укреплении своей фискальной устойчивости. Наряду с этим, некоторые государства (Египет, Иордания, Оман, Саудовская Аравия) сочетали реформы системы субсидий с развитием адресной направленности сетей социального обеспечения.

Что касается арабских стран-импортёров углеводородов, то им следует, как считают аналитики МВФ, сделать акцент на изменение баланса прямого и косвенного налогообло-

²¹ Alvaredo F., L.Assouad, T.Piketty, Measuring Inequality in The Middle East, 1990-2016: The World's Most Unequal Region. WID Working Paper 2017/15. World Inequality Database. 2017.

²² World Economic and Financial Surveys. Regional economic Outlook. Middle East and Central Asia. IMF. 2018, p. 46 (<https://www.imf.org>).

жения путём постепенного повышения вклада подоходного налога на физических лиц в государственную казну. Упрощение налоговых режимов в этой группе государств при ограниченных возможностях администрирования и наличии значительного теневого сектора в экономике позволило бы повысить собираемость налогов и стимулировать уровень мобилизации доходов.

Несмотря на то, что многие арабские страны в 2010-е годы предпринимали шаги по поощрению развития частного сектора, включая улучшение условий для ведения бизнеса, укрепление системы государственного управления и проведение структурных реформ, направленных на повышение темпов экономического роста, частное инвестирование остаётся на достаточно низком уровне по сравнению с государствами с формирующимся рынком. Эта ситуация обусловлена целым комплексом факторов: слабая экономическая активность, ожидание уменьшения прибыльности в условиях ужесточения глобальных финансовых условий, резкое падение нефтяных цен в 2014–2015 гг. и др. Меры по снижению роли государственного сектора в экономике, облегчение доступа к финансированию, инвестирование в образование и инфраструктуру, повышение эффективности государственного управления могли бы дать толчок частному инвестированию. Эти усилия потребуют постепенного перехода в обозримом будущем от современной модели, которая базируется на доминировании государства в экономике, к более динамичной с развивающимся и конкурентным частным сектором.

В краткосрочной перспективе увеличение инвестиций, как государственных, так и частных, могло бы повысить совокупный внутренний спрос в арабских странах и заложить основу для устойчивого долговременного роста. Государственные инвестиции играют важную роль в обеспечении необходимой инфраструктуры (например, энергетика, транспорт, связь), создавая тем самым условия для частных инвестиций, они помогают развивать человеческий капитал (вложения в образование и здравоохранение). В то же время уве-

личение частных инвестиций является решающим фактором с точки зрения ускорения экономического роста и повышения производительности труда, в частности, путём внедрения высоких технологий и инновационных процессов.

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий и глобальных сетей Интернета, массовое распространение персональных компьютеров и мобильных телефонов являются решающими факторами для проникновения высоких технологий в экономику практически всех регионов мира, в том числе Ближнего Востока и Северной Африки. В арабских странах в рассматриваемый период постепенно формировался сектор цифровой экономики, который включал в себя такие формы деятельности как Интернет-магазины, Интернет-банкинг, платёжные системы и др. Развивающаяся в изучаемом регионе система Интернет-банкинга, например, позволяет оплачивать счета за коммунальные услуги, телефон, совершать платежи по кредитам и осуществлять переводы третьим лицам, не отходя от своего персонального компьютера или смартфона. Благодаря развитию цифровых технологий крупные арабские компании и предприятия открывают свои «онлайн» представительства, получая дополнительный сбыт своей продукции и увеличивая таким образом свою прибыль.

Как показал анализ, проведённый в данном исследовании, цифровизация экономики может сыграть заметную роль в снижении административных издержек и укреплении транспарентности и подотчётности в системе государственного управления и обеспечить совершенствование планирования государственных расходов.

Однако, как полагают многие эксперты, для получения более весомого положительного результата цифровая трансформация экономики арабских страна должна сопровождаться социальными инновациями и некоторыми культурными сдвигами. При этом, они подчёркивают, что достижение баланса между традиционными и современными социокультурными стандартами приобретает исключительную важность.

Библиография

Арабский мир в потоке событий и времени (сборник статей). Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2014. 353 с.

Арабский мир в потоке событий и времени (сборник статей). Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2016. 435 с.

Арабский мир и экономические вызовы (многоликая реальность). Сборник статей. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 11, 2018. 211 с.

Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019. 403 с.

Арабский мир на перепутье (революции против экономики). Л. Руденко, М. Замбуа, А. Филоник. Институт востоковедения РАН. Центр арабских и исламских исследований. – М., 2014. 106 с.

Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М., 2012, 342 с.

Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 43. – М., 2011. 305 с.

Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 44. – М., 2011. 337 с.

Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 46. – М., 2012. 262 с.

Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). – М., 2009-2014.

* * *

Гукасян Г. Экономическая трансформация в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Министерство образования и науки РФ. Казанский федеральный университет. Институт востоковедения РАН. Серия совместные труды. – Казань, 2017. 132 с.

Исаев В., Филоник А. Катар. Три столпа роста. Институт востоковедения РАН. – М., 2015. 320 с.

Руденко Л. Экономические реформы в Египте (1990–2000-е годы). Институт востоковедения РАН. – М., 2011. 114 с.

Руденко Л. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Министерство образования и науки РФ. Казанский федеральный университет. Институт востоковедения РАН. Серия совместные труды. – Казань, 2017. 235 с.

* * *

Акимов А. Население стран Ближнего Востока до 2050 г. и проблемы водоснабжения региона. // Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 43. – М., 2011, с. 5–17.

Бабенкова С. Исламский банкинг и новые банковские технологии (русский взгляд). // Арабский мир в русле текущей политики (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 16, 2018, с. 14–28.

Бабенкова С. «Зелёный» сукук как инструментальный хеджирования активов на финансовых рынках арабских стран. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 58–77.

Волков В. О структурной перестройке мирового рынка нефти // Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), октябрь–декабрь 2013.

Гукасян Г. Политика модернизации Объединённых Арабских Эмиратов. // Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 46. – М., 2012, с. 4–23.

Гукасян Г. Проблемы создания основ зелёной экономики в арабских странах. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 100–114.

Исаев В. Арабская нефть и газ: среднесрочный сценарий развития. // Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск 46. – М., 2012, с. 24–36.

Исаев В., Филоник А. Особенности инвестиционной политики современного Катар. // Арабский мир в потоке событий и времени. Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2014, с. 122–141.

Мировая экономика и международные отношения. – М., № 1, 2014, с. 3–20.

Панфиленко Э. Некоторые аспекты экологических проблем в Египте. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 169–182.

Руденко Л. Газовая промышленность арабских стран: итоги развития и перспективы. // Арабский мир в потоке событий и времени. Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2014, с. 264–277.

Руденко Л. Египет: перспективы диверсификации энергетики. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 183–193.

Руденко Л. Инвестиционный климат Египта. // Российский внешнеэкономический вестник, 2017, № 11, с. 39–51.

Руденко Л. Иордания: перспективы экономики и внешнеэкономических связей. // Российский внешнеэкономический вестник, 2019, № 2, с. 101–113.

Руденко Л. Нефть и газ арабских стран в международной торговле. // Российский внешнеэкономический вестник, 2018, № 6, с. 32–46.

Руденко Л. О развитии нефтегазовой промышленности в арабских странах. // Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. Выпуск № 43. М., 2011, с. 209–220.

Руденко Л. Перспективы цифровой трансформации арабских стран. // Внешнеэкономический вестник, 2019, № 5, с. 92–108.

Руденко Л. Сдвиги в сельскохозяйственном производстве и продовольственное обеспечение в арабских странах. // Арабский мир в потоке событий и времени (сборник статей). Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. М., 2014, с. 246–263.

Руденко Л. Современные экономические проблемы Египта. // Российский внешнеэкономический вестник, 2017, № 6, с. 25–35.

Руденко Л. Трансформация мировых рынков углеводородов и её влияние на энергетическую политику и нефтегазовый сектор арабских стран. // Арабский мир в потоке событий и времени (сборник статей). Фонд русско-арабских исследований и информации. – М., 2016, с. 215–239.

Руденко Л. Экономическая модернизация в арабских странах. // Российский внешнеэкономический вестник, 2016, № 12, с. 18–30.

Руденко Л. Экономические проблемы Саудовской Аравии. // Российский внешнеэкономический вестник, 2018, № 3, с. 114–128.

Руденко Л. Экономическое развитие Египта в условиях глобального спада. // Арабские страны Западной Азии Северной Африки (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012, с. 116–126.

Соловьёва З. Водный сектор арабских стран: дефицит воды и зелёные технологии. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института Востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 263–285.

Соловьёва З. Зелёная экономика как стратегия устойчивого развития стран Магриба. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 286–318.

Соловьёва З. Проблема водных ресурсов и их использование в арабских странах. // Арабский мир в потоке событий и времени. Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2016, с. 268–279.

Соловьёва З. Экономическая безопасность в странах Магриба. // Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 11, 2018, с. 117–149.

Филоник А. Арабская водохозяйственная отрасль: некоторые аспекты функционирования. // Арабский мир в потоке событий и времени (сборник статей). Фонд русско-арабских исследований и информации. Институт востоковедения РАН. – М., 2016, с. 315–336.

Филоник А., Хайдер А. Арабский мир в потоке глобализации: созидательность как альтернатива созерцательности. // Ближний Восток и современность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. Институт Ближнего Востока. – М., 2011. Выпуск 44, с. 260–282.

Филоник А., Толорая Л. Арабская продовольственная проблема и вызовы зелёного роста. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 319–351.

Филоник А. Война в Сирии: экономический ущерб и реконструкция. // Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 11, 2018, с. 161–177.

Филоник А. Зелёная экономика как акцентированный клон устойчивого развития (на примере отдельных арабских стран. // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 352–383.

Хайдер А. Зелёная экономика как ориентир развития арабского мира (на примере Йемена и ряда арабских стран). // Арабский Восток. «Зелёный» рост и вызовы современности (сборник статей). Институт востоковедения РАН. – М.: Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 22, 2019, с. 384–403.

* * *

Abougabal H. As-Sisi treads a fine line. Special Report Egypt. Middle East Economic Digest. London, 6-12.01.2016, p. 30.

Abougabal H. Cairo requires long-term planning. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016, p. 28, 29.

Aboushadi N., Zaki Ch. Investment climate and firm's exports in Egypt: when politics matter. Economic Research Forum. Cairo, 2016.

Abu Dhabi E-Government Programmes and Digital Transformation Initiatives discusses key transformation plans, projects. Emirates News Agency. 4 September 2016 (www.wam.ae/en/news/emirates/1395293883.html).

African Development Bank. Libya Economic Outlook 2018 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/Libya-economic-outlook>).

African Economic Outlook (AEO) 2019 (<https://www.afdb.org/en/countries/north-africa/algeria-economic-outlook>).

Alvaredo F., Assouad L., Piketty T. Measuring Inequality in the Middle East, 1990-2016: The World's Most Unequal Region. WID Working Paper 2017/15. World Inequality Database. 2017.

Analyses Mason Database.

Annual Statistical Bulletin 2017. The Organization of the Petroleum Exporting Countries. 2018.

An Overview of LNG market in 2017. Oil Industry Insight. 2018 (www.oilindustryinsight.com).

Austerity and Transformation. Chatham House. 2017 (<https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017>).

Bahrain's Economic Outlook. World Bank. October 2018 (<https://worldbank.org/en/country/gcc/publications>).

Bahrain's economy performs well with a record year of inward investment (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/Bahrain-2018/economy>).

Baladi E. Assad's government aims at accelerating the economic cycle in Ghouta. 20 July 2018 (<https://englishenabbaladi.net/2018/07/#ixzz5Q8JBuZH5>).

BTI 2018: Tunisia Country Report.htm.

Burkin-Gray A. Etisalat and Du announce OAE smart cities project. Capacity Media. 3 March 2016 (www.capacitymedia.com/article/3534490.html).

Butter D. Egypt tackles energy crises. Middle East Power 2016. London.

Butter D. Is Lebanon heading towards economic bankruptcy? Carnegie Middle East Center. October 2017 (www.carnegie-mec.org/diwan/73280).

Chambers J. How Technology is Transforming in the Middle East. World Economic Forum Articles. 20 May 2015 (<https://www.weforum.org/agenda/2015/05/how-technology--is-transforming-the-middle-east>).

Company filings confirm improved business activity in 2017. The Syria Report. 6 March 2018 (<https://www.syria-report.com/news/economy>).

Daher J. The Political economic context of Syria's reconstruction: a prospective in light of a legacy of unequal development. The European University Institute. December 2018 (www.eui.eu/RSEAS/Publications).

Digital Middle East. McKinsey&Company. October 2016 (<https://www.mckinsey.com/.../digital-middle-east-final-update>).

Digital Middle East: Transforming the region into a leading digital economy. Digital McKinsey. 2016.

Digital Transformation in the Middle East. 1 May 2018 (www.eiu.com/industry/article/266685610).

Doing business. 2006-2018. World Bank Group (<http://doing-business.org>).

Doing business. Measuring business regulations. World Bank Group.2016 (www.doingbusiness.org).

Department of Statistics. Jordan. 2016.

2016 Digital Yearbook. World Economic Forum.

Dosari S. Social Media Usage in the Middle East. Arab News. 29 February 2016 (<https://www.arabnews.com/node/888271>).

Economic Diversification in Oil-Exporting Arab Countries. International Monetary Fund. Washington, 2016.

Economic Diversification in the GCC: Past, Present and Future. International Monetary Fund. Washington, 2014.

Economic update: OPEC meeting raises output and questions. November 2018 (<https://www.pwc.com/m1/en/publications/middle-east-economy-watch/economic-update:meeting-raises-output-and-questions>).

Egypt to invest billions in renewable-energy plan. 16 May 2017(www.climateactionprogramme.org/news/egypt).

Egypt-Renewable Energy. 27 July 2017 (<https://www.export.gov>).

Egypt Overview. World Bank Group. 11 October 2017.

Economic Review 2012. Middle East Economic Digest. London.

Economic Survey of Tunisia 2018. The Organization of Economic Cooperation and Development. <http://www.oecd.org>. htm.

ESCWA and University of St. Andrews. Syria at War, five years on 2016.

Economic Studies and Country Risks. Yemen (<https://www.coface.com/economic-studies-and-country-risks-yemen>).

Fouejieu A., Rodriguez S., Shahid S. Fiscal Adjustment in the Gulf Countries: Less Costly than Previously Thought. International Monetary Fund. Washington. 2018.

Frangoul A. Renewable energy projects. 5 September 2017 (<https://www.cnbc.com>).

FAO – United Nations Food and Agriculture Organization. Trends, Challenges and Priorities – Near East and North Africa (PC 119/2 Add 2) Annex 5 to the Renew of the Strategic Framework and Preparation of the Medium Term Plan 2018-21 – Regional Priorities (<http://www.fao.org/3/a-mg647c.pdf>).

Final report of the Panel of experts on Yemen. UN. Security Council. 25 January 2019.

Gavin J. Region turns to IPPs and renewables. Middle East Power. London. 2016.

Gantz J., Reinsel D. The digital universe in 2020: Big data, bigger digital shadows, and bigger growth in the Far East. IDC country brief. February 2013 (www.emc.com/collateral/analyst-reports/idc-digital-universe-united-states.pdf).

Hanif N., Pennington R. Curriculum reforms will position the UAE well for the future. National UAE. August 2016.

<http://fanack.com/Saudi-arabia/economy>.

<http://coinmill.com>.

<https://www.focus-economics.com/countries/Saudi-arabia/> November 27/2017.

<https://www.mckinsey.com/global-themes/employment-and-growth/moving-saudi-arabias-economy-beyond-oil>.

<https://www.eiu.com/public/signup.aspx>.

<https://theodora.com/wfbcurrent/jordaneconomy.html>. 28 February 2018.

<https://tass.ru/info/4960467>.

<https://www.worldbank.org/en/country/morocco/overview/> April 16/2018.

<https://www.mcit.gov.sa/en/media-center-news/99864>.

Index Mundi. Saudi Arabia Economy Profile 2018.

Iraq Overview. World Bank Group. April 2019 (<https://www.worldbank.org/en/country/Iraq/overview>).

Innovation Group. The Future 100: MENA Trends and Change to Watch in 2017 (<https://www.jwtintelligence.com/trend-reports/the-future-100-mena-2017>).

Innovation in Gulf Cooperation Council (GCC) Governments. McKinsey Center for Government.

Jewell A., Mansour M., Mitra P., Sdralevich C. Fair Taxation in the Middle East and North Africa. International Monetary Fund. Washington. 2015.

Jordan Economic Growth Plan 2018-2022 (JEGP). May 2017 (www.jordanembassy.us.org).

Jordan's Economic Outlook. World Bank Group. 16 April 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/Jordan/publication>).

The Jordanian economy in 2018. The Jordanian Times. 22 January 2018.

Jordan, Russia to hold regular meetings on cooperation (www.jordantimes.com/news/local/May-27/2018).

Khan S., Abougabal H. New budget reflects the tough realities. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016.

Kinninmont J. Vision 2030 and Saudi's Social Contract. Austerity and Transformation. Chatham House. 2017 (<https://chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017>).

Kuwait: Year in Review – 2018. 15 January 2019 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/news/Kuwait-year-review-2018>).

Kuwait Economic Outlook. 5 March 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/Kuwait>).

Lebanon Economy Profile 2018. 20 January 2018.

Lebanon – Economic Forecasts – 2018-2020 (<https://www.tradingeconomics.com/Lebanon>).

Lebanon Country Report. BTI 2018 (<https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/LBN>).

McKee, Musa et al/ Demographic and Economic Material Factors in the MENA Region. MENARA Working Papers, № 3 (October), 2017.

MENA Infrastructure Key Themes for 2017. BMI 2017. Fitch Solutions. July 2017 (<https://www.fitchsolutions.com/node/179>).

MENA region is fastest growing consumer of videos on Facebook. Dubai PR Network, 7 June 2015.

Middle East Economic Digest (MEED). London. 2010-2016 (www.meed.com).

Middle East Economic Digest. 2012 Economic Review. London. 2013.

Middle East Economic Digest. 2015 Economic Review. London.

Middle East Power 2016. MEED. London. 2017.

Moody's Economic Indicators and Analytics. Algeria – Economic Indicators (<https://www.economy.com/Algeria/indicators>).

Moody's Investor Service. Washington. 2014-2018.

Morocco – Economic Forecasts – 2018-2020 Outlook (<https://www.tradingeconomics.com/morocco/forecast>).

Morocco Economy Profile 2018. 20 January 2018 (https://index-mundi.com/morocco/economy_profile.html).

Munro D. Global oil markets set to strengthen further in 2018 (www.agsim.org/22-january/2018).

New UAE bankruptcy law to be operational in early 2017. Gulf News. 6 September 2016 (<http://gulfnews.com/business/economy/new-uae-bankruptcy-law-to-be-operational-in-early-2017/1892150>).

Nieva F. Social women entrepreneurship in the Kingdom of Saudi Arabia. Journal of Global. Entrepreneurship Research. 10 July 2015.

Oman Economic Outlook. 5 March 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/oman>).

Oman's Economic Outlook. World Bank. April 2018 (<https://www.worldbank.org/en/country/gcc/publications>).

Pitch Book database.

Purfield L., Finger H., Ongley K., Baduel B., Castellanos C., Pierre G., Stepanyan V., Roos E. Opportunity for ALL: Promoting growth and inclusiveness in the Middle East and North Africa. International Monetary Fund. Washington. 2018.

Qatar Economic Outlook. 5 March 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/Qatar>).

Rafi S. Three-quarters of Middle East based SMEs have no online presence. September 2016 (www.customerservice.ae/three-quarters-of-middle-east-based-smes-have-no-online-presence).

Raven A. A New Solar Park Shines a Light on Egypt's Energy Potential. October 2017, p. 4 (www.ifc.org/infrastructure).

Ronald A., Mouchawar R. How I created Souq.com. Arabian Business. 5 April 2014 (www.arabianbusiness.com/ronaldo-mouchawar/how-i-created-souq-com-545057.html).

Roscoe A. Meeting Ambitious energy targets. Middle East Power. London. 2016.

Saudi Arabian General Investment Authority website.

Saudi Arabian Monetary Authority (SAWA) data. 2012-2017.

Sdravovich C., Sab R., Zouhar Y., Albertin G.. Subsidy Reform in the Middle East and North Africa: Recent Progress and Challenges Ahead. International Monetary Fund. Washington. 2014.

Special Report of Qatar. Middle East Economic Digest. London. 2-8.12.2015.

Special Report of Oman. Middle East Economic Digest. London. 18-24.11.2015.

Special Report of Qatar. Middle East Economic Digest. London. 2-8.12.2015.

Special Report of Egypt. Middle East Economic Digest. London. 6-12.01.2016.

Syrian Arab Republic – Economic Indicators. Moody's Corporation (US). 2018 (<https://www.economy.com/syrian-arab-republic-economic-indicators>).

Syrian businesses complain of labor shortages despite massive unemployment. November 2017 (<https://www.syria-report.com/news/economy/syrian-businesses-complain-of-labor-shortages-despite-massive-unemployment>).

Strategy Analytics 2015.

Sutton M. Dubai Smart Government signs deal for smart payments. ITP.net. December 2015 (www.itp.net/605888-dubai-smart-government-signs-deal-for-smart-payments).

Tamirisa N. Duenwald K. Public Wage Bills in the Middle East and Central Asia Region. International Monetary Fund. Washington. 2018.

The Report: Algeria 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/overview/changing-track-new-strategy-seeks>).

The Report: Egypt 2018 (<https://www.oxfordbusinessgroup.com/Egypt-2018-economy>).

Tynisia Economic Outlook – African Development Bank.htm (<https://www.afdb.org/en/cookies-privacy-policy>).

Transport, turism data confirm 2017 GDP growth trend. The Syria Report. 16 January 2018 (<https://www.syria-report.com/news/economy>).

Technological Trends in the MENA Region: The Cases of Digitalization and Information and Communication Technology (ICT). MENARA Working Paspers No 23. November 2018 (https://www.iai.it/sites/default/files/menara_wp_23.pdf).

Uber. Being Uber in Saudi Arabia. Press Release. 24 April 2016 (<http://newsroom.uber.com/Saudi-arabia/being-uber-in-saudi-arabia>).

United Arab Emirates Economic Outlook. 5 March 2019 (<https://www.focus-economics.com/countries/united-arab-emirates>).

US Bureau of Labor Statistics.

We are Social. Global Digital report 2018 (<https://digitalreport.wearesocial.com>).

World Bank Enterprise Survey 2013: Enterprise surveys-Egypt Country profile 2013. World Bank Group. Washington.

Woo J., Bova E., Kinda T., Zhang Y. Distributional Consequences of Fiscal Adjustments: What Do the Data Say? IMF Economic Review 65(2), 2017, p. 273–307.

World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. 2018 (<https://www.imf.org>).

World Economic Situation and prospects. United Nations. New-York. 2009–2010.

World Economic Outlook. International Monetary Fund. Washington. 2010–2019.

World Economic Outlook Update. International Monetary Fund. Washington. January 2019 (<https://www.imf.org/-/media/.../outlookupdate>).

World Energy Analyses. A sea change in the global oil trade. International Energy Agency. 2018 (www.iea.org).

World Energy Outlook 2017 (WEO 2017): A world in transformation. International Energy Agency (IEA). 2018 (www.iea.org).

World Market Monitor Database (2015-2018).

www.arabnews.com/node/1172311/saudi-arabia.

www.arabnews.com/node/1187471/saudi-arabia.

www.bbc.com/russian/news-37863023.

www.politrussia.com/world/rossiya-iordaniya-984.

[www.pravdareport.com/russia/economics/05-10-2017/138839-king_saudi arabia](http://www.pravdareport.com/russia/economics/05-10-2017/138839-king_saudi_arabia).

www.dubaifutureaccelarators.com/en.

www.edraak.org.

www.saudiaramco.com/en/home/news-media/news/IKT-VA-PROGRAM.html.

www.smartdubai.ae.

Yemen Economic Monitoring Brief-Winter 2019 (EN/AR). 12 March 2019 (<https://reliefweb.int/report/yemen>).

Yemen Economy Profile 2018 (https://www.indexmundi.com/yemen/economy_profile.html).

Yemen Economic Update. World Bank Group. April 2019 (<https://www.worldbank.org/en/country/yemen/publications/yemen's-economic-update>).

Научное издание

РУДЕНКО Людмила Николаевна

**АРАБСКИЕ СТРАНЫ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(2010-е годы)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка Н.В. Макеева

Подписано 13.11.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 10,6
Тираж 500 экз. Зак. № 402.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5